О БОРЬБЕ С ПРАВЫМИ И «УЛЬТРАЛЕВЫМИ» УКЛОНАМИ

Две речи на заседании Президиума ИККИ 22 января 1926 г.

I

Я думаю, что Гансен и Рут Фишер стоят на неправильной точке зрения. Они требуют, чтобы борьба против правых и «ультралевых» шла всегда и везде, при всяких условиях, с одинаковой ударной силой, так сказать, по справедливости. Эта точка зрения справедливости и равномерности удара против правых и «ультралевых» при всяких условиях и при всякой обстановке — является ребяческой точкой зрения. Так не может ставить вопрос политик. Вопрос о борьбе с правыми и «ультралевыми» надо рассматривать не под углом зрения справедливости, а под углом зрения требований политического момента, под углом зрения политических потребностей партии в каждый данный момент. Почему во французской партии борьба с правыми является **очередной** ударной задачей в данный момент, а в германской компартии **очередной** задачей является борьба с «ультралевыми»? Потому, что во французской и германской компартиях положение не одинаково. Потому, что политические потребности этих двух партий в данный момент различны.

Германия недавно только вышла из глубокого революционного кризиса[1], когда партия вела борьбу методом прямого натиска. Ныне германская компартия переживает период собирания сил и подготовки масс к будущим решающим боям. Для достижения старых целей в новой обстановке метод прямого натиска сейчас уже не подходит. Сейчас от германской компартии требуется переход к методу обходных движений, имеющих своей целью овладение большинством рабочего класса в Германии. Естественно, что при таких условиях в Германии нашлась группа «ультралевых», которая, школьнически повторяя старые лозунги, не сумела или не хочет приспособиться к новым условиям борьбы, требующим новых приёмов работы. Отсюда «ультралевые», мешающие партии своей политикой приспособиться к новым условиям борьбы и открыть себе дорогу к широким массам германского пролетариата. Либо германская компартия сломит сопротивление «ультралевых», и тогда она выйдет на широкую дорогу завоевания большинства рабочего класса, либо она этого не сделает, и тогда она превратит нынешний кризис в хронический и пагубный для партии. Отсюда борьба с «ультралевыми» в германской компартии, как её очередная задача.

Во Франции мы имеем другое положение. Там глубокого революционного кризиса еще не было. Там шла борьба в рамках легальности, с её исключительно или почти исключительно легальными методами борьбы. Но теперь во Франции наметился кризис. Я имею в виду марокканскую и сирийскую войны и финансовые затруднения Франции[2]. Насколько глубок этот кризис, трудно еще сказать, но это всё-таки кризис, требующий

от партии сочетания легальных и нелегальных условий борьбы, требующий от партии максимума большевизации. Естественно, что при таких условиях во французской партии нашлась группа,— я имею в виду группу правых,— которая не сумела или не хочет приспособиться к новым условиям борьбы и которая продолжает настаивать, по инерции, на старых методах борьбы, как единственно правильных. Это обстоятельство, конечно, не может не тормозить большевизации французской компартии. Отсюда правая опасность во французской компартии, как **очередная** опасность. Отсюда задача борьбы с правой опасностью, как ударная задача французской компартии.

Несколько примеров из истории ВКП(б). После революции 1905 года у нас в партии тоже образовалась «ультралевая» группа под названием «отзовистов», которая не сумела или не хотела приспособиться к новым условиям борьбы и не признавала метода использования легальных возможностей (Дума, рабочие клубы, страховые кассы и пр.). Известно, что Ленин вёл решительную борьбу с этой группой, и партии удалось выйти на правильную дорогу после того, как она успела преодолеть эту группу. То же самое было у нас после революции 1917 года, когда «ультралевая» группа [3] выступала против Брестского мира. Известно, что и эта группа была разбита нашей партией во главе с Лениным.

О чём говорят все эти факты? О том, что вопрос о борьбе с правыми и «ультралевыми» надо ставить не абстрактно, а конкретно, в зависимости от политической обстановки.

Случайно ли, что французы входят в Президиум Исполнительного Комитета Коммунистического

Интернационала с резолюцией против правых элементов своей партии, а немцы с резолюцией против «ультралевых»? Конечно, не случайно. У кого что болит, тот о том и говорит.

Поэтому точка зрения справедливости и одинаковости удара против правых и «ультралевых» несостоятельна.

Именно поэтому я предложил бы в проекте резолюции об «ультралевых» в Германии вычеркнуть фразу, говорящую о том, что в германской компартии борьба должна быть заострена в одинаковой степени как против правых, так и против «ультралевых». Я предлагаю вычеркнуть эту фразу по той же причине, по которой была вычеркнута из резолюции о правых во французской компартии фраза о заострении борьбы против «ультралевых». Что с правыми и «ультралевыми» надо бороться всегда и везде — это абсолютно правильно. Но вопрос идёт теперь не об этом, а о том, на чём именно следует в данный момент заострить вопрос во Франции, с одной стороны, и в Германии, с другой стороны. Я думаю, что во французской компартии надо заострить вопрос на борьбе с правыми, ибо этого требует политическая необходимость в данный момент; в германской же компартии надо заострить вопрос на борьбе с «ультралевыми», так как этого требуют политические потребности германской компартии в данный момент.

Каково положение промежуточной группы в германской компартии, группы Рут Фишер — Маслов, если рассматривать этот вопрос с только что изложенной точки зрения? Группа эта, по-моему, дипломатически прикрывает «ультралевую» группу Шолема. Группа Рут Фишер — Маслов, не солидаризируясь

открыто с группой Шолема, делает, однако, всё от неё зависящее для того, чтобы ослабить удар партии против группы Шолема. Группа Рут Фишер — Маслов мешает, таким образом, Центральному Комитету германской компартии преодолеть и ликвидировать «ультралевые» предрассудки германской компартии. Поэтому германская компартия должна повести решительную борьбу с этой группой, с группой Рут Фишер — Маслов. Либо группа Рут Фишер — Маслов будет разбита, и тогда партия получит возможность преодолеть нынешний кризис в борьбе с группой Шолема, либо германская компартия поддастся дипломатическим увёрткам группы Рут Фишер — Маслов, и тогда борьба будет проиграна в пользу Шолема.

II

Мне кажется, что Гансен проповедует какую-то поповскую мораль в деле внутрипартийной идейной борьбы, совершенно не идущую к коммунистической партии. Он, видимо, не против идейной борьбы. Но он бы хотел вести эту борьбу так, чтобы из этого не выходило никакого дискредитирования вождей оппозиции. Я должен сказать, что такой борьбы не бывает в природе. Я должен сказать, что кто допускает борьбу лишь при условии отсутствия какой бы то ни было компрометации вождей, тот фактически отрицает возможность всякой идейной борьбы внутри партии. Должны ли мы вскрывать ошибки тех или иных руководителей партии? Должны ли мы эти ошибки выносить на свет божий с тем, чтобы можно было воспитать партийные массы на ошибках руководителей? Я думаю, что должны.

Я думаю, что других путей для исправления ошибок не бывает. Я думаю, что метод замазывания ошибок есть не наш метод. Но из этого следует, что внутрипартийная борьба и исправление ошибок не могут обойтись без той или иной компрометации тех или иных вождей. Это, может быть, и печально, но ничего с этим не поделаешь, ибо мы бессильны бороться с неизбежностью.

Должны ли мы вообще бороться и против «ультралевых» и против правых,— спрашивает Гансен. Конечно, должны. Этот вопрос решён у нас давным-давно. Не об этом идёт спор. Спор идёт о том, на борьбе с какой опасностью должны мы заострить теперь вопрос в двух различных партиях, во французской и германской, находящихся теперь не в одинаковом положении. Случайно ли, что французы вошли в Президиум ИККИ с резолюцией против правых, а немцы — с резолюцией против «ультралевых»? Может быть, французы ошиблись, заостряя вопрос на борьбе против правых? Почему же тогда Гансен не попытался войти в Президиум с контррезолюцией о борьбе с «ультралевыми» во Франции? Может быть, немцы ошиблись, заостряя вопрос на борьбе с «ультралевыми»? Почему же тогда Гансен и Рут Фишер не попытались войти в Президиум с контррезолюцией о заострении вопроса на борьбе с правыми? В чём же дело? Да дело в том, что у нас стоит не абстрактный вопрос о борьбе с правыми и «ультралевыми» вообще, а конкретный вопрос об очередных задачах германской партии в данный момент. А очередная задача германской компартии состоит в том, чтобы преодолеть «ультралевую» опасность, так же, как очередная задача французской компартии состоит в том, чтобы преодолеть правую опасность.

Чем объяснить, например, тот общеизвестный факт, что компартии Англии, Франции, Чехословакии имеют уже серьёзные зацепки в профессиональном движении своих стран, открыли уже себе путь к широким массам рабочего класса и начинают завоёвывать доверие если не большинства, то значительных масс рабочего класса, тогда как в Германии дело обстоит в этом отношении всё еще слабо? Объясняется это обстоятельство, прежде всего, тем, что в германской компартии сильны еще «ультралевые», которые всё еще смотрят скептически на профсоюзы, на лозунг единого фронта, на лозунг овладения профсоюзами. Всем известно, что «ультралевые» недавно еще отстаивали лозунг «вон из профсоюзов». Всем известно, что пережитки этого антипролетарского лозунга до сих пор еще не изжиты полностью среди «ультралевых». Одно из двух: либо германская компартия сумеет быстро и решительно изжить предрассудки «ультралевых» по вопросу о методах работы в массах, разбив наголову, идейно разбив, группу Шолема, либо она этого не сумеет сделать, и тогда кризис в германской компартии может принять опаснейшее направление.

Говорят, что у «ультралевых» имеются честные революционные рабочие, которых нельзя и не следует отталкивать. Это совершенно правильно. Мы и не предлагаем их отталкивать. Мы и не вносим, ввиду этого, в своём проекте резолюции никаких предложений об отталкивании или об исключении из партии кого бы то ни было из «ультралевых», тем более рабочих. Но как поднять этих рабочих до уровня сознания ленинской партии? Как спасти их от тех заблуждений, в которых они обретаются теперь, благодаря ошибкам и

предрассудкам их «ультралевых» вождей? Для этого существует лишь один способ: это способ политического дезавуирования «ультралевых» вождей, способ вскрытия тех «ультралевых» ошибок, которые сбивают с толку честных революционных рабочих, и которые мешают им выйти на широкую дорогу. Можем ли мы допустить в вопросах идейной борьбы в партии и политического воспитания масс гнилую дипломатическую игру, замазывание ошибок? Нет, не можем. Это было бы обманом рабочих. Какой же выход в таком случае? Выход один: вскрыть ошибки «ультралевых» вождей и помочь, таким образом, честным революционным рабочим выбраться на правильную дорогу.

Говорят, что удар против «ультралевых» может вызвать обвинение в том, что германская компартия поправела. Это всё пустяки, товарищи. В 1908 году на общерусской партийной конференции [4], когда Ленин вёл борьбу против русских «ультралевых» и разбил их наголову, у нас тоже нашлись тогда люди, которые обвиняли Ленина в правизне, в поправении. Однако весь мир знает теперь, что Ленин был тогда прав, что его точка зрения была единственно революционной, а русские «ультралевые», щеголявшие тогда «революционными» фразами, были на деле оппортунистами.

Не следует забывать, что правые и «ультралевые» являются на деле близнецами, стоят, следовательно, на оппортунистической позиции, с той, однако, разницей, что правые не всегда скрывают свой оппортунизм, а левые всегда прикрывают свой оппортунизм «революционной» фразой. Мы не можем определять свою политику на основании того, что могут сказать про нас те или иные сплетники или обыватели. Мы должны итти

своей дорогой твёрдо и уверенно, не глядя на то, какую ещё сплетню могут сочинить про нас досужие люди. У русских имеется хорошая пословица: «Собаки лают, караван проходит». Следовало бы помнить нам эту пословицу: она может нам пригодиться еще не раз.

Рут Фишер говорит, что в дальнейшем может встать в германской компартии правая опасность, как очередной вопрос партии. Это вполне возможно и даже вероятно. Но что из этого следует? Рут Фишер делает из этого тот страшный вывод, что удар против «ультралевых» в Германии, которые сейчас **уже** составляют реальную опасность, должен быть ослаблен, а удар против правых, которые **могут** создать серьёзную опасность в **будущем**, должен быть теперь же усилен. Нетрудно понять, что такая постановка вопроса несколько смешна и в корне неправильна. До этой смешной позиции могла договориться лишь межеумочная дипломатическая группа, группа Рут Фишер — Маслов, старающаяся ослабить борьбу партии против «ультралевых» и тем спасти, вывести из-под удара, группу Шолема. В этом единственный смысл предложения Рут Фишер. Я думаю, что такая же промежуточная дипломатическая группа должна существовать и во Франции, старающаяся прикрыть ласковыми речами правые элементы французской компартии. Поэтому борьба с промежуточными дипломатическими группами как в германской, так и во французской партиях, составляет очередную задачу дня.

Рут Фишер уверяет, что принятие резолюции против «ультралевых» в Германии может лишь обострить положение внутри партии. Мне думается, что Рут Фишер хочет затянуть кризис в германской компартии, сделать его длительным и превратить его в хронический

кризис. Мы не можем поэтому пойти по пути Рут Фишер, несмотря на всю её дипломатию и ласковые слова насчёт мира в партии.

Я думаю, товарищи, что в германской партии уже выкристаллизовались серьёзные марксистские элементы. Я думаю, что нынешнее рабочее ядро германской компартии составляет то самое марксистское ядро, которое необходимо германской компартии. Поддержать это ядро и помочь ему в борьбе со всякими уклонами, прежде всего с «ультралевым» уклоном,— такова задача Президиума ИККИ. Поэтому мы должны принять резолюцию против «ультралевых» в Германии.

«Правда» № 40,
18 февраля 1926 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ СБОРНИКА «ВОПРОСЫ ЛЕНИНИЗМА»[5]

Одной из основных частей настоящего сборника нужно считать брошюру «Об основах ленинизма»[6]. Эта брошюра впервые была выпущена в свет почти два года назад, в мае 1924 года. Теперь она выходит в настоящем сборнике вторым изданием. За эти два года утекло много воды: партия пережила две дискуссии, выпущен целый ряд брошюр и руководств по ленинизму, встали на очередь новые практические вопросы социалистического строительства. Понятно, что новые вопросы, возникшие за эти два года, равно как результаты дискуссий, имевших место после выхода брошюры, не могли быть учтены в этой брошюре. Понятно также, что конкретные вопросы нашего строительства (нэп, госкапитализм, вопрос о среднем крестьянстве и т. д.) не могли быть полностью освещены в маленькой брошюре, представляющей «конспективное изложение основ ленинизма». Эти и подобные им вопросы могли быть освещены лишь в последующих брошюрах автора («Октябрьская революция и тактика русских коммунистов»[7], «К итогам работ XIV конференции РКП(б)»[8], «Вопросы и ответы»[9] и т. д.), вошедших в

состав настоящего сборника и органически связанных с основными положениями, изложенными в первоначальной брошюре «Об основах ленинизма». Это обстоятельство вполне оправдывает выход в свет настоящего сборника, представляющего, таким образом, единый и целостный труд по вопросам ленинизма.

Последняя дискуссия на XIV партсъезде подвела итог идеологической и строительной работе партии за последний период, за период с XIII по XIV съезд. Она дала вместе с тем некоторую проверку положений, выставленных в своё время «новой оппозицией». Позволительно спросить: каковы итоги этой проверки?

И. В. Сталин. К вопросам ленинизма. М.— Л., 1926

К ВОПРОСАМ ЛЕНИНИЗМА

ЛЕНИНГРАДСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ ВКП(б)
ПОСВЯЩАЮ
И. СТАЛИН

I

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЛЕНИНИЗМА

В брошюре «Об основах ленинизма» дано известное определение ленинизма, получившее, видимо, права гражданства. Оно гласит:

«Ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции. Точнее: ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности» [10].

Правильно ли это определение?

Я думаю, что правильно. Оно правильно, во-первых, потому, что правильно указывает на исторические корни ленинизма, характеризуя его как марксизм **эпохи империализма**, в противовес некоторым критикам Ленина, неправильно думающим, что ленинизм возник после империалистической войны. Оно правильно, во-вторых, потому, что правильно отмечает международный характер ленинизма, в противовес социал-демократии, считающей ленинизм применимым лишь в национально-русской обстановке. Оно правильно, в-третьих, потому, что правильно отмечает органическую связь ленинизма с учением Маркса, характеризуя его как **марксизм** эпохи империализма, в противовес некоторым

критикам ленинизма, считающим его не дальнейшим развитием марксизма, а лишь восстановлением марксизма и применением его к русской действительности.

Всё это, как будто бы, не нуждается в особых комментариях.

Тем не менее в нашей партии имеются, оказывается, лица, считающие необходимым определить ленинизм несколько иначе. Вот, например, Зиновьев думает, что:

«Ленинизм есть марксизм эпохи империалистических войн и мировой революции, **непосредственно начавшейся в стране, где преобладает крестьянство**».

Что могут означать слова, подчёркнутые Зиновьевым? Что значит вводить в определение ленинизма отсталость России, её крестьянский характер?

Это значит превращать ленинизм из интернационального пролетарского учения в продукт российской самобытности.

Это значит играть наруку Бауэру и Каутскому, отрицающим пригодность ленинизма для других стран, капиталистически более развитых.

Слов нет, что крестьянский вопрос имеет для России важнейшее значение, что страна у нас крестьянская. Но какое значение может иметь этот факт для характеристики основ ленинизма? Разве ленинизм выработался только на почве России и для России, а не на почве империализма и не для империалистических стран вообще? Разве такие труды Ленина, как «Империализм, как высшая стадия капитализма»[11], «Государство и революция»[12], «Пролетарская революция и ренегат Каутский»[13], «Детская болезнь «левизны» в коммунизме»[14] и т. д., имеют значение только для России, а не для всех империалистических стран вообще?

Разве ленинизм не есть обобщение опыта революционного движения **всех** стран? Разве основы теории и тактики ленинизма не пригодны, не обязательны для пролетарских партий **всех** стран? Разве Ленин был не прав, говоря, что «большевизм **годится как образец тактики для всех**»? (см. т. XXIII, стр. 386). Разве Ленин был не прав, говоря о «**международном значении** * Советской власти и основ большевистской теории и тактики»? (см. т. XXV, стр. 171—172). Разве не правильны, например, следующие слова Ленина:

«В России диктатура пролетариата неизбежно должна отличаться некоторыми особенностями по сравнению с передовыми странами вследствие очень большой отсталости и мелкобуржуазности нашей страны. Но основные силы — и основные формы общественного хозяйства — в России те же, как и в любой капиталистической стране, так что **особенности эти могут касаться только не самого главного**»* (см. т. XXIV, стр. 508).

Но если всё это верно, не следует ли из этого, что определение ленинизма, данное Зиновьевым, не может быть признано правильным?

Как совместить это национально-ограниченное определение ленинизма с интернационализмом?

II

ГЛАВНОЕ В ЛЕНИНИЗМЕ

В брошюре «Об основах ленинизма» сказано:

«Иные думают, что основное в ленинизме — крестьянский вопрос, что исходным пунктом ленинизма является вопрос о крестьянстве, его роли, его удельном весе. Это совершенно неверно. Основным вопросом в ленинизме, его отправным пунктом является не крестьянский вопрос, а вопрос о диктатуре

---

* Курсив мой. **И. Ст.**

пролетариата, об условиях её завоевания, об условиях её укрепления. Крестьянский вопрос, как вопрос о союзнике пролетариата в его борьбе за власть, является вопросом производным»[15].

Правильно ли это положение?

Я думаю, что правильно. Это положение целиком вытекает из определения ленинизма. В самом деле, если ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции, а основным содержанием пролетарской революции является диктатура пролетариата,— то ясно, что главное в ленинизме состоит в вопросе о диктатуре пролетариата, в разработке этого вопроса, в обосновании и конкретизации этого вопроса.

Тем не менее Зиновьев, видимо, не согласен с этим положением. В своей статье «Памяти Ленина» он говорит:

«Вопрос о роли крестьянства, как я уже сказал, является **основным вопросом** * большевизма, ленинизма».

Это положение Зиновьева, как видите, целиком вытекаст из неправильного определения ленинизма, данного Зиновьевым. Поэтому оно так же неправильно, как неправильно его определение ленинизма.

Правилен ли тезис Ленина о том, что диктатура пролетариата является «коренным содержанием пролетарской революции»? (см. т. XXIII, стр. 337). Безусловно, правилен. Правилен ли тезис о том, что ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции? Я думаю, что правилен. Но что же из этого следует? А из этого следует то, что основным вопросом ленинизма, его отправным пунктом, его фундаментом является вопрос о диктатуре пролетариата.

---

* Курсив мой. **И. Ст.**

Разве это не верно, что вопрос об империализме, вопрос о скачкообразном характере развития империализма, вопрос о победе социализма в одной стране, вопрос о государстве пролетариата, вопрос о советской форме этого государства, вопрос о роли партии в системе диктатуры пролетариата, вопрос о путях строительства социализма,— что все эти вопросы разработаны именно Лениным? Разве это не верно, что эти именно вопросы и составляют основу, фундамент идеи диктатуры пролетариата? Разве это не верно, что без разработки этих основных вопросов разработка крестьянского вопроса с точки зрения диктатуры пролетариата была бы немыслима?

Слов нет, что Ленин был знатоком крестьянского вопроса. Слов нет, что крестьянский вопрос, как вопрос о союзнике пролетариата, имеет важнейшее значение для пролетариата и является составной частью основного вопроса о диктатуре пролетариата. Но разве не ясно, что если бы не стоял перед ленинизмом основной вопрос о диктатуре пролетариата, то не было бы и производного вопроса о союзнике пролетариата, вопроса о крестьянстве? Разве не ясно, что если бы не стоял перед ленинизмом практический вопрос о завоевании власти пролетариатом, то не было бы и вопроса о союзе с крестьянством?

Ленин не был бы величайшим пролетарским идеологом, каким он, несомненно, является, он был бы простым «крестьянским философом», каким его нередко рисуют заграничные литературные обыватели, если бы он вёл разработку крестьянского вопроса не на базе теории и тактики диктатуры пролетариата, а помимо этой базы, вне этой базы.

Одно из двух:

либо крестьянский вопрос является главным в ленинизме, и тогда ленинизм не пригоден, не обязателен для стран капиталистически развитых, для стран, не являющихся крестьянскими странами;

либо главным в ленинизме является диктатура пролетариата, и тогда ленинизм является интернациональным учением пролетариев всех стран, пригодным и обязательным для всех без исключения стран, в том числе и для капиталистически развитых.

Тут надо выбирать.

III

ВОПРОС О «ПЕРМАНЕНТНОЙ» РЕВОЛЮЦИИ

В брошюре «Об основах ленинизма» «теория перманентной революции» расценивается как «теория» недооценки роли крестьянства. Там сказано:

> «Ленин воевал, стало быть, со сторонниками «перманентной» революции не из-за вопроса о непрерывности, ибо Ленин сам стоял на точке зрения непрерывной революции, а из-за недооценки ими роли крестьянства, являющегося величайшим резервом пролетариата» [16].

Эта характеристика русских «перманентников» считалась до последнего времени общепризнанной. Тем не менее она, будучи вообще правильной, не может быть, однако, признана исчерпывающей. Дискуссия 1924 года, с одной стороны, и тщательный анализ трудов Ленина, с другой стороны, показали, что ошибка русских «перманентников» состояла не только в

недооценке роли крестьянства, но и в недооценке сил и способностей пролетариата повести за собой крестьянство, в неверии в идею гегемонии пролетариата.

Поэтому в своей брошюре «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов» (декабрь 1924 г.) я расширил эту характеристику и заменил её другой, более полной. Вот что сказано в этой брошюре:

«До сего времени отмечали обычно **одну** сторону теории «перманентной революции» — неверие в революционные возможности крестьянского движения. Теперь, для справедливости, эту сторону необходимо дополнить **другой** стороной — неверием в силы и способности пролетариата России»[17].

Это, конечно, не значит, что ленинизм стоял или стоит против идеи перманентной революции, без кавычек, провозглашённой Марксом в сороковых годах прошлого столетия[18]. Наоборот. Ленин был единственным марксистом, который правильно понял и развил идею перманентной революции. Отличие Ленина от «перманентников» состоит в этом вопросе в том, что «перманентники» искажали идею перманентной революции Маркса, превратив её в безжизненную, книжную мудрость, тогда как Ленин взял её в чистом виде и сделал её одной из основ своей теории революции. Следует помнить, что идея перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую, данная Лениным еще в 1905 году, есть одна из форм воплощения марксовой теории перманентной революции. Вот что писал на этот счёт Ленин еще в 1905 году:

«От революции демократической мы сейчас же начнём переходить и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и

организованного пролетариата, начнём переходить к социалистической революции. **Мы стоим за непрерывную революцию***. Мы не остановимся на полпути...

Не впадая в авантюризм, не изменяя своей научной совести, не гонясь за дешёвенькой популярностью, мы можем сказать и говорим **лишь одно:** мы всеми силами поможем всему крестьянству сделать революцию демократическую, **чтобы тем легче** было нам, партии пролетариата, перейти как можно скорее к новой и высшей задаче — революции социалистической» (см. т. VIII, стр. 186—187).

А вот что пишет Ленин на эту тему спустя шестнадцать лет, после завоевания власти пролетариатом:

«Каутские, Гильфердинги, Мартовы, Черновы, Хиллквиты, Лонгэ, Макдональды, Турати и прочие герои «II½» марксизма не сумели понять... соотношения между буржуазно-демократической и пролетарски-социалистической революциями. **Первая перерастает во вторую***. Вторая, мимоходом, решает вопросы первой. Вторая закрепляет дело первой. Борьба и только борьба решает, насколько удаётся второй перерасти первую» (см. т. XXVII, стр. 26).

Я обращаю особое внимание на первую цитату, взятую из статьи Ленина «Отношение социал-демократии к крестьянскому движению», опубликованной 1 сентября 1905 года. Я подчёркиваю это к сведению тех, которые всё еще продолжают утверждать, что Ленин пришёл будто бы к идее перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую, то есть к идее перманентной революции, после империалистической войны. Эта цитата не оставляет сомнений в том, что эти люди глубоко заблуждаются.

---

* Курсив мой. **И. Ст.**

IV

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА

В чём состоят характерные черты пролетарской революции в отличие от революции буржуазной?

Различие между революцией пролетарской и революцией буржуазной можно было бы свести к пяти основным пунктам.

1) Буржуазная революция начинается обычно при наличии более или менее готовых форм капиталистического уклада, выросших и созревших еще до открытой революции в недрах феодального общества, тогда как пролетарская революция начинается при отсутствии, или почти при отсутствии, готовых форм социалистического уклада.

2) Основная задача буржуазной революции сводится к тому, чтобы захватить власть и привести её в соответствие с наличной буржуазной экономикой, тогда как основная задача пролетарской революции сводится к тому, чтобы, захватив власть, построить новую, социалистическую экономику.

3) Буржуазная революция **завершается** обычно захватом власти, тогда как для пролетарской революции захват власти является лишь её **началом**, причём власть используется как рычаг для перестройки старой экономики и организации новой.

4) Буржуазная революция ограничивается заменой у власти одной эксплуататорской группы другой эксплуататорской группой, ввиду чего она не нуждается в сломе старой государственной машины, тогда как пролетарская революция снимает с власти все и всякие

эксплуататорские группы и ставит у власти вождя всех трудящихся и эксплуатируемых, класс пролетариев, ввиду чего она не может обойтись без слома старой государственной машины и замены её новой.

5) Буржуазная революция не может сплотить вокруг буржуазии на сколько-нибудь длительный период миллионы трудящихся и эксплуатируемых масс именно потому, что они являются трудящимися и эксплуатируемыми, тогда как пролетарская революция может и должна связать их с пролетариатом в длительный союз именно как трудящихся и эксплуатируемых, если она хочет выполнить свою основную задачу упрочения власти пролетариата и построения новой, социалистической экономики.

Вот некоторые основные положения Ленина на этот счёт:

«Одно из основных различий,— говорит Ленин,— между буржуазной и социалистической революцией состоит в том, что для буржуазной революции, вырастающей из феодализма, в недрах старого строя постепенно создаются новые экономические организации, которые изменяют постепенно все стороны феодального общества. Перед буржуазной революцией была только одна задача — смести, отбросить, разрушить все путы прежнего общества. Выполняя эту задачу, всякая буржуазная революция выполняет всё, что от неё требуется: она усиливает рост капитализма.

В совершенно ином положении революция социалистическая. Чем более отсталой является страна, которой пришлось, в силу зигзагов истории, начать социалистическую революцию, тем труднее для неё переход от старых капиталистических отношений к социалистическим. Здесь к задачам разрушения прибавляются новые, неслыханной трудности задачи — организационные» (см. т. XXII, стр. 315).

«Если бы народное творчество,— продолжает Ленин,— русской революции, прошедшее через великий опыт 1905 года,

не создало Советов еще в феврале 1917 года, то ни в каком случае они не могли бы взять власть в октябре, так как успех зависел только от наличности уже готовых организационных форм движения, охватившего миллионы. Этой готовой формой явились Советы, и потому в политической области нас ждали те блестящие успехи, то сплошное триумфальное шествие, которое мы пережили, ибо новая форма политической власти была наготове, и нам оставалось только несколькими декретами превратить власть Советов из того эмбрионального состояния, в котором она находилась в первые месяцы революции, в форму законно признанную, утвердившуюся в Российском государстве,— в Российскую Советскую республику» (см. т. XXII, стр. 315).

«Оставались ещё,— говорит Ленин,— две гигантской трудности задачи, решение которых никоим образом не могло быть тем триумфальным шествием, каким шла в первые месяцы наша революция» (см. там же, стр. 315).

«Во-первых, это были задачи внутренней организации, стоящие перед всякой социалистической революцией. Отличие социалистической революции от буржуазной состоит именно в том, что во втором случае есть готовые формы капиталистических отношений, а Советская власть — пролетарская — этих готовых отношений не получает, если не брать самых развитых форм капитализма, которые в сущности охватили небольшие верхушки промышленности и совсем мало еще затронули земледелие. Организация учёта, контроль над крупнейшими предприятиями, превращение всего государственного экономического механизма в единую крупную машину, в хозяйственный организм, работающий так, чтобы сотни миллионов людей руководились одним планом,— вот та гигантская организационная задача, которая легла на наши плечи. По нынешним условиям труда она никоим образом не допускала решения на «ура», подобно тому как нам удавалось решить задачи гражданской войны» (см. там же, стр. 316).

«Вторая из гигантских трудностей...— международный вопрос. Если мы так легко справились с бандами Керенского, если так легко создали власть у себя, если мы без малейшего труда получили декрет о социализации земли, рабочем контроле,— если мы получили так легко всё это, то только потому,

что счастливо сложившиеся условия на короткий момент прикрыли нас от международного империализма. Международный империализм со всей мощью его капитала, с его высокоорганизованной военной техникой, представляющей настоящую силу, настоящую крепость международного капитала, ни в коем случае, ни при каких условиях не мог ужиться рядом с Советской республикой и по своему объективному положению и по экономическим интересам того капиталистического класса, который был в нём воплощён, — не мог в силу торговых связей, международных финансовых отношений. Тут конфликт является неизбежным. Здесь величайшая трудность русской революции, её величайшая историческая проблема: необходимость решить задачи международные, необходимость вызвать международную революцию» (см. т. XXII, стр. 317).

Таковы внутренний характер и основной смысл пролетарской революции.

Можно ли проделать такую коренную перестройку старых, буржуазных порядков без насильственной революции, без диктатуры пролетариата?

Ясно, что нельзя. Думать, что такую революцию можно проделать мирно, в рамках буржуазной демократии, приспособленной к господству буржуазии,— значит либо сойти с ума и растерять нормальные человеческие понятия, либо отречься грубо и открыто от пролетарской революции.

Это положение должно быть подчёркнуто с тем большей силой и категоричностью, что мы имеем дело с пролетарской революцией, победившей пока что в одной стране, которая окружена враждебными капиталистическими странами и буржуазию которой не может не поддерживать международный капитал.

Вот почему говорит Ленин, что:

«Освобождение угнетённого класса невозможно не только без насильственной революции, **но и без уничтожения**

того аппарата государственной власти, который господствующим классом создан» (см. т. XXI, стр. 373).

««Пускай сначала, при сохранении частной собственности, т. е. при сохранении власти и гнёта капитала, большинство населения выскажется за партию пролетариата,— только тогда она может и должна взять власть» — **так говорят мелко-буржуазные демократы, фактические слуги буржуазии, называющие себя «социалистами»»*** (см. т. XXIV, стр. 647).

««Пускай сначала революционный пролетариат низвергнет буржуазию, сломит гнёт капитала, разобьёт буржуазный государственный аппарат, — тогда пролетариат, одержавший победу, сможет быстро привлечь на свою сторону сочувствие и поддержку большинства трудящихся непролетарских масс, удовлетворяя их на счёт эксплуататоров» — **говорим мы»** * (см. там же).

«Чтобы завоевать большинство населения на свою сторону,— продолжает Ленин, — пролетариат должен, во-первых, свергнуть буржуазию и захватить государственную власть в свои руки; он должен, во-вторых, ввести Советскую власть, разбив вдребезги старый государственный аппарат, чем он сразу подрывает господство, авторитет, влияние буржуазии и мелко-буржуазных соглашателей в среде непролетарских трудящихся масс. Он должен, в-третьих, **добить** влияние буржуазии и мелко-буржуазных соглашателей среди **большинства** непролетарских трудящихся масс **революционным** осуществлением **их** экономических нужд **на счёт эксплуататоров»** (см. там же, стр. 641).

Таковы характерные признаки пролетарской революции.

Каковы, в связи с этим, основные черты диктатуры пролетариата, если признано, что диктатура пролетариата есть основное содержание пролетарской революции?

Вот наиболее общее определение диктатуры пролетариата, данное Лениным:

* Курсив мой. **И. Ст.**

«Диктатура пролетариата не есть окончание классовой борьбы, а есть продолжение её в новых формах. Диктатура пролетариата есть классовая борьба победившего и взявшего в свои руки политическую власть пролетариата против побеждённой, но не уничтоженной, не исчезнувшей, не переставшей оказывать сопротивление, против усилившей своё сопротивление буржуазии» (см. т. XXIV, стр. 311).

Возражая против смешения диктатуры пролетариата с властью «общенародной», «общевыборной», с властью «неклассовой», Ленин говорит:

«Тот класс, который взял в свои руки политическое господство, взял его, сознавая, что берёт его **один** *. Это заключено в понятии диктатуры пролетариата. Это понятие тогда только имеет смысл, когда один класс знает, что он один берёт себе в руки политическую власть и не обманывает ни себя, ни других разговорами насчёт «общенародной, общевыборной, всем народом освящённой» власти» (см. т. XXVI, стр. 286).

Это не значит, однако, что власть одного класса, класса пролетариев, который не делит и не может делить её с другими классами, не нуждается для осуществления своих целей в помощи, в союзе с трудящимися и эксплуатируемыми массами других классов. Наоборот. Эта власть, власть одного класса, может быть утверждена и проведена до конца лишь путём особой формы союза между классом пролетариев и трудящимися массами мелкобуржуазных классов, прежде всего трудящимися массами крестьянства.

Что это за особая форма союза, в чём она состоит? Не противоречит ли вообще этот союз с трудящимися массами других, непролетарских классов идее диктатуры одного класса?

---

* Курсив мой. **И. Ст.**

Состоит она, эта особая форма союза, в том, что руководящей силой этого союза является пролетариат. Состоит она, эта особая форма союза, в том, что руководителем государства, руководителем в системе диктатуры пролетариата является **одна** партия, партия пролетариата, партия коммунистов, которая **не делит и не может делить** руководства с другими партиями.

Как видите, противоречие тут только видимое, кажущееся.

«Диктатура пролетариата, — говорит Ленин, — есть **особая форма классового союза** * между пролетариатом, авангардом трудящихся, и многочисленными непролетарскими слоями трудящихся (мелкая буржуазия, мелкие хозяйчики, крестьянство, интеллигенция и т. д.), или большинством их, союза против капитала, союза в целях полного свержения капитала, полного подавления сопротивления буржуазии и попыток реставрации с её стороны, союза в целях окончательного создания и упрочения социализма. Это — особого вида союз, складывающийся в особой обстановке, именно в обстановке бешеной гражданской войны, это союз твёрдых сторонников социализма с колеблющимися его союзниками, иногда с «нейтральными» (тогда из соглашения о борьбе союз становится соглашением о нейтралитете), **союз между неодинаковыми экономически, политически, социально, духовно классами**» * (см. т. XXIV, стр. 311).

В одном из своих инструктивных докладов Каменев, полемизируя с такого рода пониманием диктатуры пролетариата, говорит:

«Диктатура **не есть** * союз одного класса с другим».

Я думаю, что Каменев имеет тут в виду, прежде всего, одно место из моей брошюры «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов», где сказано:

* Курсив мой. **И. Ст.**

«Диктатура пролетариата не есть простая правительственная верхушка, «умело» «отобранная» заботливой рукой «опытного стратега» и «разумно опирающаяся» на те или иные слои населения. Диктатура пролетариата есть классовый союз пролетариата и трудящихся масс крестьянства для свержения капитала, для окончательной победы социализма, при условии, что руководящей силой этого союза является пролетариат»[19].

Я всецело поддерживаю эту формулировку диктатуры пролетариата, ибо думаю, что она целиком и полностью совпадает с только что приведённой формулировкой Ленина.

Я утверждаю, что заявление Каменева о том, что «диктатура **не есть** союз одного класса с другим», данное в такой безоговорочной форме, не имеет ничего общего с ленинской теорией диктатуры пролетариата.

Я утверждаю, что так могут говорить лишь люди, не понявшие смысла идеи смычки, идеи союза пролетариата и крестьянства, идеи **гегемонии** пролетариата в этом союзе.

Так могут говорить только люди, не понявшие ленинского тезиса о том, что:

«**Только соглашение с крестьянством** * может спасти социалистическую революцию в России, пока не наступила революция в других странах» (см. т. XXVI, стр. 238).

Так могут говорить лишь люди, не понявшие положения Ленина о том, что:

«**Высший принцип диктатуры** * — это поддержание союза пролетариата с крестьянством, чтобы он мог удержать руководящую роль и государственную власть» (см. там же, стр. 460).

---

* Курсив мой. **И. Ст.**

Отмечая одну из важнейших целей диктатуры, цель подавления эксплуататоров, Ленин говорит:

«Научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стеснённую, непосредственно на насилие опирающуюся власть» (см. т. XXV, стр. 441).

«Диктатура означает — примите это раз навсегда к сведению, господа кадеты, — неограниченную, опирающуюся на силу, а не на закон, власть. Во время гражданской войны всякая победившая власть может быть только диктатурой» (см. т. XXV, стр. 436).

Но насилием, конечно, не исчерпывается диктатура пролетариата, хотя без насилия не бывает диктатуры.

«Диктатура,— говорит Ленин,— означает не только насилие, хотя она невозможна без насилия, она означает также организацию труда более высокую, чем предыдущая организация» (см. т. XXIV, стр. 305).

«Диктатура пролетариата... не есть только насилие над эксплуататорами и даже не главным образом насилие. Экономической основой этого революционного насилия, залогом его жизненности и успеха является то, что пролетариат представляет и осуществляет более высокий тип общественной организации труда, по сравнению с капитализмом. В этом суть. В этом источник силы и залог неизбежной полной победы коммунизма» (см. т. XXIV, стр. 335—336).

«Главная сущность её (т. е. диктатуры. **И. Ст.**) в организованности и дисциплинированности передового отряда трудящихся, его авангарда, его единственного руководителя, пролетариата. Его цель — создать социализм, уничтожить деление общества на классы, сделать всех членов общества трудящимися, отнять почву у всякой эксплуатации человека человеком. Эту цель нельзя осуществить сразу, она требует довольно продолжительного переходного периода от капитализма к социализму, — и потому, что переорганизация производства вещь трудная, и потому, что нужно время для коренных перемен во всех областях жизни, и потому, что громадная сила привычки

к мелко-буржуазному и буржуазному хозяйничанью может быть преодолена лишь в долгой, упорной борьбе. Поэтому Маркс и говорит о целом периоде диктатуры пролетариата, как периоде перехода от капитализма к социализму» (см. там же, стр. 314).

Таковы характерные черты диктатуры пролетариата.

Отсюда три основные стороны диктатуры пролетариата.

1) Использование власти пролетариата для подавления эксплуататоров, для обороны страны, для упрочения связей с пролетариями других стран, для развития и победы революции во всех странах.

2) Использование власти пролетариата для окончательного отрыва трудящихся и эксплуатируемых масс от буржуазии, для упрочения союза пролетариата с этими массами, для вовлечения этих масс в дело социалистического строительства, для государственного руководства этими массами со стороны пролетариата.

3) Использование власти пролетариата для организации социализма, для уничтожения классов, для перехода в общество без классов, в социалистическое общество.

Пролетарская диктатура есть соединение всех этих трёх сторон. Ни одна из этих сторон не может быть выдвинута как **единственно** характерный признак диктатуры пролетариата, и, наоборот, достаточно отсутствия хотя бы одного из этих признаков, чтобы диктатура пролетариата перестала быть диктатурой в обстановке капиталистического окружения. Поэтому ни одна из этих трёх сторон не может быть исключена без опасности исказить понятие диктатуры пролетариата. Только все эти три стороны, взятые вместе,

дают нам полное и законченное понятие диктатуры пролетариата.

Диктатура пролетариата имеет свои периоды, свои особые формы, разнообразные методы работы. В период гражданской войны особенно бьёт в глаза насильственная сторона диктатуры. Но из этого вовсе не следует, что в период гражданской войны не происходит никакой строительной работы. Без строительной работы вести гражданскую войну невозможно. В период строительства социализма, наоборот, особенно бьёт в глаза мирная, организаторская, культурная работа диктатуры, революционная законность и т. д. Но из этого опять-таки вовсе не следует, что насильственная сторона диктатуры отпала или может отпасть в период строительства. Органы подавления, армия и другие организации, необходимы теперь, в момент строительства, так же, как в период гражданской войны. Без наличия этих органов невозможна сколько-нибудь обеспеченная строительная работа диктатуры. Не следует забывать, что революция победила пока что всего лишь в одной стране. Не следует забывать, что, пока есть капиталистическое окружение, будет и опасность интервенции со всеми вытекающими из этой опасности последствиями.

V

ПАРТИЯ И РАБОЧИЙ КЛАСС В СИСТЕМЕ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

Выше я говорил о диктатуре пролетариата с точки зрения её исторической неизбежности, с точки зрения её классового содержания, с точки зрения её государственной природы, наконец, с точки зрения её

разрушительных и творческих задач, выполняемых на протяжении целого исторического периода, называемого периодом переходным от капитализма к социализму.

Теперь нам нужно поговорить о диктатуре пролетариата с точки зрения её строения, с точки зрения её «механизма», с точки зрения роли и значения тех «приводов», «рычагов» и «направляющей силы», совокупность которых составляет «систему диктатуры пролетариата» **(Ленин)** и при помощи которых осуществляется повседневная работа диктатуры пролетариата.

Что это за «привода» или «рычаги» в системе диктатуры пролетариата? Что это за «направляющая сила»? Для чего они понадобились?

Рычаги или привода — это те самые массовые организации пролетариата, без помощи которых невозможно осуществление диктатуры.

Направляющая сила — это передовой отряд пролетариата, это его авангард, являющийся основной руководящей силой диктатуры пролетариата.

Эти привода, рычаги и направляющая сила необходимы для пролетариата потому, что без них он оказался бы в своей борьбе за победу в положении безоружной армии перед лицом организованного и вооружённого капитала. Эти организации необходимы пролетариату потому, что без них он потерпел бы неминуемое поражение в его борьбе за свержение буржуазии, в его борьбе за упрочение своей власти, в его борьбе за строительство социализма. Систематическая помощь этих организаций и направляющая сила авангарда необходимы потому, что без этих условий невозможна сколько-нибудь длительная и прочная диктатура пролетариата.

Что это за организации?

Это, во-первых, **профсоюзы** рабочих, с их разветвлениями в центре и на местах в виде целого ряда производственных, культурных, воспитательных и иных организаций. Они объединяют рабочих всех профессий. Это есть организация непартийная. Профсоюзы можно назвать поголовной организацией господствующего у нас рабочего класса. Они являются школой коммунизма. Они выделяют из своей среды лучших людей для руководящей работы по всем отраслям управления. Они осуществляют связь между передовыми и отсталыми в составе рабочего класса. Они соединяют рабочие массы с авангардом рабочего класса.

Это, во-вторых, **Советы** с их многочисленными разветвлениями в центре и на местах в виде административных, хозяйственных, военных, культурных и других государственных организаций, плюс бесчисленное множество самочинных массовых объединений трудящихся, облегающих эти организации и соединяющих их с населением. Советы есть массовая организация всех трудящихся города и деревни. Это есть организация непартийная. Советы есть прямое выражение диктатуры пролетариата. Через Советы проходят все и всякие мероприятия по укреплению диктатуры и строительству социализма. Через Советы осуществляется государственное руководство крестьянством со стороны пролетариата. Советы соединяют миллионные массы трудящихся с авангардом пролетариата.

Это, в-третьих, **кооперация** всех видов со всеми её разветвлениями. Это есть массовая организация трудящихся, организация непартийная, объединяющая их, прежде всего, как потребителей, а также, с течением

времени, и как производителей (сельскохозяйственная кооперация). Она приобретает особое значение после упрочения диктатуры пролетариата, в период широкого строительства. Она облегчает связь авангарда пролетариата с массами крестьянства и создаёт возможность вовлечения последних в русло социалистического строительства.

Это, в-четвёртых, **союз молодёжи.** Это есть массовая организация рабочей и крестьянской молодёжи, организация непартийная, но примыкающая к партии. Она имеет своей задачей помощь партии в деле воспитания молодого поколения в духе социализма. Она даёт молодые резервы для всех остальных массовых организаций пролетариата по всем отраслям управления. Союз молодёжи приобрёл особое значение после упрочения диктатуры пролетариата, в период широкой культурной и воспитательной работы пролетариата.

Это, наконец, **партия** пролетариата, его авангард. Её сила заключается в том, что она вбирает в себя всех лучших людей пролетариата из всех его массовых организаций. Её назначение состоит в том, чтобы **объединять** работу всех без исключения массовых организаций пролетариата и **направлять** их действия к одной цели, к цели освобождения пролетариата. А объединять и направлять их по линии одной цели абсолютно необходимо, ибо без этого невозможно единство борьбы пролетариата, ибо без этого невозможно руководство пролетарскими массами в их борьбе за власть, в их борьбе за строительство социализма. Но объединять и направлять работу массовых организаций пролетариата способен лишь авангард пролетариата, его партия. Только партия пролетариата, только партия коммунистов спо-

собна выполнить эту роль основного руководителя в системе диктатуры пролетариата.

Почему?

«Потому, во-первых, что партия есть сборный пункт лучших элементов рабочего класса, имеющих прямые связи с беспартийными организациями пролетариата и очень часто руководящих ими; потому, во-вторых, что партия, как сборный пункт лучших людей рабочего класса, является лучшей школой выработки лидеров рабочего класса, способных руководить всеми формами организации своего класса; потому, в-третьих, что партия, как лучшая школа лидеров рабочего класса, является по своему опыту и авторитету единственной организацией, способной централизовать руководство борьбой пролетариата и превратить, таким образом, все и всякие беспартийные организации рабочего класса в обслуживающие органы и приводные ремни, соединяющие её с классом» (см. «Об основах ленинизма» [20]).

Партия есть основная руководящая сила в системе диктатуры пролетариата.

«Партия есть высшая форма классового объединения пролетариата» (**Ленин**).

Итак: **профсоюзы**, как массовая организация пролетариата, связывающая партию с классом, прежде всего по линии производственной; **Советы**, как массовая организация трудящихся, связывающая партию с этими последними, прежде всего по линии государственной; **кооперация**, как массовая организация, главным образом, крестьянства, связывающая партию с крестьянскими массами, прежде всего по линии хозяйственной, по линии вовлечения крестьянства в социалистическое строительство; **союз молодёжи**, как массовая организация рабочей и крестьянской молодёжи, призванная облегчить авангарду пролетариата социалистическое воспитание нового поколения и выработку молодых резервов;

и, наконец, **партия**, как основная направляющая сила в системе диктатуры пролетариата, призванная руководить всеми этими массовыми организациями,— такова в общем картина «механизма» диктатуры, картина «системы диктатуры пролетариата».

Без партии, как основной руководящей силы, невозможна сколько-нибудь длительная и прочная диктатура пролетариата.

Таким образом, говоря словами Ленина, «получается, в общем и целом, формально не коммунистический, гибкий и сравнительно широкий, весьма могучий, пролетарский аппарат, посредством которого партия тесно связана с **классом** и с **массой** и посредством которого, при руководстве партии, осуществляется **диктатура класса**» (см. т. XXV, стр. 192).

Это, конечно, нельзя понимать так, что партия может или должна заменить профсоюзы, Советы и другие массовые организации. Партия осуществляет диктатуру пролетариата. Но она осуществляет её не непосредственно, а при помощи профсоюзов, через Советы и их разветвления. Без этих «приводов» сколько-нибудь прочная диктатура была бы невозможна.

«Нельзя,— говорит Ленин,— осуществлять диктатуры без нескольких «приводов» от авангарда к массе передового класса, от него к массе трудящихся» (см. т. XXVI, стр. 65).

«Партия, так сказать, вбирает в себя авангард пролетариата, и этот авангард осуществляет диктатуру пролетариата. И, не имея такого фундамента, как профсоюзы, нельзя осуществлять диктатуру, нельзя выполнять государственные функции. Осуществлять же **их** приходится **через** * ряд особых учреждений опять-таки нового какого-то типа, именно: **через** * советский аппарат» (см. т. XXVI, стр. 64).

---

* Курсив мой. **И. Ст.**

Высшим выражением руководящей роли партии, например, у нас, в Советском Союзе, в стране диктатуры пролетариата, следует признать тот факт, что ни один важный политический или организационный вопрос не решается у нас нашими советскими и другими массовыми организациями без руководящих указаний партии. В **этом смысле** можно было бы сказать, что диктатура пролетариата есть, **по существу**, «диктатура» его авангарда, «диктатура» его партии, как основной руководящей силы пролетариата. Вот что говорил Ленин на этот счёт на II конгрессе Коминтерна[21]:

«Теннер говорит, что он стоит за диктатуру пролетариата, но диктатура пролетариата представляется не совсем такою, какою её представляем себе мы. Он говорит, что мы понимаем под диктатурой пролетариата **в сущности*** диктатуру его организованного и сознательного меньшинства.

И действительно, в эпоху капитализма, когда рабочие массы подвергаются беспрерывной эксплуатации и не могут развивать своих человеческих способностей, наиболее характерным для рабочих политических партий является именно то, что они могут охватывать лишь меньшинство своего класса. Политическая партия может объединить лишь меньшинство класса, так же, как действительно сознательные рабочие во всяком капиталистическом обществе составляют лишь меньшинство всех рабочих. Поэтому мы вынуждены признать, что лишь это сознательное меньшинство может руководить широкими рабочими массами и вести их за собою. И если т. Теннер говорит, что он враг партии, но в то же время за то, чтобы меньшинство лучше всего организованных и наиболее революционных рабочих указывало путь всему пролетариату, то я говорю, что разницы между нами в действительности нет» (см. т. XXV, стр. 347).

Это, однако, не следует понимать так, что между диктатурой пролетариата и руководящей ролью партии

* Курсив мой. **И. Ст.**

(«диктатурой» партии) можно провести **знак равенства**, что можно **отождествить** первую со второй, что можно **подменить** первую второй. Вот, например, Сорин говорит, что **«диктатура пролетариата есть диктатура нашей партии»**. Это положение, как видите, отождествляет «диктатуру партии» с диктатурой пролетариата. Можно ли признать правильным это отождествление, оставаясь на почве ленинизма? Нет, нельзя. И вот почему.

Во-первых. В вышеприведённой цитате из речи Ленина на II конгрессе Коминтерна Ленин вовсе не отождествляет руководящую роль партии с диктатурой пролетариата. Он говорит только о том, что «лишь сознательное меньшинство (т. е. партия. **И. Ст.**) может руководить широкими рабочими массами и вести их за собой», что **именно в этом смысле** «под диктатурой пролетариата мы понимаем, **в сущности** *, диктатуру его организованного и сознательного меньшинства».

Сказать — «в сущности» еще не значит сказать — «целиком». Мы часто говорим, что национальный вопрос есть, в сущности, вопрос крестьянский. И это совершенно правильно. Но это еще не значит, что национальный вопрос покрывается крестьянским вопросом, что крестьянский вопрос равняется национальному вопросу по своему объёму, что крестьянский вопрос тождественен с вопросом национальным. Не нужно доказывать, что национальный вопрос по объёму шире и богаче вопроса крестьянского. То же самое нужно сказать, по аналогии с этим, о руководящей роли партии и о диктатуре пролетариата. Если партия проводит диктатуру пролетариата, и в этом смысле диктатура

---

* Курсив мой. **И. Ст.**

пролетариата является, **в сущности**, «диктатурой» его партии, то это еще не значит, что «диктатура партии» (руководящая роль) **тождественна** с диктатурой пролетариата, что первая **равняется** второй по своему объёму. Не нужно доказывать, что диктатура пролетариата по объёму шире и богаче руководящей роли партии. Партия проводит диктатуру пролетариата, но она проводит диктатуру **пролетариата,** а не какую-либо иную. Кто отождествляет руководящую роль партии с диктатурой пролетариата, тот подменивает диктатуру пролетариата «диктатурой» партии.

Во-вторых. Ни одно важное решение массовых организаций пролетариата не обходится без руководящих указаний со стороны партии. Это совершенно правильно. Но значит ли это, что диктатура пролетариата **исчерпывается** руководящими указаниями партии? Значит ли это, что руководящие указания партии можно отождествить, ввиду этого, с диктатурой пролетариата? Конечно, не значит. Диктатура пролетариата состоит из руководящих указаний партии, плюс проведение этих указаний массовыми организациями пролетариата, плюс их претворение в жизнь населением. Тут мы имеем дело, как видите, с целым рядом переходов и промежуточных ступеней, составляющих далеко не маловажный момент диктатуры пролетариата. Между руководящими указаниями партии и их претворением в жизнь лежат, следовательно, воля и действия руководимых, воля и действия класса, его готовность (или нежелание) поддержать такие указания, его умение (или неумение) провести эти указания, его умение (или неумение) провести их так именно, как требует этого обстановка. Едва ли нужно доказывать, что партия, взявшая

на себя руководство, не может не считаться с волей, с состоянием, с уровнем сознания руководимых, не может сбрасывать со счёта волю, состояние и уровень сознания своего класса. Поэтому, кто отождествляет руководящую роль партии с диктатурой пролетариата, тот подменивает волю и действия класса указаниями партии.

В-третьих. «Диктатура пролетариата, — говорит Ленин,— есть классовая борьба победившего и взявшего в свои руки политическую власть пролетариата» (см. т. XXIV, стр. 311). В чём может выразиться эта **классовая** борьба? Она может выразиться в ряде вооружённых выступлений пролетариата против вылазок свергнутой буржуазии или против интервенции иностранной буржуазии. Она может выразиться в гражданской войне, если власть пролетариата еще не упрочена. Она может выразиться в широкой организаторской и строительной работе пролетариата, с привлечением к делу широких масс, после того как власть уже упрочилась. Во всех этих случаях действующим лицом является пролетариат как **класс**. Не бывало, чтобы партия, одна только партия, устраивала все эти выступления исключительно своими собственными силами, без поддержки класса. Обычно она лишь руководит этими выступлениями и руководит ими постольку, поскольку имеет за собой поддержку класса. Ибо партия не может покрыть, не может заменить класс. Ибо партия, при всей её важной, руководящей роли, всё же остаётся **частью** класса. Поэтому, кто отождествляет руководящую роль партии с диктатурой пролетариата, тот подменивает класс партией.

В-четвёртых. Партия осуществляет диктатуру пролетариата. «Партия, это — непосредственно правящий

авангард пролетариата, это — руководитель» (**Ленин**) [22]. В этом смысле партия **берёт** власть, партия **управляет страной.** Но это нельзя понимать так, что партия осуществляет диктатуру пролетариата помимо государственной власти, без государственной власти, что партия правит страной помимо Советов, не через Советы. Это еще не значит, что партию можно отождествить с Советами, с государственной властью. Партия есть ядро власти. Но она не есть и не может быть отождествлена с государственной властью.

«Как правящая партия,— говорит Ленин,— мы не могли не сливать с «верхами» партийными «верхи» советские,— они у нас слиты и будут таковыми» (см. т. XXVI, стр. 208). Это совершенно правильно. Но этим вовсе не хочет сказать Ленин, что наши советские учреждения в целом, например, наша армия, наш транспорт, наши хозяйственные учреждения и т. д., являются учреждениями нашей партии, что партия может заменить Советы и их разветвления, что партию можно отождествить с государственной властью. Ленин неоднократно говорил, что «система Советов есть диктатура пролетариата», что «Советская власть есть диктатура пролетариата» (см. т. XXIV, стр. 15 и 14), но он никогда не говорил, что партия есть государственная власть, что Советы и партия одно и то же. Партия, имеющая сотни тысяч членов, руководит Советами и их разветвлениями в центре и на местах, охватывающими десятки миллионов людей, партийных и беспартийных, но она не может и не должна заменять их собою. Вот почему говорит Ленин, что «диктатуру осуществляет организованный в Советы пролетариат, которым руководит коммунистическая партия большевиков», что «вся

работа партии идёт **через** * Советы, которые объединяют трудящиеся массы без различия профессий» (см. т. XXV, стр. 192 и 193), что диктатуру «приходится осуществлять... **через** * советский аппарат» (см. т. XXVI, стр. 64). Поэтому, кто отождествляет руководящую роль партии с диктатурой пролетариата, тот подменивает Советы, т. е. государственную власть, партией.

В-пятых. Понятие диктатуры пролетариата есть понятие государственное. Диктатура пролетариата обязательно включает в себя понятие насилия. Без насилия не бывает диктатуры, если диктатуру понимать в точном смысле этого слова. Ленин определяет диктатуру пролетариата как «власть, опирающуюся непосредственно на **насилие**» (см. т. XIX, стр. 315). Говорить, ввиду этого, о диктатуре партии в **отношении класса пролетариев** и отождествлять её с диктатурой пролетариата,— это значит говорить о том, что партия должна быть в отношении своего класса не только руководителем, не только вождём и учителем, но и своего рода диктатором, применяющим к нему насилие, что, конечно, в корне неправильно. Поэтому, кто отождествляет «диктатуру партии» с диктатурой пролетариата, тот молчаливо исходит из того, что можно строить авторитет партии на насилии в отношении рабочего класса, что абсурдно и что совершенно несовместимо с ленинизмом. Авторитет партии поддерживается доверием рабочего класса. Доверие же рабочего класса приобретается не насилием,— оно только убивается насилием,— а правильной теорией партии, правильной политикой партии, преданностью партии рабочему классу, её

* Курсив мой. **И. Ст.**

связью с массами рабочего класса, её готовностью и её умением **убеждать** массы в правильности своих лозунгов.

Что же из всего этого следует?

А из этого следует то, что:

1) Ленин употребляет слово **диктатура** партии не в точном смысле этого слова («власть, опирающаяся на насилие»), а в переносном смысле, в смысле её безраздельного руководства;

2) кто отождествляет руководство партии с **диктатурой** пролетариата, тот извращает Ленина, неправильно присваивая партии функции насилия в отношении рабочего класса в целом;

3) кто присваивает партии не присущие ей функции насилия в отношении рабочего класса в целом, тот нарушает элементарные требования правильных взаимоотношений между авангардом и классом, между партией и пролетариатом.

Мы подошли, таким образом, вплотную к вопросу о взаимоотношениях между партией и классом, между партийными и беспартийными в рабочем классе.

Ленин определяет эти взаимоотношения как «**взаимодоверие** * между авангардом рабочего класса и рабочей массой» (см. т. XXVI, стр. 235).

Что это значит?

Это значит, во-первых, что партия должна чутко прислушиваться к голосу масс, что она должна внимательно относиться к революционному инстинкту масс, что она должна изучать практику борьбы масс, проверяя на этом правильность своей политики, что

* Курсив мой. **И. Ст.**

она должна, следовательно, не только учить, но и учиться у масс.

Это значит, во-вторых, что партия должна изо дня в день завоёвывать себе доверие пролетарских масс, что она должна своей политикой и своей работой ковать себе поддержку масс, что она должна не командовать, а убеждать прежде всего, облегчая массам распознать на собственном опыте правильность политики партии, что она должна, следовательно, быть руководителем, вождём, учителем своего класса.

Нарушение этих условий означает нарушение правильных взаимоотношений между авангардом и классом, подрыв «взаимодоверия», развал и классовой, и партийной дисциплины.

«Наверное,— говорит Ленин,— теперь уже почти всякий видит, что большевики не продержались бы у власти не то что $2^1/_2$ года, но и $2^1/_2$ месяца без строжайшей, поистине железной дисциплины в нашей партии, **без самой полной и беззаветной поддержки её всей массой рабочего класса***, т. е. всем, что есть в нём мыслящего, честного, самоотверженного, влиятельного, способного вести за собой или увлекать отсталые слои» (см. т. XXV, стр. 173).

«Диктатура пролетариата,— говорит дальше Ленин,— есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и администраторская, против сил и традиций старого общества. Сила привычки миллионов и десятков миллионов — самая страшная сила. Без партии, железной и закалённой в борьбе, без партии, **пользующейся доверием всего честного в данном классе***, без партии, умеющей следить за настроением массы и влиять на него, вести успешно такую борьбу невозможно» (см. т. XXV, стр. 190).

Но как приобретается партией это доверие и поддержка класса? Как складывается необходимая для

* Курсив мой. **И. Ст.**

диктатуры пролетариата железная дисциплина в рабочем классе, на какой почве она вырастает?

Вот что говорит об этом Ленин:

«Чем держится дисциплина революционной партии пролетариата? чем она проверяется? чем подкрепляется? Во-первых, сознательностью пролетарского авангарда и его преданностью революции, его выдержкой, самопожертвованием, героизмом. Во-вторых, его уменьем связаться, сблизиться, до известной степени, если хотите, **слиться с самой широкой массой трудящихся** *, в первую голову пролетарской, **но также и с непролетарской** трудящейся массой. В-третьих, правильностью политического руководства, осуществляемого этим авангардом, правильностью его политической стратегии и тактики, при условии, чтобы самые широкие массы **собственным опытом** убедились в этой правильности. Без этих условий дисциплина в революционной партии, действительно способной быть партией передового класса, имеющего свергнуть буржуазию и преобразовать всё общество, неосуществима. Без этих условий попытки создать дисциплину неминуемо превращаются в пустышку, в фразу, в кривлянье. А эти условия, с другой стороны, не могут возникнуть сразу. Они вырабатываются лишь долгим трудом, тяжёлым опытом; их выработка облегчается лишь правильной революционной теорией, которая, в свою очередь, не является догмой, а окончательно складывается лишь в тесной связи с практикой действительно массового и действительно революционного движения» (см. т. XXV, стр. 174).

И далее:

«Для успеха победы над капитализмом требуется правильное соотношение между руководящей, коммунистической, партией, революционным классом, пролетариатом,— и массой, т. е. всей совокупностью трудящихся и эксплуатируемых. Только коммунистическая партия, если она действительно является авангардом революционного класса, если она включает в себя всех лучших представителей его, если она состоит из вполне сознательных

* Курсив мой. **И. Ст.**

и преданных коммунистов, просвещённых и закалённых опытом упорной революционной борьбы, если эта партия сумела связать себя неразрывно со всей жизнью своего класса, а через него со всей массой эксплуатируемых и внушить этому классу и **этой массе полное доверие** *, — только такая партия способна руководить пролетариатом в самой беспощадной, решительной, последней борьбе против всех сил капитализма. С другой стороны, только под руководством такой партии пролетариат способен развернуть всю мощь своего революционного натиска, превращая в ничто неизбежную апатию и частью сопротивление небольшого меньшинства испорченной капитализмом рабочей аристократии, старых трэд-юнионистских и кооперативных вождей и т. п., — способен развернуть всю свою силу, которая неизмеримо больше, чем его доля в населении, в силу самого экономического устройства капиталистического общества» (см. т. XXV, стр. 315).

Из этих цитат следует, что:

1) авторитет партии и железная дисциплина в рабочем классе, необходимые для диктатуры пролетариата, строятся не на страхе или «неограниченных» правах партии, а на доверии рабочего класса к партии, на поддержке партии со стороны рабочего класса;

2) доверие рабочего класса к партии приобретается не сразу и не посредством насилия в отношении рабочего класса, а длительной работой партии в массах, правильной политикой партии, умением партии убеждать массы в правильности своей политики на собственном опыте масс, умением партии обеспечить себе поддержку рабочего класса, вести за собой массы рабочего класса;

3) без правильной политики партии, подкреплённой опытом борьбы масс, и без доверия рабочего класса не бывает и не может быть настоящего руководства партии;

4) партия и её руководство, если она пользуется доверием класса, и если это руководство является

---

* Курсив мой. **И. Ст.**

настоящим руководством, не могут быть противопоставлены диктатуре пролетариата, ибо без руководства партии («диктатуры» партии), пользующейся доверием рабочего класса, невозможна сколько-нибудь прочная диктатура пролетариата.

Без этих условий авторитет партии и железная дисциплина в рабочем классе есть либо пустая фраза, либо чванство и авантюра.

Нельзя противопоставлять диктатуру пролетариата руководству («диктатуре») партии. Нельзя, так как руководство партии есть главное в диктатуре пролетариата, если иметь в виду сколько-нибудь прочную и полную диктатуру, а не такую, какой была, например, Парижская Коммуна, представлявшая диктатуру не полную и не прочную. Нельзя, так как диктатура пролетариата и руководство партии лежат, так сказать, на одной линии работы, действуют в одном направлении.

«Одна уже постановка вопроса,— говорит Ленин,— «диктатура партии **или** диктатура класса? диктатура (партия) вождей **или** диктатура (партия) масс?» свидетельствует о самой невероятной и безысходной путанице мысли... Всем известно, что массы делятся на классы.., что классами руководят обычно и в большинстве случаев, по крайней мере в современных цивилизованных странах, политические партии; — что политические партии в виде общего правила управляются более или менее устойчивыми группами наиболее авторитетных, влиятельных, опытных, выбираемых на самые ответственные должности лиц, называемых вождями... Договориться... до противоположения вообще диктатуры масс диктатуре вождей есть смехотворная нелепость и глупость» (см. т. XXV, стр. 187 и 188).

Это совершенно правильно. Но это правильное положение исходит из той предпосылки, что имеются налицо правильные взаимоотношения между авангардом

и рабочими массами, между партией и классом. Оно исходит из того предположения, что взаимоотношения между авангардом и классом остаются, так сказать, нормальными, остаются в пределах «взаимодоверия».

Ну, а как быть, если правильные взаимоотношения между авангардом и классом, если отношения «взаимодоверия» между партией и классом нарушены?

Как быть, если партия сама начинает так или иначе противопоставлять себя классу, нарушая основы правильных взаимоотношений с классом, нарушая основы «взаимодоверия»?

Возможны ли вообще такие случаи?

Да, возможны.

Они возможны:

1) **если** партия начинает строить свой авторитет в массах не на своей работе и доверии масс, а на своих «неограниченных» правах;

2) **если** политика партии явно неправильна, а она не хочет пересмотреть и исправить свою ошибку;

3) **если** политика партии правильна, в общем, но массы еще не готовы к её усвоению, а партия не хочет или не умеет выждать, для того чтобы дать массам возможность убедиться на своём собственном опыте в правильности политики партии и пытается навязать её массам.

История нашей партии даёт целый ряд таких случаев. Различные группировки и фракции в нашей партии падали и рассеивались потому, что они нарушали одно из этих трёх условий, а иногда и все эти условия, взятые вместе.

Но из этого следует, что противопоставление диктатуры пролетариата «диктатуре» (руководству) партии не может быть признано правильным лишь в том случае:

1) **если** под диктатурой партии в отношении рабочего класса понимать не диктатуру в собственном смысле этого слова («власть, опирающаяся на насилие»), а руководство партии, исключающее насилие над рабочим классом в целом, над его большинством, как это именно и понимает Ленин;

2) **если** партия имеет данные быть действительным руководителем класса, т. е. если политика партии правильна, если эта политика соответствует интересам класса;

3) **если** класс, если большинство класса принимает эту политику, усваивает её, убеждается, благодаря работе партии, в правильности этой политики, доверяет партии и поддерживает её.

Нарушение этих условий неминуемо вызывает конфликт между партией и классом, раскол между ними, их противопоставление друг другу.

Можно ли навязать классу силой руководство партии? Нет, нельзя. Во всяком случае, **такое** руководство не может быть сколько-нибудь длительным. Партия, если она хочет оставаться партией пролетариата, должна знать, что она является, прежде всего и главным образом, **руководителем, вождём, учителем** рабочего класса. Мы не можем забыть слов Ленина, сказанных им на этот счёт в брошюре «Государство и революция»:

«Воспитывая рабочую партию, марксизм воспитывает авангард пролетариата, способный взять власть и **вести весь народ** к социализму, направлять и организовывать новый строй, быть **учителем, руководителем, вождём** * всех трудящихся и эксплуатируемых в деле устройства своей общественной жизни без буржуазии и против буржуазии» (см. т. XXI, стр. 386).

* Курсив мой. **И. Ст.**

Можно ли считать, что партия является действительным руководителем класса, если её политика неправильна, если её политика приходит в столкновение с интересами класса? Конечно, нельзя. В таких случаях партия, если она хочет остаться руководителем, должна пересмотреть свою политику, должна исправить свою политику, должна признать свою ошибку и исправить её. Можно было бы сослаться для подтверждения этого положения хотя бы на такой факт из истории нашей партии, как период отмены продразвёрстки, когда рабочие и крестьянские массы оказались явно недовольными нашей политикой и когда партия пошла,— открыто и честно пошла на пересмотр этой политики. Вот что говорил тогда Ленин на X съезде по вопросу об отмене продразвёрстки и введении новой экономической политики:

«Мы не должны стараться прятать что-либо, а должны говорить прямиком, что крестьянство формой отношений, которая у нас с ним установилась, недовольно, что оно этой формы отношений не хочет и дальше так существовать не будет. Это бесспорно. Эта воля его выразилась определённо. Это — воля громадных масс трудящегося населения. Мы с этим должны считаться, и мы достаточно трезвые политики, чтобы говорить прямо: **давайте нашу политику по отношению к крестьянству пересматривать**» * (см. т. XXVI, стр. 238).

Можно ли считать, что партия должна взять на себя инициативу и руководство в организации решающих выступлений масс на том лишь основании, что политика её в общем правильна, **если** эта политика не встречает еще доверия и поддержки со стороны класса, ввиду, скажем, его политической отсталости, **если** партии не удалось еще убедить класс в правильности своей политики,

---

* Курсив мой. **И. Ст.**

ввиду того, скажем, что события еще не назрели? Нет, нельзя. В таких случаях партия, если она хочет быть действительным руководителем, должна уметь выждать, должна убеждать массы в правильности своей политики, должна помочь массам убедиться на своём собственном опыте в правильности этой политики.

«Если нет у революционной партии,— говорит Ленин,— большинства в передовых отрядах революционных классов и в стране, то не может быть речи о восстании» (см. т. XXI, стр. 282).

«Без перемены взглядов большинства рабочего класса революция невозможна, а эта перемена создаётся политическим опытом масс» (см. т. XXV, стр. 221).

«Пролетарский авангард идейно завоёван. Это главное. Без этого нельзя сделать и первого шага к победе. Но от этого еще довольно далеко до победы. С одним авангардом победить нельзя. Бросить один только авангард в решительный бой, пока весь класс, пока широкие массы не заняли позиции либо прямой поддержки авангарда, либо, по крайней мере, благожелательного нейтралитета по отношению к нему и полной неспособности поддерживать его противника, было бы не только глупостью, но и преступлением. А для того, чтобы действительно весь класс, чтобы действительно широкие массы трудящихся и угнетённых капиталом дошли до такой позиции, для этого одной пропаганды, одной агитации мало. Для этого нужен собственный политический опыт этих масс» (см. там же, стр. 228).

Известно, что наша партия так именно и поступала за период от Апрельских тезисов Ленина до Октябрьского восстания 1917 года. И именно потому, что она действовала по этим указаниям Ленина, она выиграла восстание.

Таковы в основном условия правильных взаимоотношений между авангардом и классом.

Что значит **руководить**, если политика партии правильна, а правильные отношения между авангардом и классом не нарушаются?

Руководить при таких условиях — значит уметь убеждать массы в правильности политики партии, выдвигать и проводить такие лозунги, которые подводят массы к позициям партии и облегчают им распознать на своём собственном опыте правильность политики партии, подымать массы до уровня сознания партии и обеспечивать, таким образом, поддержку масс, их готовность к решительной борьбе.

Поэтому метод убеждения является основным методом руководства партии рабочим классом.

«Если бы мы,— говорит Ленин,— сейчас в России, после $2^1/_2$ лет невиданных побед над буржуазией России и Антанты, поставили для профсоюзов условием вступления «признание диктатуры», мы бы сделали глупость, испортили бы своё влияние на массы, помогли меньшевикам. Ибо вся задача коммунистов — уметь **убедить** отсталых, уметь работать **среди них**, а не **отгораживаться** от них выдуманными ребячески-«левыми» лозунгами» (см. т. XXV, стр. 197).

Это, конечно, не следует понимать так, что партия должна убедить всех рабочих, до последнего человека, что только после этого можно приступить к действиям, что только после этого можно открыть действия. Нисколько! Это означает лишь то, что, раньше чем пойти на решающие политические действия, партия должна обеспечить себе, путём длительной революционной работы, поддержку большинства рабочих масс, по крайней мере благоприятный нейтралитет большинства класса. В противном случае ленинское положение о том, что завоевание большинства рабочего класса на сторону партии является необходимым условием победоносной революции,— было бы лишено всякого смысла.

Ну, а как быть с меньшинством, если оно не хочет, если оно не согласно добровольно подчиниться воле

большинства? Может ли партия, должна ли партия, имея за собой доверие большинства, принудить меньшинство к подчинению воле большинства? Да, может и должна. Руководство обеспечивается методом убеждения масс, как основным методом воздействия партии на массы. Но это не исключает, а предполагает принуждение, если это принуждение имеет своей базой доверие и поддержку партии со стороны большинства рабочего класса, если оно применяется к меньшинству после того, как сумели убедить большинство.

Следовало бы вспомнить споры в нашей партии на этот счёт, имевшие место в период профсоюзной дискуссии. В чём состояла тогда ошибка оппозиции, ошибка Цектрана[23]? Не в том ли, что оппозиция считала тогда возможным принуждение? Нет, не в этом. Ошибка оппозиции состояла тогда в том, что она, не будучи в состоянии убедить большинство в правильности своей позиции, потеряв доверие большинства, стала тем не менее применять принуждение, стала настаивать на «перетряхивании» людей, облечённых доверием большинства.

Вот что говорил тогда Ленин на X съезде партии в своей речи о профессиональных союзах:

«Для того, чтобы установить взаимоотношение, взаимодоверие между авангардом рабочего класса и рабочей массой, надо было, если Цектран сделал ошибку... надо было её исправлять. Но когда эту ошибку начинают защищать, то это делается источником политической опасности. Если бы максимально возможного в смысле демократии не сделали из тех настроений, которые здесь выражает Кутузов, мы бы пришли к политическому краху. **Прежде всего мы должны убедить, а потом принудить. Мы должны во что бы то ни стало сначала убедить, а потом принудить** *.

---

* Курсив мой. **И. Ст.**

Мы не сумели убедить широкие массы и нарушили правильное соотношение авангарда с массами» (см. т. XXVI, стр. 235).

То же самое говорит Ленин в своей брошюре «О профсоюзах»[24]:

«Мы тогда правильно и успешно применяли принуждение, когда умели сначала подвести под него базу убеждения» (см. там же, стр. 74).

И это совершенно правильно. Ибо без этих условий невозможно никакое руководство. Ибо только таким образом можно обеспечить единство действий в партии, если речь идёт о партии, единство действий класса, если речь идёт о классе в целом. Без этого — раскол, разброд, разложение в рядах рабочего класса.

Таковы в общем основы правильного руководства партии рабочим классом.

Всякое иное понимание руководства есть синдикализм, анархизм, бюрократизм, всё, что угодно,— только не большевизм, только не ленинизм.

Нельзя противопоставлять диктатуру пролетариата руководству («диктатуре») партии, если имеются налицо правильные взаимоотношения между партией и рабочим классом, между авангардом и рабочими массами. Но из этого следует, что тем более нельзя отождествлять партию с рабочим классом, руководство («диктатуру») партии с диктатурой рабочего класса. **На том основании**, что «диктатуру» партии нельзя противопоставлять диктатуре пролетариата, Сорин пришёл к тому неправильному выводу, что **«диктатура пролетариата есть диктатура нашей партии»**.

Но Ленин говорит не только о недопустимости такого противопоставления. Он говорит вместе с тем о недопустимости противопоставления «диктатуры масс дик-

татуре вождей». Не угодно ли **на этом основании** отождествить диктатуру вождей с диктатурой пролетариата? Идя по этому пути, мы должны были бы сказать, что **«диктатура пролетариата есть диктатура наших вождей»**. А ведь к этой именно глупости и ведёт, собственно говоря, политика отождествления «диктатуры» партии с диктатурой пролетариата...

Как обстоит дело на этот счёт у Зиновьева?

Зиновьев стоит, в сущности, на той же точке зрения отождествления «диктатуры» партии с диктатурой пролетариата, что и Сорин, с той, однако, разницей, что Сорин выражается прямее и яснее, а Зиновьев «вертится». Достаточно взять, хотя бы, следующее место из книги Зиновьева «Ленинизм», чтобы убедиться в этом:

«Что такое,— говорит Зиновьев,— существующий в Союзе ССР строй с точки зрения его классового содержания? Это — диктатура пролетариата. Какова непосредственная пружина власти в СССР? Кто осуществляет власть рабочего класса? Коммунистическая партия! В этом смысле **у нас * диктатура партии.** Какова юридическая форма власти в СССР? Каков новый тип государственного строя, созданный Октябрьской революцией? Это — советская система. Одно нисколько не противоречит другому».

Что одно другому не противоречит, это, конечно, правильно, **если** под диктатурой партии в отношении рабочего класса в целом понимать руководство партии. Но как можно ставить **на этом основании** знак равенства между диктатурой пролетариата и «диктатурой» партии, между советской системой и «диктатурой» партии? Ленин отождествлял систему Советов с диктатурой пролетариата, и он был прав, ибо Советы, **наши**

* Курсив мой. **И. Ст.**

Советы, являются организацией сплочения трудящихся масс вокруг пролетариата при руководстве партии. Но когда, где, в каком своём труде ставил знак равенства Ленин между «диктатурой» партии и диктатурой пролетариата, между «диктатурой» партии и системой Советов, как это делает теперь Зиновьев? Диктатуре пролетариата не противоречит не только руководство («диктатура») партии, но и руководство («диктатура») вождей. Не угодно ли **на этом основании** провозгласить, что наша страна является страной диктатуры пролетариата, **то есть** страной диктатуры партии, **то есть** страной диктатуры вождей? А ведь к этой именно глупости и ведёт «принцип» отождествления «диктатуры» партии с диктатурой пролетариата, вкрадчиво и несмело проводимый Зиновьевым.

В многочисленных трудах Ленина мне удалось отметить лишь пять случаев, где Ленин затрагивает мельком вопрос о диктатуре партии.

Первый случай — это полемика с эсерами и меньшевиками, где он говорит:

«Когда нас упрекают в диктатуре одной партии и предлагают, как вы слышали, единый социалистический фронт, мы говорим: «Да, диктатура одной партии! Мы на ней стоим и с этой почвы сойти не можем, потому что это та партия, которая в течение десятилетий завоевала положение авангарда всего фабрично-заводского и промышленного пролетариата»» (см. т. XXIV, стр. 423).

Второй случай — это «Письмо к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком», где он говорит:

«Крестьян пугают (особенно меньшевики и эсеры, все, даже «левые» из них) пугалом «диктатуры одной партии», партии большевиков-коммунистов.

На примере Колчака крестьяне научились не бояться пугала.

Либо диктатура (т. е. железная власть) помещиков и капиталистов, либо диктатура рабочего класса» (см. т. XXIV, стр. 436).

Третий случай — это речь Ленина на II конгрессе Коминтерна в полемике с Теннером. Эту речь я процитировал выше *.

Четвёртый случай — это несколько строчек в брошюре «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». Соответствующие цитаты уже приведены выше **.

И пятый случай — это набросок схемы о диктатуре пролетариата, опубликованный в III Ленинском сборнике, где имеется подзаголовок под названием «Диктатура одной партии» (см. Ленинский сборник III, стр. 497).

Следует отметить, что в двух случаях из пяти, в последнем и во втором случаях, слова «диктатура одной партии» Ленин берёт в кавычки, явно подчёркивая неточный, переносный смысл этой формулы.

Следует также отметить, что во всех этих случаях под «диктатурой партии» Ленин понимал диктатуру («железная власть») над «помещиками и капиталистами», а не над рабочим классом, вопреки клеветническим измышлениям Каутского и компании.

Характерно, что **ни в одном** из своих трудов, основных и второстепенных, где Ленин трактует или просто упоминает о диктатуре пролетариата и о роли партии в системе диктатуры пролетариата, нет и намёка на то, что «диктатура пролетариата есть диктатура нашей партии». Наоборот, каждая страница, каждая строчка этих трудов вопиет против такой формулы

---

* См. настоящий том, стр. 37. *Ред.*

** Там же, стр. 44, 45, 47, 51, 52. *Ред.*

(см. «Государство и революция», «Пролетарская революция и ренегат Каутский», «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» и т. д.).

Ещё более характерно, что в тезисах II конгресса Коминтерна[25] о роли политической партии, выработанных под непосредственным руководством Ленина, на которые Ленин неоднократно ссылался в своих речах, как на образец правильной формулировки роли и задач партии, — мы не находим **ни одного**, буквально **ни одного слова** о диктатуре партии.

О чём всё это говорит?

О том, что:

а) Ленин не считал формулу «диктатура партии» безупречной, точной, ввиду чего она употребляется в трудах Ленина крайне редко и берётся иногда в кавычки;

б) в тех немногих случаях, когда Ленин был вынужден, в полемике с противниками, говорить о диктатуре партии, он говорил обычно о «диктатуре **одной** партии», т. е. о том, что партия наша стоит у власти **одна**, что она **не делит** власть с **другими** партиями, причём он всегда разъяснял, что под диктатурой партии **в отношении рабочего класса** нужно понимать руководство партии, её руководящую роль;

в) во всех тех случаях, когда Ленин находил нужным определить научно роль партии в системе диктатуры пролетариата, он говорил **исключительно** о руководящей роли партии (а таких случаев — тысячи) в отношении рабочего класса;

г) именно поэтому Ленин не «догадался» включить в основную резолюцию о роли партии — я имею в виду резолюцию II конгресса Коминтерна — формулу «диктатура партии»;

д) не правы с точки зрения ленинизма и политически близоруки те товарищи, которые отождествляют или пытаются отождествить «диктатуру» партии, а значит, и «диктатуру вождей», с диктатурой пролетариата, ибо они нарушают этим условия правильного взаимоотношения между авангардом и классом.

Я уже не говорю о том, что формула «диктатура партии», взятая без указанных выше оговорок, может создать целый ряд опасностей и политических минусов в нашей практической работе. Этой формулой, взятой без оговорок, как бы подсказывают:

а) **беспартийным массам:** не смейте противоречить, не смейте рассуждать, ибо партия всё может, ибо у нас диктатура партии;

б) **партийным кадрам:** действуйте посмелее, нажимайте покрепче, можно и не прислушиваться к голосу беспартийных масс,— у нас диктатура партии;

в) **партийным верхам:** можно позволить себе роскошь некоторого самодовольства, пожалуй, можно даже зазнаться, ибо у нас диктатура партии, а «значит», и диктатура вождей.

Об этих опасностях уместно напомнить именно теперь, в период подъёма политической активности масс, когда готовность партии внимательно прислушиваться к голосу масс представляет для нас особую ценность, когда чуткость к запросам масс является основной заповедью нашей партии, когда от партии требуется особая осмотрительность и особая гибкость в политике, когда опасность зазнаться является одной из самых серьёзных опасностей, стоящих перед партией в деле правильного руководства массами.

Нельзя не вспомнить золотых слов Ленина, сказанных им на XI съезде нашей партии:

«В народной массе мы (коммунисты. **И. Ст.**) всё же капля в море, и мы можем управлять только тогда, когда правильно выражаем то, что народ сознаёт. Без этого коммунистическая партия не будет вести пролетариата, а пролетариат не будет вести за собою масс, и вся машина развалится» (см. т. XXVII, стр. 256).

«Правильно выражать то, что народ сознаёт» — это именно и есть то необходимое условие, которое обеспечивает за партией почётную роль основной руководящей силы в системе диктатуры пролетариата.

VI

ВОПРОС О ПОБЕДЕ СОЦИАЛИЗМА В ОДНОЙ СТРАНЕ

В брошюре «Об основах ленинизма» (май 1924 г., первое издание) имеются две формулировки по вопросу о победе социализма в одной стране. Первая формулировка гласит:

«Раньше считали победу революции в одной стране невозможной, полагая, что для победы над буржуазией необходимо совместное выступление пролетариев всех передовых стран или, во всяком случае, большинства таких стран. Теперь эта точка зрения уже не соответствует действительности. Теперь нужно исходить из возможности такой победы, ибо неравномерный и скачкообразный характер развития различных капиталистических стран в обстановке империализма, развитие катастрофических противоречий внутри империализма, ведущих к неизбежным войнам, рост революционного движения во всех странах мира,— всё это ведёт не только к возможности, но и к необходимости победы пролетариата в отдельных странах» (см. «Об основах ленинизма» [26]).

Это положение совершенно правильно, и оно не нуждается в комментариях. Оно направлено против теории социал-демократов, считающих взятие власти пролетариатом в одной стране, без одновременной победоносной революции в других странах,— утопией.

Но в брошюре «Об основах ленинизма» имеется ещё вторая формулировка. Там сказано:

«Но свергнуть власть буржуазии и поставить власть пролетариата в одной стране, еще не значит обеспечить полную победу социализма. Главная задача социализма — организация социалистического производства — остаётся еще впереди. Можно ли разрешить эту задачу, можно ли добиться окончательной победы социализма в одной стране, без совместных усилий пролетариев нескольких передовых стран? Нет, невозможно. Для свержения буржуазии достаточно усилий одной страны,— об этом говорит нам история нашей революции. Для окончательной победы социализма, для организации социалистического производства, усилий одной страны, особенно такой крестьянской страны, как Россия, уже недостаточно,— для этого необходимы усилия пролетариев нескольких передовых стран» (см. «Об основах ленинизма», первое издание [27]).

Эта вторая формулировка была направлена против утверждения критиков ленинизма, против троцкистов, заявлявших, что диктатура пролетариата в одной стране, при отсутствии победы в других странах, не может «устоять против консервативной Европы».

Постольку,— но только постольку,— эта формулировка являлась тогда (май 1924 г.) достаточной, и она, несомненно, сослужила известную пользу.

Но впоследствии, когда критика ленинизма в этой части была уже преодолена в партии и когда на очередь стал новый вопрос, вопрос о возможности построения полного социалистического общества силами

нашей страны, без помощи извне,— вторая формулировка оказалась уже явно недостаточной и, потому, неправильной.

В чём состоит недостаток этой формулировки?

Её недостаток состоит в том, что она связывает в один вопрос два разных вопроса: вопрос о **возможности** построения социализма силами одной страны, на что должен быть дан положительный ответ, и вопрос о том, может ли страна с диктатурой пролетариата считать себя **вполне гарантированной** от интервенции и, стало быть, от реставрации старых порядков без победоносной революции в ряде других стран, на что должен быть дан отрицательный ответ. Я уже не говорю о том, что эта формулировка может дать повод думать, что организация социалистического общества силами одной страны невозможна, что, конечно, неправильно.

На этом основании я видоизменил, исправил эту формулировку в своей брошюре «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов» (декабрь 1924 г.), расчленив этот вопрос на два вопроса, на вопрос о **полной гарантии от реставрации буржуазных порядков** и вопрос о **возможности построения полного социалистического общества** в одной стране. Это было достигнуто, во-первых, путём трактовки «полной победы социализма» как «полной гарантии от восстановления старых порядков», возможной лишь в порядке «совместных усилий пролетариев нескольких стран», и, во-вторых, путём провозглашения, на основании брошюры Ленина «О кооперации» [28], той неоспоримой истины, что мы имеем всё необходимое для построения полного социалистического общества

(см. «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов») *.

Эта новая формулировка вопроса и легла в основу известной резолюции XIV партконференции «О задачах Коминтерна и РКП(б)» [29], рассматривающей вопрос о победе социализма в одной стране в связи со стабилизацией капитализма (апрель 1925 г.) и считающей построение социализма силами нашей страны возможным и необходимым.

Она же послужила основой моей брошюры «К итогам работ XIV конференции РКП(б)», изданной непосредственно после XIV партконференции, в мае 1925 года.

Насчёт постановки вопроса о победе социализма в одной стране в этой брошюре сказано:

«Наша страна представляет две группы противоречий. Одна группа противоречий — это внутренние противоречия, существующие между пролетариатом и крестьянством (речь идёт здесь о построении социализма в одной стране. **И. Ст.**). Другая группа противоречий — это противоречия внешние, имеющиеся между нашей страной, как страной социализма, и всеми остальными странами, как странами капитализма (речь идёт здесь об окончательной победе социализма. **И. Ст.**)»... «Кто смешивает первую группу противоречий, совершенно преодолимых усилиями одной страны, со второй группой противоречий, требующих для своего разрешения усилий пролетариев нескольких стран,— тот допускает грубейшую ошибку против ленинизма, тот либо путаник, либо неисправимый оппортунист» (см. «К итогам работ XIV конференции РКП(б)» [30]).

По вопросу о **победе** социализма в нашей стране брошюра говорит:

---

* Эта новая формулировка вопроса заменила потом старую его формулировку в последующих изданиях брошюры «Об основах ленинизма».

«Мы можем построить социализм, и мы его будем строить вместе с крестьянством, под руководством рабочего класса»... ибо «при диктатуре пролетариата у нас имеются... все данные, необходимые для того, чтобы построить полное социалистическое общество, преодолевая все и всякие внутренние затруднения, ибо мы можем и мы должны преодолеть их своими собственными силами» (см. там же [31]).

По вопросу же об **окончательной** победе социализма там сказано:

«Окончательная победа социализма есть полная гарантия от попыток интервенции, а значит, и реставрации, ибо сколько-нибудь серьёзная попытка реставрации может иметь место лишь при серьёзной поддержке извне, лишь при поддержке международного капитала. Поэтому поддержка нашей революции со стороны рабочих всех стран, а тем более победа этих рабочих хотя бы в нескольких странах, является необходимым условием полной гарантии первой победившей страны от попыток интервенции и реставрации, необходимым условием окончательной победы социализма» (см. там же [32]).

Кажется, ясно.

Известно, что в том же духе толкуется этот вопрос в моей брошюре «Вопросы и ответы» (июнь 1925 г.) и в политотчёте ЦК на XIV съезде ВКП(б) [33] (декабрь 1925 г.).

Таковы факты.

Эти факты известны, я думаю, всем товарищам, в том числе и Зиновьеву.

Если теперь, спустя почти два года после идейной борьбы в партии и после принятой резолюции на XIV партконференции (апрель 1925 г.), Зиновьев находит возможным в своём заключительном слове на XIV партсъезде (декабрь 1925 г.) вытащить старую, совершенно недостаточную формулу из брошюры Сталина,

написанной в апреле 1924 года, как базу для решения уже решённого вопроса о победе социализма в одной стране,— то эта своеобразная манера Зиновьева говорит лишь о том, что он окончательно запутался в этом вопросе. Тащить партию назад, после того как она ушла вперёд, обходить резолюцию XIV партконференции, после того как она подтверждена пленумом ЦК[34],— это значит безнадёжно увязнуть в противоречиях, не верить в дело строительства социализма, сойти с пути Ленина и расписаться в своём собственном поражении.

Что такое **возможность** победы социализма в одной стране?

Это есть возможность разрешения противоречий между пролетариатом и крестьянством внутренними силами нашей страны, возможность взятия власти пролетариатом и использования этой власти для построения полного социалистического общества в нашей стране, при сочувствии и поддержке пролетариев других стран, но без предварительной победы пролетарской революции в других странах.

Без такой возможности строительство социализма есть строительство без перспективы, строительство без уверенности построить социализм. Нельзя строить социализм, не будучи уверен, что его можно построить, не будучи уверен, что техническая отсталость нашей страны не является **непреодолимым** препятствием к построению полного социалистического общества. Отрицание такой возможности есть неверие в дело строительства социализма, отход от ленинизма.

Что такое **невозможность** полной, окончательной победы социализма в одной стране без победы революции в других странах?

Это есть невозможность полной гарантии от интервенции, а значит, и реставрации буржуазных порядков, без победы революции, по крайней мере, в ряде стран. Отрицание этого бесспорного положения есть отход от интернационализма, отход от ленинизма.

«Мы живём,— говорит Ленин,— не только в государстве, но и в **системе государств,** и существование Советской республики рядом с империалистскими государствами продолжительное время немыслимо. В конце концов либо одно, либо другое победит. А пока этот конец наступит, ряд самых ужасных столкновений между Советской республикой и буржуазными государствами неизбежен. Это значит, что господствующий класс, пролетариат, если только он хочет и будет господствовать, должен доказать это и своей военной организацией» (см. т. XXIV, стр. 122).

«Мы имеем перед собою, — говорит Ленин в другом месте,— в высшей степени неустойчивое, но всё же несомненное, неоспоримое известное равновесие. Надолго ли это — не знаю, и думаю, что этого знать нельзя. И поэтому с нашей стороны нужна величайшая осторожность. И первой заповедью нашей политики, первым уроком, вытекающим из нашей правительственной деятельности за год, уроком, который должны усвоить себе все рабочие и крестьяне, это — быть начеку, помнить, что мы окружены людьми, классами, правительствами, которые открыто выражают величайшую ненависть к нам. Надо помнить, что от всякого нашествия мы всегда на волоске» (см. т. XXVII, стр. 117).

Кажется, ясно.

Как обстоит дело у Зиновьева насчёт вопроса о победе социализма в одной стране?

Слушайте:

«Под окончательной победой социализма следует понимать, по крайней мере: 1) уничтожение классов и, стало быть, 2) упразднение диктатуры одного класса, в данном случае диктатуры пролетариата»... «Чтобы ещё точнее уяснить себе,— говорит дальше Зиновьев, — как стоит вопрос у нас в СССР в 1925 году,

надо различать две вещи: 1) обеспеченная **возможность** строить социализм,— такая возможность строить социализм вполне, разумеется, может мыслиться и в рамках одной страны, и 2) окончательное построение и упрочение социализма, т. е. осуществление социалистического строя, социалистического общества».

Что всё это может означать?

А то, что под окончательной победой социализма в одной стране Зиновьев понимает не гарантию от интервенции и реставрации, а возможность построения социалистического общества. Под победой же социализма в одной стране Зиновьев понимает такое строительство социализма, которое не может и не должно привести к построению социализма. Строительство на авось, без перспективы, строительство социализма при невозможности построить социалистическое общество — такова позиция Зиновьева.

Строить социализм **без возможности** построить его, строить, **зная, что не построишь**,— вот до каких несообразностей договорился Зиновьев.

Но это ведь издевка над вопросом, а не разрешение вопроса!

А вот ещё одно место из заключительного слова Зиновьева на XIV партсъезде:

«Вы посмотрите, до чего, например, договорился т. Яковлев на последней Курской губпартконференции. «Можем ли мы в одной стране,— спрашивает он,— будучи окружены со всех сторон капиталистическими врагами, можем ли мы в таких условиях в одной стране построить социализм?». И отвечает: «На основе всего сказанного мы вправе сказать, что мы не только строим социализм, но что мы, несмотря на то, что мы пока что одни, что мы пока единственная в мире советская страна, советское государство,— мы этот социализм построим» («Курская Правда» № 279 от 8 декабря 1925 г.). **Разве это ленинская**

постановка вопроса, спрашивает Зиновьев, **разве здесь не отдаёт душком национальной ограниченности?»** *

Таким образом, по Зиновьеву выходит, что признать возможность построения социализма в одной стране — это значит стать на точку зрения национальной ограниченности, а отрицать такую возможность — значит стать на точку зрения интернационализма.

Но если это верно,— стоит ли вообще вести борьбу за победу над капиталистическими элементами нашего хозяйства? Не следует ли из этого, что такая победа невозможна?

Капитуляция перед капиталистическими элементами нашего хозяйства — вот куда приводит внутренняя логика аргументации Зиновьева.

И эту несообразность, не имеющую ничего общего с ленинизмом, преподносит нам Зиновьев как «интернационализм», как «стопроцентный ленинизм»!

Я утверждаю, что в важнейшем вопросе о строительстве социализма Зиновьев отходит от ленинизма, скатываясь на точку зрения меньшевика Суханова.

Обратимся к Ленину. Вот что он говорит о победе социализма в одной стране еще до Октябрьской революции, в августе 1915 года:

«Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов **и организовав у себя социалистическое производство *,** встал бы **против** остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетённые классы других стран, поднимая в них восстание про-

---

* Курсив мой. **И. Ст.**

тив капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств» (см. т. XVIII, стр. 232—233).

Что значит подчёркнутая фраза Ленина: «организовав у себя социалистическое производство»? Это значит, что пролетариат победившей страны **может и должен** организовать у себя, после взятия власти, социалистическое производство. А что значит «организовать социалистическое производство»? Это значит построить социалистическое общество. Едва ли нужно доказывать, что это ясное и определённое положение Ленина не нуждается в дальнейших комментариях. В противном случае непонятны были бы призывы Ленина ко взятию власти пролетариатом в октябре 1917 года.

Вы видите, что это ясное положение Ленина, как небо от земли, отличается от путаного и антиленинского «положения» Зиновьева о том, что мы можем строить социализм «в рамках одной страны» при **невозможности** построить его.

Это было сказано Лениным в 1915 году, до взятия власти пролетариатом. Но, может быть, у него изменились взгляды после опыта взятия власти, после 1917 года? Обратимся к брошюре Ленина «О кооперации», написанной в 1923 году.

«В самом деле,— говорит Ленин,— власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д.,— разве это не всё, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали, как торгашескую, и которую с известной стороны имеем право третировать теперь при нэпе так же, **разве это не всё необходимое**

для построения полного социалистического общества?* Это еще не построение социалистического общества, но **это всё необходимое и достаточное для этого построения»*** (см. т. XXVII, стр. 392).

Иначе говоря: мы можем и должны построить полное социалистическое общество, ибо мы имеем в своём распоряжении всё необходимое и достаточное для этого построения.

Кажется, трудно выразиться яснее.

Сравните это классическое положение Ленина с антиленинской отповедью Зиновьева против Яковлева и поймёте, что Яковлев только повторил слова Ленина о возможности построения социализма в одной стране, а Зиновьев, выступая против этого положения, бичуя Яковлева, отошёл от Ленина и стал на точку зрения меньшевика Суханова, на точку зрения невозможности построения социализма в нашей стране ввиду её технической отсталости.

Неизвестно только, для чего же мы брали власть в октябре 1917 года, если не рассчитывали построить социализм?

Не надо было брать власть в октябре 1917 года — вот к какому выводу приводит внутренняя логика аргументации Зиновьева.

Я утверждаю, далее, что в важнейшем вопросе о победе социализма Зиновьев пошёл **против** определённых решений нашей партии, зафиксированных в известной резолюции XIV партконференции «О задачах Коминтерна и РКП(б) в связи с расширенным пленумом ИККИ».

Обратимся к этой резолюции. Вот что сказано там о победе социализма в одной стране:

---

* Курсив мой. **И. Ст.**

«Наличие двух прямо противоположных общественных систем вызывает постоянную угрозу капиталистической блокады, других форм экономического давления, вооружённой интервенции, реставрации. Единственной гарантией **окончательной победы социализма,** т. е. **гарантии от реставрации** *, является, следовательно, победоносная социалистическая революция в ряде стран...» «Ленинизм учит, что **окончательная** победа социализма **в смысле полной гарантии от реставрации** * буржуазных отношений возможна только в международном масштабе...» «Из этого отнюдь **не вытекает** *, что невозможно построение **полного социалистического общества** * в такой отсталой стране, как Россия, без «государственной помощи» (Троцкий) более развитых в технико-экономическом отношении стран» (см. резолюцию [35]).

Вы видите, что резолюция трактует окончательную победу социализма, как гарантию от интервенции и реставрации,— **в полную противоположность** трактовке Зиновьева в его книге «Ленинизм».

Вы видите, что резолюция признаёт возможность построения полного социалистического общества в такой отсталой стране, как Россия, без «государственной помощи» более развитых в технико-экономическом отношении стран,— **в полную противоположность** обратному утверждению Зиновьева в его отповеди против Яковлева в заключительном слове на XIV партсъезде.

Как назвать это, как не борьбой Зиновьева **против** резолюции XIV партконференции?

Конечно, партийные резолюции иногда не безгрешны. Бывает, что партийные резолюции содержат ошибки. Вообще говоря, можно предположить, что резолюция XIV партконференции тоже содержит некоторые ошибки. Возможно, что Зиновьев считает данную резолюцию ошибочной. Но тогда об этом надо сказать ясно

* Курсив мой. **И. Ст.**

и открыто, как подобает большевику. Однако Зиновьев не делает этого почему-то. Он предпочёл избрать другой путь, путь тыловых атак резолюции XIV партконференции, при замалчивании этой резолюции и при отсутствии какой бы то ни было открытой критики резолюции. Зиновьев думает, видимо, что этот путь лучше всего достигает цели. А цель у него одна — «улучшить» резолюцию и «немножечко» подправить Ленина. Едва ли нужно доказывать, что Зиновьев ошибся в своих расчётах.

Откуда проистекает ошибка Зиновьева? Где корень этой ошибки?

Корень этой ошибки заключается, по-моему, в уверенности Зиновьева в том, что техническая отсталость нашей страны является **непреодолимым** препятствием построения полного социалистического общества, что пролетариат не может построить социализм ввиду технической отсталости нашей страны. Зиновьев и Каменев одно время пробовали выступить с этим аргументом на одном из заседаний ЦК партии перед апрельской партконференцией[36]. Но они получили отповедь и вынуждены были отступить, подчинившись **формально** противоположной точке зрения, точке зрения большинства ЦК. Но, подчинившись ей формально, Зиновьев всё время продолжал борьбу с ней. Вот что говорит об этом «инциденте» в ЦК РКП(б) Московский комитет нашей партии в своём «Ответе» на письмо Ленинградской губпартконференции [37]:

«Не так давно Каменев и Зиновьев защищали в Политбюро ту точку зрения, будто бы мы не сможем справиться с внутренними трудностями из-за нашей технической и экономической отсталости, если только нас не спасёт международная революция. Мы же, вместе с большинством ЦК, думаем, что мы можем

строить социализм, строим и построим его, несмотря на нашу техническую отсталость и вопреки ей. Мы думаем, что это строительство будет итти, конечно, гораздо медленнее, чем в условиях мировой победы, но тем не менее мы идём и будем итти вперёд. Мы точно так же полагаем, что точка зрения Каменева и Зиновьева выражает неверие во внутренние силы нашего рабочего класса и идущих за ним крестьянских масс. Мы полагаем, что она есть отход от ленинской позиции» (см. «Ответ»).

Этот документ появился в печати во время первых заседаний XIV партсъезда. Зиновьев, конечно, имел возможность выступить против этого документа еще на съезде. Характерно, что у Зиновьева и Каменева не нашлось аргументов против этого тяжкого обвинения, выставленного против них Московским комитетом нашей партии. Случайно ли это? Я думаю, что не случайно. Обвинение, видимо, попало в цель. Зиновьев и Каменев «ответили» на это обвинение молчанием потому, что нечем было его «крыть».

«Новая оппозиция» обижается, что Зиновьева обвиняют в неверии в дело победы социалистического строительства в нашей стране. Но если Зиновьев после целого года обсуждения вопроса о победе социализма в одной стране, после того как точка зрения Зиновьева была отвергнута Политбюро ЦК (апрель 1925 г.), после того как сложилось уже определённое мнение партии по этому вопросу, зафиксированное в известной резолюции XIV партконференции (апрель 1925 г.), если после всего этого Зиновьев решается выступить в своей книге «Ленинизм» (сентябрь 1925 г.) против точки зрения партии, если он потом повторяет это выступление на XIV съезде,— то как объяснить всё это, это упорство, эту настойчивость в отстаивании своей ошибки, как не тем, что Зиновьев заражён, безнадёжно заражён

неверием в дело победы социалистического строительства в нашей стране?

Зиновьеву угодно трактовать это своё неверие как интернационализм. Но с каких это пор отход от ленинизма в кардинальном вопросе ленинизма стал трактоваться у нас как интернационализм?

Не вернее ли будет сказать, что не партия, а Зиновьев грешит здесь против интернационализма и международной революции? Ибо что такое наша страна «строящегося социализма», как не база мировой революции? Но может ли она быть настоящей базой мировой революции, если она неспособна построить социалистическое общество? Может ли она остаться тем величайшим притягательным центром для рабочих всех стран, каким она, несомненно, является теперь, если она неспособна добиться у себя победы над капиталистическими элементами нашего хозяйства, победы социалистического строительства? Я думаю, что не может. Но не следует ли из этого, что неверие в победу социалистического строительства, проповедь этого неверия ведёт к развенчанию нашей страны как базы мировой революции, развенчание же нашей страны ведёт к ослаблению мирового революционного движения. Чем отпугивали от нас рабочих гг. социал-демократы? Проповедью о том, что «у русских ничего не выйдет». Чем мы бьём теперь социал-демократов, привлекая к себе целые вереницы рабочих делегаций и укрепляя тем самым позиции коммунизма во всём мире? Нашими успехами по строительству социализма. Но разве не ясно после этого, что, кто проповедует неверие в наши успехи по строительству социализма, тот помогает косвенно социал-демократам, тот ослабляет размах

международного революционного движения, тот неизбежно отходит от интернационализма?..

Вы видите, что с «интернационализмом» Зиновьева дело обстоит ничуть не лучше, чем с его «стопроцентным ленинизмом» в вопросе о строительстве социализма в одной стране.

Поэтому XIV партсъезд поступил правильно, определив взгляды «новой оппозиции» как «неверие в дело строительства социализма» и «извращение ленинизма» [38].

VII

БОРЬБА ЗА ПОБЕДУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Я думаю, что неверие в победу социалистического строительства является основной ошибкой «новой оппозиции». Ошибка эта является, по-моему, основной потому, что из неё проистекают все остальные ошибки «новой оппозиции». Ошибки «новой оппозиции» по вопросу о нэпе, о госкапитализме, о природе нашей социалистической промышленности, о роли кооперации при диктатуре пролетариата, о методах борьбы с кулачеством, о роли и удельном весе среднего крестьянства — все эти ошибки являются производными от основной ошибки оппозиции, от неверия в возможность построения социалистического общества силами нашей страны.

Что такое неверие в победу социалистического строительства в нашей стране?

Это есть, прежде всего, отсутствие уверенности в том, что основные массы крестьянства **могут втянуться**, в силу известных условий развития нашей страны, в дело социалистического строительства.

Это есть, во-вторых, отсутствие уверенности в том, что пролетариат нашей страны, имеющий в своём распоряжении командные высоты народного хозяйства, **способен** втянуть основные массы крестьянства в дело социалистического строительства.

Из этих положений исходит молчаливо оппозиция в своих построениях о путях нашего развития,— всё равно, делает ли она это сознательно или бессознательно.

Можно ли втянуть основную массу советского крестьянства в дело социалистического строительства?

В брошюре «Об основах ленинизма» имеются на этот счёт два основных положения:

1) «Нельзя смешивать крестьянство Советского Союза с крестьянством Запада. Крестьянство, прошедшее школу трёх революций, боровшееся против царя и буржуазной власти вместе с пролетариатом и во главе с пролетариатом, крестьянство, получившее землю и мир из рук пролетарской революции и ставшее ввиду этого резервом пролетариата,— это крестьянство не может не отличаться от крестьянства, боровшегося во время буржуазной революции во главе с либеральной буржуазией, получившего землю из рук этой буржуазии и ставшего ввиду этого резервом буржуазии. Едва ли нужно доказывать, что советское крестьянство, привыкшее ценить политическую дружбу и **политическое** сотрудничество с пролетариатом и обязанное своей свободой этой дружбе и этому сотрудничеству,— не может не составлять исключительно благоприятный материал для **экономического** сотрудничества с пролетариатом».

2) «Нельзя смешивать сельское хозяйство России с сельским хозяйством Запада. Там развитие сельского хозяйства идёт по обычной линии капитализма, в обстановке глубокой диференциации крестьянства, с крупными имениями и частнокапиталистическими латифундиями на одном полюсе, с пауперизмом, нищетой и наёмным рабством — на другом. Там распад и разложение ввиду этого вполне естественны. Не то в России. У нас развитие сельского хозяйства не может пойти по такому

пути хотя бы потому, что наличие Советской власти и национализация основных орудий и средств производства не допускают такого развития. В России развитие сельского хозяйства должно пойти по другому пути, по пути кооперирования миллионов мелкого и среднего крестьянства, по пути развития в деревне массовой кооперации, поддерживаемой государством в порядке льготного кредитования. Ленин правильно указал в статьях о кооперации, что развитие сельского хозяйства у нас должно пойти по новому пути, по пути вовлечения большинства крестьян в социалистическое строительство через кооперацию, по пути постепенного внедрения в сельское хозяйство начал коллективизма сначала в области сбыта, а потом — в области производства продуктов сельского хозяйства...

Едва ли нужно доказывать, что громадное большинство крестьянства охотно станет на этот новый путь развития, отбросив прочь путь частно-капиталистических латифундий и наёмного рабства, путь нищеты и разорения»[39].

Правильны ли эти положения?

Я думаю, что оба эти положения являются правильными и неоспоримыми для всего нашего строительного периода в условиях нэпа.

Они являются лишь выражением известных тезисов Ленина о смычке пролетариата и крестьянства, о включении крестьянских хозяйств в систему социалистического развития страны, о том, что пролетариат должен двигаться к социализму вместе с основными массами крестьянства, о том, что кооперирование миллионных масс крестьянства является столбовой дорогой социалистического строительства в деревне, что при росте нашей социалистической индустрии «простой рост кооперации для нас тождественен... с ростом социализма» (см. т. XXVII, стр. 396).

В самом деле, по какому пути может и должно пойти развитие крестьянского хозяйства в нашей стране?

Крестьянское хозяйство не есть капиталистическое хозяйство. Крестьянское хозяйство, если взять подавляющее большинство крестьянских хозяйств, есть хозяйство мелкотоварное. А что такое мелкотоварное крестьянское хозяйство? Это есть хозяйство, стоящее на распутье между капитализмом и социализмом. Оно может развиться и в сторону капитализма, как это происходит теперь в капиталистических странах, и в сторону социализма, как это должно произойти у нас, в нашей стране, при диктатуре пролетариата.

Откуда такая неустойчивость, несамостоятельность крестьянского хозяйства? Чем её объяснить?

Объясняется она распылённостью крестьянских хозяйств, их неорганизованностью, их зависимостью от города, от индустрии, от кредитной системы, от характера власти в стране, наконец, тем общеизвестным положением, что деревня идёт и должна итти за городом как в материальном, так и в культурном отношении.

Капиталистический путь развития крестьянского хозяйства означает развитие через глубочайшую диференциацию крестьянства, с крупными латифундиями на одном полюсе и массовым обнищанием на другом полюсе. Такой путь развития является неизбежным в капиталистических странах, потому что деревня, крестьянское хозяйство находится в зависимости от города, от индустрии, от концентрированного кредита в городе, от характера власти, а в городе царит буржуазия, капиталистическая промышленность, капиталистическая кредитная система, капиталистическая государственная власть.

Обязателен ли этот путь развития крестьянских хозяйств в нашей стране, где город имеет совершенно другой облик, где индустрия находится в руках проле-

тариата, где транспорт, кредитная система, государственная власть и т. д. сосредоточены в руках пролетариата, где национализация земли является всеобщим законом в стране? Конечно, не обязателен. Наоборот. Именно потому, что город является руководителем деревни, а в городе царит у нас пролетариат, держащий в руках все командные высоты народного хозяйства, именно поэтому крестьянские хозяйства должны пойти в своём развитии по другому пути, по пути социалистического строительства.

Что это за путь?

Это есть путь массового кооперирования миллионов крестьянских хозяйств по всем линиям кооперации, путь объединения распылённых крестьянских хозяйств вокруг социалистической индустрии, путь насаждения начал коллективизма среди крестьянства сначала по линии **сбыта** продуктов земледелия и **снабжения** крестьянских хозяйств городскими изделиями, а потом по линии сельскохозяйственного **производства**.

И чем дальше, тем больше этот путь становится неизбежным в обстановке диктатуры пролетариата, ибо кооперирование по линии сбыта, кооперирование по линии снабжения, наконец, кооперирование по линии кредита и производства (сельскохозяйственные товарищества) является единственным путём подъёма благосостояния деревни, единственным средством спасения широких масс крестьянства от нищеты и разорения.

Говорят, что крестьянство у нас несоциалистично по своему положению, что ввиду этого оно неспособно к социалистическому развитию. Это, конечно, верно, что крестьянство несоциалистично по своему положению. Но это не есть аргумент против развития крестьянских

хозяйств по пути социализма, если доказано, что деревня идёт за городом, а в городе командует социалистическая промышленность. Во время Октябрьской революции крестьянство тоже не являлось социалистическим по своему положению и оно вовсе не хотело установить в стране социализм. Оно добивалось тогда, главным образом, ликвидации помещичьей власти и окончания войны, установления мира. Тем не менее оно пошло тогда за социалистическим пролетариатом. Почему? Потому, что свержение буржуазии и взятие власти социалистическим пролетариатом явилось тогда единственным путём выхода из империалистической войны, единственным путём установления мира. Потому, что других путей не было тогда и не могло быть. Потому, что нашей партии удалось тогда нащупать, найти ту степень соединения и подчинения специфических интересов крестьянства (свержение помещика, мир) общим интересам страны (диктатура пролетариата), которая оказалась приемлемой и выгодной для крестьянства. И крестьянство, несмотря на его несоциалистичность, пошло тогда за социалистическим пролетариатом.

То же самое нужно сказать о социалистическом строительстве в нашей стране, о вовлечении крестьянства в русло этого строительства. Крестьянство несоциалистично по своему положению. Но оно должно стать, и обязательно станет, на путь социалистического развития, ибо нет и не может быть других путей спасения крестьянства от нищеты и разорения, кроме смычки с пролетариатом, кроме смычки с социалистической промышленностью, кроме включения крестьянского хозяйства в общее русло социалистического развития через массовое кооперирование крестьянства.

Почему именно через массовое кооперирование крестьянства?

Потому, что в массовом кооперировании «мы нашли ту степень соединения частного интереса, частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам» (**Ленин**)[40], которая является приемлемой и выгодной для крестьянства и которая обеспечивает пролетариату возможность вовлечения основной массы крестьянства в дело социалистического строительства. Именно потому, что крестьянству выгодно организовать сбыт своих товаров и снабжение своего хозяйства машинами через кооперацию, именно поэтому оно должно пойти, и оно пойдёт, по пути массового кооперирования.

А что означает массовое кооперирование крестьянских хозяйств при главенстве социалистической промышленности?

Оно означает **отход** мелкотоварного крестьянского хозяйства от старого капиталистического пути, чреватого массовым разорением крестьянства, и **переход** на новый путь развития, на путь социалистического строительства.

Вот почему борьба за новый путь развития крестьянского хозяйства, борьба за вовлечение основной массы крестьянства в дело строительства социализма является очередной задачей нашей партии.

XIV съезд ВКП(б) поступил поэтому правильно, постановив, что:

«Основной путь строительства социализма в деревне заключается в том, чтобы при возрастающем экономическом руководстве со стороны социалистической госпромышленности, государственных кредитных учреждений и других командных высот,

находящихся в руках пролетариата, вовлечь в кооперативную организацию основную массу крестьянства и обеспечить этой организации социалистическое развитие, используя, преодолевая и вытесняя капиталистические её элементы» (см. резолюцию съезда по отчёту ЦК [41]).

Глубочайшая ошибка «новой оппозиции» состоит в том, что она не верит в этот новый путь развития крестьянства, не видит или не понимает всей неизбежности этого пути в условиях диктатуры пролетариата. А не понимает она этого потому, что не верит в победу социалистического строительства в нашей стране, не верит в способность нашего пролетариата повести за собой крестьянство по пути к социализму.

Отсюда непонимание двойственного характера нэпа, преувеличение отрицательных сторон нэпа и трактовка нэпа как отступления по преимуществу.

Отсюда преувеличение роли капиталистических элементов нашего хозяйства и преуменьшение роли рычагов нашего социалистического развития (социалистическая промышленность, кредитная система, кооперация, власть пролетариата и т. д.).

Отсюда непонимание социалистической природы нашей государственной промышленности и сомнения в правильности кооперативного плана Ленина.

Отсюда раздувание диференциации в деревне, паника перед кулаком, преуменьшение роли середняка, попытки сорвать политику партии по обеспечению прочного союза с середняком и, вообще, метание из стороны в сторону в вопросе о политике партии в деревне.

Отсюда непонимание той громадной работы партии по вовлечению миллионных масс рабочих и крестьян в строительство промышленности и сельского хозяй-

ства, в оживление кооперации и Советов, в управление страной, в борьбу с бюрократизмом, в борьбу за улучшение и переделку нашего государственного аппарата, которая знаменует собой новую полосу развития и без которой немыслимо никакое социалистическое строительство.

Отсюда безнадёжность и растерянность перед трудностями нашего строительства, сомнения в возможности индустриализации нашей страны, пессимистическая болтовня о перерождении партии и т. д.

У них, у буржуа, всё обстоит более или менее хорошо, у нас же, у пролетариев,— более или менее плохо; если не подоспеет с Запада революция — пропало наше дело,— таков общий тон «новой оппозиции», являющийся, по-моему, тоном ликвидаторским, но для чего-то выдаваемый оппозицией (должно быть, для потехи) за «интернационализм».

Нэп есть капитализм, говорит оппозиция. Нэп есть отступление по преимуществу, говорит Зиновьев. Всё это, конечно, неверно. На самом деле нэп есть политика партии, допускающая борьбу социалистических и капиталистических элементов и рассчитанная на победу социалистических элементов над элементами капиталистическими. На самом деле нэп только начался отступлением, но он рассчитан на то, чтобы в ходе отступления произвести перегруппировку сил и повести наступление. На самом деле мы наступаем уже несколько лет, и наступаем с успехом, развивая нашу индустрию, развивая советскую торговлю, тесня частный капитал.

Но каков смысл тезиса — нэп есть капитализм, нэп есть отступление по преимуществу? Из чего исходит этот тезис?

Он исходит из неправильного предположения о том, что у нас происходит теперь простое восстановление капитализма, простой «возврат» капитализма. Только этим предположением можно объяснить сомнения оппозиции насчёт социалистической природы нашей промышленности. Только этим предположением можно объяснить панику оппозиции перед кулаком. Только этим предположением можно объяснить ту поспешность, с которой ухватилась оппозиция за неправильные цифры о диференциации крестьянства. Только этим предположением можно объяснить особую забывчивость оппозиции насчёт того, что середняк является у нас центральной фигурой земледелия. Только этим предположением можно объяснить недооценку удельного веса середняка и сомнения насчёт кооперативного плана Ленина. Только этим предположением можно «обосновать» неверие «новой оппозиции» в новый путь развития деревни, в путь вовлечения деревни в социалистическое строительство.

На самом деле у нас происходит теперь не односторонний процесс восстановления капитализма, а двусторонний процесс развития капитализма и развития социализма, противоречивый процесс борьбы элементов социалистических с элементами капиталистическими, процесс преодоления элементов капиталистических элементами социалистическими. Это одинаково неоспоримо как для города, где базой социализма является государственная промышленность, так и для деревни, где основной зацепкой социалистического развития является массовая кооперация, смыкаемая с социалистической промышленностью.

Простое восстановление капитализма невозможно хотя бы потому, что власть у нас пролетарская, круп-

ная промышленность в руках пролетариата, транспорт и кредит находятся в распоряжении пролетарского государства.

Диференциация в деревне не может принять прежних размеров, середняк остаётся основной массой крестьянства, а кулак не может возыметь прежнюю силу хотя бы потому, что земля у нас национализирована, она изъята из обращения, а наша торговая, кредитная, налоговая и кооперативная политика направлена на то, чтобы ограничить эксплуататорские стремления кулачества, поднять благосостояние широчайших масс крестьянства и выравнивать крайности в деревне. Я уже не говорю о том, что борьба с кулачеством идёт у нас теперь не только по старой линии, по линии организации бедноты против кулачества, но и по новой линии, по линии укрепления союза пролетариата и бедноты с середняцкими массами крестьянства против кулака. Тот факт, что оппозиция не понимает смысла и значения борьбы с кулачеством по этой второй линии, этот факт лишний раз подтверждает, что оппозиция сбивается на старый путь развития деревни, на путь её капиталистического развития, когда кулак и беднота составляли основные силы деревни, а середняк «вымывался».

Кооперация есть разновидность государственного капитализма, говорит оппозиция, ссылаясь при этом на «Продналог» [42] Ленина, ввиду чего она не верит в возможность использования кооперации, как основной зацепки для социалистического развития. Оппозиция и здесь допускает грубейшую ошибку. Такая трактовка кооперации была достаточна и удовлетворительна в 1921 году, когда был написан «Продналог», когда у нас не было развитой социалистической промышленности,

когда Ленин мыслил госкапитализм как возможную основную форму нашего хозяйствования, а кооперацию рассматривал в сочетании с госкапитализмом. Но эта трактовка теперь уже недостаточна и превзойдена историей, ибо с тех пор времена изменились, социалистическая промышленность у нас развилась, госкапитализм не привился в той степени, в какой это было желательно, а кооперация, охватывающая теперь более десятка миллионов членов, стала смыкаться с социалистической индустрией.

Чем же иначе объяснить тот факт, что уже спустя два года после «Продналога», в 1923 году, Ленин стал рассматривать кооперацию по-другому, считая, что «кооперация в наших условиях сплошь да рядом совершенно совпадает с социализмом»? (см. т. XXVII, стр. 396).

Чем же иначе это объяснить, как не тем, что за эти два года социалистическая промышленность успела уже вырасти, госкапитализм же не привился в должной степени, ввиду чего Ленин стал рассматривать кооперацию уже не в сочетании с госкапитализмом, а в сочетании с социалистической промышленностью?

Изменились условия развития кооперации. Должен был измениться и подход к вопросу о кооперации.

Вот, например, одно замечательное место из брошюры Ленина «О кооперации» (1923 г.), проливающее свет на этот вопрос:

«**При государственном капитализме** * предприятия кооперативные отличаются от государственно-капиталистических, как предприятия частные, во-первых, и коллективные, во-вторых.

* Курсив мой. **И. Ст.**

При нашем существующем строе * предприятия кооперативные отличаются от предприятий частно-капиталистических, как предприятия коллективные, но **не отличаются** * от предприятий социалистических, если они основаны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству, т. е. рабочему классу» (см. т. XXVII, стр. 396).

В этой маленькой цитате разрешены два больших вопроса. Во-первых, вопрос о том, что «наш существующий строй» не есть госкапитализм. Во-вторых, вопрос о том, что кооперативные предприятия, взятые в сочетании с «нашим строем», «не отличаются» от предприятий социалистических.

Я думаю, что трудно выразиться яснее.

А вот ещё одно место из той же брошюры Ленина:

«Простой рост кооперации для нас тожественен (с указанным выше «небольшим» исключением) с ростом социализма, и вместе с этим мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм» (см. там же).

Очевидно, что в брошюре «О кооперации» мы имеем дело с новой оценкой кооперации, чего не хочет признать «новая оппозиция» и что она старательно замалчивает, вопреки фактам, вопреки очевидной истине, вопреки ленинизму.

Одно дело — кооперация, взятая в сочетании с госкапитализмом, и другое дело — кооперация, взятая в сочетании с социалистической промышленностью.

Из этого, однако, нельзя делать того вывода, что между «Продналогом» и брошюрой «О кооперации» лежит пропасть. Это, конечно, неправильно. Достаточно сослаться, например, на следующее место в

---

* Курсив мой. **И. Ст.**

«Продналоге», чтобы сразу уловить неразрывную связь между «Продналогом» и брошюрой «О кооперации» в вопросе об оценке кооперации. Вот оно:

«Переход от концессий к социализму есть переход от одной формы крупного производства к другой форме крупного производства. Переход от кооперации мелких хозяйчиков к социализму есть переход от мелкого производства к крупному, т. е. переход более сложный, но зато способный охватить, в случае успеха, более широкие массы населения, способный вырвать более глубокие и более живучие корни старых, **досоциалистических** *, даже докапиталистических отношений, наиболее упорных в смысле сопротивления всякой «новизне»» (см. т. XXVI, стр. 337).

Из этой цитаты видно, что Ленин еще во время «Продналога», когда не было еще у нас развитой социалистической индустрии, считал возможным превращение кооперации, **в случае успеха**, в могучее средство борьбы против «досоциалистических», а значит, и против **капиталистических отношений**. Я думаю, что эта именно мысль и послужила впоследствии отправной точкой для его брошюры «О кооперации».

Но что из всего этого следует?

А из этого следует, что «новая оппозиция» подходит к вопросу о кооперации не по-марксистски, а метафизически. Она рассматривает кооперацию не как историческое явление, взятое в сочетании с другими явлениями, в сочетании, скажем, с госкапитализмом (в 1921 г.) или социалистической промышленностью (в 1923 г.), а как нечто постоянное и раз навсегда данное, как «вещь в себе».

---

* Курсив мой. **И. Ст.**

Отсюда ошибки оппозиции по вопросу о кооперации, отсюда её неверие в развитие деревни к социализму через кооперацию, отсюда сворачивание оппозиции на старый путь, на путь капиталистического развития деревни.

Такова в общем позиция «новой оппозиции» в практических вопросах социалистического строительства.

Вывод один: линия оппозиции, поскольку есть у неё линия, колебания и шатания оппозиции, её неверие в наше дело и растерянность перед трудностями — ведут к капитуляции перед капиталистическими элементами нашего хозяйства.

Ибо, если нэп есть отступление по преимуществу, если социалистическая природа государственной промышленности подвергается сомнению, если кулак почти что всесилен, на кооперацию мало надежды, роль середняка прогрессивно падает, новый путь развития деревни сомнителен, партия почти что перерождается, а революция с Запада еще не так близка,— то что же остаётся после всего этого в арсенале у оппозиции, на что она рассчитывает в борьбе с капиталистическими элементами нашего хозяйства? Нельзя же итти в бой с одной лишь «Философией эпохи»[43].

Ясно, что арсенал «новой оппозиции» незавиден, если вообще можно назвать его арсеналом. Этот арсенал не для борьбы. Тем более он не для победы.

Ясно, что с таким арсеналом партия «в два счёта» загубила бы себя, если бы она полезла в драку,— ей пришлось бы просто капитулировать перед капиталистическими элементами нашего хозяйства.

Поэтому XIV съезд партии поступил совершенно правильно, постановив, что «борьба за победу социалистического строительства в СССР является основной

задачей нашей партии»; что одним из необходимых условий для разрешения этой задачи является «борьба с неверием в дело строительства социализма в нашей стране и с попытками рассматривать наши предприятия, являющиеся предприятиями «последовательно-социалистического типа» (Ленин), как предприятия государственно-капиталистические»; что «такие идейные течения, делая невозможным сознательное отношение масс к строительству социализма вообще и социалистической промышленности в частности, способны лишь затормозить рост социалистических элементов хозяйства и облегчить борьбу с ними со стороны частного капитала»; что «съезд считает поэтому необходимой широкую воспитательную работу для преодоления этих извращений ленинизма» (см. резолюцию по отчёту ЦК ВКП(б) [44]).

Историческое значение XIV съезда ВКП(б) состоит в том, что он сумел вскрыть до корней ошибки «новой оппозиции», отбросил прочь её неверие и хныканье, ясно и чётко наметил путь дальнейшей борьбы за социализм, дал партии перспективу победы и вооружил тем самым пролетариат несокрушимой верой в победу социалистического строительства.

25 января 1926 г.

И. В. Сталин. К вопросам ленинизма. М.—Л., 1926

О КРЕСТЬЯНСТВЕ, КАК СОЮЗНИКЕ РАБОЧЕГО КЛАССА

Ответ тт. Болтневу П. Ф., Ефремову В. И., Ивлеву В. И.

Извиняюсь, что приходится отвечать с запозданием.

В моей речи [45] вовсе не сказано, что крестьянство, как союзник рабочего класса, необходимо рабочему классу только в настоящее время.

Там не сказано, что после победы революции в одной из стран Европы союз рабочего класса и крестьянства в России будет излишен. Я думаю, что плохо вы читали мою речь на Московской конференции.

Там сказано лишь о том, что: «крестьянство является единственным союзником, который может **теперь** же оказать нашей революции прямую помощь». Следует ли из этого, что крестьянство после победоносной революции в Европе может стать излишним для рабочего класса нашей страны? Конечно, не следует.

Вы спрашиваете: «Что же будет, когда произойдёт мировая революция, когда не будет нужен четвёртый союзник,— крестьянство? Каковы же будут взгляды на него?»

Во-первых, неверно, что «после мировой революции» крестьянство уже не будет нужно. Неверно, так как «после мировой революции» наша хозяйственно-

строительная работа должна пойти семимильными шагами, а строить социализм без крестьянства нельзя, так же как выбраться из нищеты крестьянство без пролетариата не может. Стало быть, союз рабочих и крестьян после победоносной революции на Западе не ослабнет, а наоборот, должен будет окрепнуть.

Во-вторых, «после мировой революции», когда наша строительная работа усилится во сто крат, дело пойдёт к тому, что рабочие и крестьяне, как совершенно различные экономические группы, будут исчезать, будут превращаться в тружеников земли и фабрики, т. е. будут уравниваться по своему экономическому положению. А что это значит? А это значит, что союз рабочих и крестьян будет постепенно превращаться в слияние, в полное единение, в одно социалистическое общество бывших рабочих и бывших крестьян, а потом просто тружеников социалистического общества.

Вот каков наш взгляд на крестьянство «после победы мировой революции».

В моей речи дело идёт не о том, как будет смотреть наша партия в будущем на крестьянство, а о том, какой из четырёх союзников является наиболее непосредственным союзником и непосредственным помощником рабочего класса в данную минуту, в данный момент, когда капиталисты на Западе начинают несколько оправляться.

Почему я ставил вопрос в своей речи именно в этом духе? Потому, что в нашей партии имеются люди, которые по глупости и неразумию полагают, что крестьянство нам не союзник. Плохо ли, хорошо ли, что такие люди имеются в нашей партии — это дело другое, но такие люди имеются. Я держал речь против таких именно

людей и доказывал поэтому, что в данный момент крестьянство является наиболее непосредственным союзником рабочего класса, что люди, сеющие недоверие в отношении к крестьянству, могут, сами того не понимая, загубить дело нашей революции, т. е. могут загубить и дело рабочих, и дело крестьян.

Вот о чём идёт речь.

Я думаю, что вы несколько обижены тем, что я называю крестьянство не очень крепким союзником и не таким надёжным союзником, каким является пролетариат капиталистически развитых стран. Я вижу, что вы этим обижены. Но разве я не прав? Разве я не должен говорить правду в глаза? Разве это не верно, что крестьянство во время нашествия Колчака и Деникина сплошь и рядом колебалось то в сторону рабочих, то в сторону генералов? А мало ли крестьян было в армиях Деникина и Колчака, крестьян-добровольцев?

Я не виню крестьян, потому что их колебания объясняются недостаточной сознательностью. Но я должен говорить правду в глаза, если я коммунист. Так учил нас Ленин. А правда состоит в том, что в минуту трудную, когда Колчак и Деникин напирали на рабочих, крестьянство, как союзник рабочего класса, не всегда проявляло достаточную стойкость и твёрдость.

Значит ли это, что можно махнуть рукой на крестьянство, как делают это теперь некоторые неразумные товарищи, не считающие вообще крестьянство союзником пролетариата? Нет, не значит. Махнуть рукой на крестьянство — значит совершить преступление и против рабочих, и против крестьян. Мы примем все меры к тому, чтобы поднять сознание крестьян, просветить их, приблизить их к рабочему классу, как к

вождю нашей революции, — и мы добьёмся того, что крестьянство будет становиться всё более крепким и более надёжным союзником пролетариата в нашей стране.

А когда революция на Западе ударит, крестьянство окрепнет уже вовсе и станет одним из самых верных союзников рабочего класса нашей страны.

Так надо понимать отношение коммунистов к крестьянству, как к союзнику рабочего класса.

С тов. приветом

И. Сталин

9 февраля 1926 г.

Печатается впервые

О ВОЗМОЖНОСТИ ПОСТРОЕНИЯ СОЦИАЛИЗМА В НАШЕЙ СТРАНЕ

Ответ тов. Покоеву

Тов. Покоев!

Пишу с запозданием, за что извиняюсь перед Вами и Вашими товарищами.

К сожалению, Вы не поняли наших разногласий на XIV съезде. Дело вовсе не в том, что будто бы оппозиция утверждала, что мы еще не дожили до социализма, а съезд будто бы говорил, что мы уже дожили до социализма. Это неверно. В нашей партии не найдётся ни одного человека, который бы мог сказать, что мы уже осуществили социализм.

Спор шёл вовсе не об этом на съезде. Спор шёл вот о чём. Съезд говорил, что рабочий класс в союзе с трудовым крестьянством может добить капиталистов нашей страны и построить социалистическое общество, если даже не подоспеет на помощь победоносная революция на Западе. Оппозиция же говорила, что добить своих капиталистов и построить социалистическое общество мы не сможем, пока не победили рабочие на Западе. Ну, а так как дело с победой революции на Западе несколько затягивается, то нам остаётся,

видимо, вертеться на холостом ходу. Съезд говорил, и он это сказал в своей резолюции по отчёту ЦК[46], что такие взгляды оппозиции означают неверие в дело победы над своими капиталистами.

Вот о чём шла речь, дорогие товарищи.

Это не значит, конечно, что нам не нужна помощь западноевропейских рабочих. Допустим, что западноевропейские рабочие не сочувствовали бы нам и не оказывали бы моральной поддержки. Допустим, что западноевропейские рабочие не мешали бы своим капиталистам пойти походом против нашей республики. Что вышло бы из этого? Из этого вышло бы то, что капиталисты двинулись бы против нас и подорвали бы в корне нашу строительную работу, а то и вовсе разбили бы нас. Если капиталисты не делают такой попытки, то это потому, что они боятся, что рабочие ударят им в тыл в случае похода против нашей республики. Это и называется у нас поддержкой нашей революции со стороны западноевропейских рабочих.

Но от поддержки со стороны рабочих Запада до победы революции на Западе очень и очень далеко. Без поддержки со стороны рабочих Запада мы едва ли бы устояли против окружающих нас врагов. Хорошо, если эта поддержка выльется потом в победоносную революцию на Западе. Тогда победа социализма в нашей стране будет окончательной. Ну, а что если эта поддержка не выльется в победу революции на Западе? Можем ли мы без этой победы на Западе строить и построить социалистическое общество? Съезд ответил, что можем. Иначе нечего было брать власть в Октябре 1917 года. Если мы не рассчитывали добить наших

капиталистов, всякий скажет, что мы зря брали власть в Октябре 1917 года. Оппозиция же говорит, что своих капиталистов мы не можем добить своими собственными силами.

Вот в чём разница между нами.

На съезде говорилось ещё об окончательной победе социализма. Что это значит? А это означает полную гарантию от интервенции иностранных капиталистов и от восстановления старых порядков в нашей стране путём вооружённой борьбы этих капиталистов против нашей страны. Можем ли мы своими собственными силами обеспечить эту гарантию, т. е. сделать невозможной военную интервенцию со стороны международного капитала? Нет, не можем. Это дело общее между нами и пролетариями всего Запада. Международный капитал можно окончательно обуздать лишь силами рабочего класса всех стран, или, по крайней мере, основных стран Европы. Здесь уже без победы революции в нескольких странах Европы не обойтись,— без этого невозможна окончательная победа социализма.

Что же выходит в конце концов?

А выходит то, что социалистическое общество своими силами построить мы можем и без победы революции на Западе, но гарантировать нашу страну от покушений со стороны международного капитала одна лишь наша страна не в состоянии,— для этого нужна победа революции в нескольких странах на Западе. Одно дело — возможность построения социализма в нашей стране, другое дело — возможность обеспечения нашей страны от покушений со стороны международного капитала.

Ваша ошибка и ошибка Ваших товарищей состоит, по-моему, в том, что Вы не разобрались еще в этом деле и спутали эти два вопроса.

С тов. приветом

И. Сталин

P. S. Взяли бы «Большевик»[47] (московский) № 3 и прочли бы там мою статью. Это облегчило бы Вам дело.

И. Сталин

10 февраля 1926 г.

Печатается впервые

О ТОВ. КОТОВСКОМ

Я знал т. Котовского, как примерного партийца, опытного военного организатора и искусного командира.

Я особенно хорошо помню его на польском фронте в 1920 году, когда т. Будённый прорывался к Житомиру в тылу польской армии, а Котовский вёл свою кавбригаду на отчаянно-смелые налёты на киевскую армию поляков. Он был грозой белополяков, ибо он умел «крошить» их, как никто, как говорили тогда красноармейцы.

Храбрейший среди скромных наших командиров и скромнейший среди храбрых — таким помню я т. Котовского.

Вечная ему память и слава.

И. Сталин

«Коммунист» (Харьков)
№ 43 (1828), 23 февраля 1926 г.

РЕЧЬ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ КОМИССИИ VI РАСШИРЕННОГО ПЛЕНУМА ИККИ[48]

6 марта 1926 г.

Товарищи! К сожалению, с французскими делами я мало знаком. Я не могу поэтому исчерпать этот вопрос в той степени, в какой это здесь необходимо. Тем не менее, у меня сложилось определённое мнение о французских делах на основании тех речей, которые я слышал здесь на пленуме ИККИ, и я считаю своим долгом сделать в комиссии на этом основании некоторые замечания.

Мы имеем здесь несколько вопросов.

Первый вопрос — насчёт политического положения во Франции. Меня несколько тревожит то благодушие, которое сквозит в речах товарищей насчёт нынешнего политического положения во Франции. Получается впечатление, что во Франции положение более или менее ровное, дела идут, в общем, ни шатко, ни валко; есть, правда, некоторые затруднения, но они, пожалуй, не приведут к какому-нибудь кризису и т. д. Это неверно, товарищи. Я не могу сказать, что Франция стоит перед своим 23-м годом[49], тем не менее, я полагаю, что она идёт к кризису. В этом отношении и тезисы комиссии и замечания известных товарищей я считаю правильными.

Кризис этот особенный, ибо во Франции нет безработицы. Кризис умеряется тем, что Франция питается сейчас золотом из Германии. Но эти явления временные, во-первых, потому, что германского золота нехватит Франции на затычку внутренних прорех и на уплату долгов Англии и Америке, во-вторых, потому, что безработицы не миновать во Франции. Пока имеется инфляция, стимулирующая экспорт, может быть безработицы не будет, а потом, когда валюта установится и международные расчёты по долгам возымеют своё действие, концентрации промышленности и безработицы не миновать во Франции. Самым верным симптомом того, что Франция идёт к кризису, является тот переполох, который царит в правящих кругах Франции, та министерская чехарда, которая разыгрывается во Франции.

Никогда нельзя изображать развитие кризиса, как восходящую линию нарастающих провалов. Никогда такого кризиса не бывает. Революционный кризис развивается обычно в виде зигзагов: маленький провал, потом улучшение положения, потом более серьёзный провал, затем некоторый подъём и т. д. Наличие зигзагов не должно давать основания думать, что дела буржуазии поправляются.

Поэтому благодушие тут опасно. Опасно, так как кризис может подвинуться быстрее, чем думают, и тогда французские товарищи могут быть застигнуты врасплох. А партия, застигнутая врасплох, не может руководить событиями. Поэтому я полагаю, что французская коммунистическая партия должна держать курс на постепенное нарастание революционного кризиса. И французская партия должна поставить дело агитации

и пропаганды так, чтобы готовить умы и сердца рабочих к этому кризису.

Второй вопрос — это нарастающая опасность справа внутри партии. Я считаю, что как около французской компартии, так и внутри партии уже имеется довольно солидная боевая группа правых, во главе с исключёнными и не исключёнными из партии, которая всё время будет выматывать жилы у коммунистической партии. Я только что говорил с Креме. Он сообщил новый факт о том, что не только по линии партии, но и по линии профорганизаций существуют группировки правых, ведущих втихомолку работу, а местами ведущих прямую атаку на революционное крыло компартии. Даже сегодняшнее выступление Англера симптоматично в этом отношении, и на это нужно обратить серьёзное внимание товарищей.

В период нарастающего кризиса всегда правые поднимают голову. Это общий закон для революционного кризиса. Правые поднимают голову, ибо они боятся революционного кризиса и поэтому готовы сделать всё, чтобы оттащить партию назад и не дать развиться нарастающему кризису. Я думаю поэтому, что очередная задача компартии, поскольку она, коммунистическая партия Франции, должна ковать новые революционные кадры и готовить массы к кризису, состоит в том, чтобы дать отпор правым, изолировать их.

Готова ли к этому отпору коммунистическая партия Франции?

Я перехожу **к третьему вопросу**, к положению дел в руководящей группе французской компартии. Раздаются голоса насчёт того, что для того, чтобы правых изолировать, необходимо освободить руководящую группу

французской компартии от двух товарищей, которые вели борьбу с правыми, но которые допускали крупные ошибки. Я имею в виду Трена и Сюзанну Жиро. Буду говорить прямо, так как самое лучшее, когда вещи называют своими именами.

Я не знаю, насколько это будет целесообразно, если атака на правых будет начата с того, чтобы изъять из руководящей группы тех людей, которые с правыми борются. Я думал, что, наоборот, будет выставлено другое предложение, хотя бы такого рода: так как правые обнаглели, так как они, закрыв свой орган «Бюллетен Коммюнист»[50], выпустили декларацию, которая даёт пощёчину партии, то нельзя ли поставить дело так, чтобы кое-кого из правых разоблачить политически, если не исключить вовсе из партии. Я думал, что так будет поставлен вопрос ввиду правой опасности. Я думал, что я услышу здесь такое именно заявление. Вместо этого нам предлагают начать изоляцию правых с того, чтобы изолировать двух не правых. В этом я не вижу логики, товарищи!

Но здесь с этим вопросом, с вопросом о борьбе с правыми, переплетается другой вопрос — это отсутствие сплочённой группы большинства внутри Политбюро компартии Франции. Это совершенно верно, что партия не может вести борьбу ни против правой группы, ни против «ультралевой» группы, если у партии в руководящей группе не имеется компактного большинства, могущего бить в одну точку. Это совершенно правильно. Я считаю, что такая группа должна сформироваться, и она, я полагаю, уже сформировалась, или сформируется в скором времени вокруг таких товарищей, как Семар, Креме, Торез, Монмуссо. Создать такую группу,

или наладить, так сказать, сработанность между этими товарищами, о которых я говорил, в одной руководящей группе, это значит сконцентрировать силы в борьбе против правых. Вы не можете побить правых, так как правые растут и у них есть, видимо, некоторые корни в рабочем классе Франции, вы не можете, я говорю, побить правых, если не объедините всех революционных коммунистов внутри руководящей группы, готовых биться до конца с правыми. Начинать борьбу с правыми с того, чтобы дробить свои силы, это — нерезонно, неразумно. Вы можете и себя ослабить и борьбу с правыми проиграть, если концентрации сил не будет.

Конечно, возможно, что французские товарищи не считают возможным концентрацию всех сил, включая сюда и Трена и Сюзанну Жиро, возможно, что они находят это невозможным. Тогда пусть французские товарищи на своём пленуме ЦК или на своём конгрессе сделают соответствующие изменения в составе своего Политбюро. Пусть сделают они сами, без ИККИ. Они имеют право на это.

Мы, русские товарищи, недавно только приняли известное решение на XIV съезде партии насчёт того, чтобы дать возможность секциям больше руководить самими собой. Мы это понимаем так, что надо, елико возможно, избегать прямого вмешательства ИККИ в дела секций, в частности — в дело формирования руководящих групп наших коминтерновских секций. Не заставляйте же нас, товарищи, нарушать только что принятые на нашем партийном съезде решения. Конечно, бывают случаи, когда репрессии в отношении отдельных товарищей необходимы, но я не вижу в данный момент такой необходимости.

Поэтому я думаю, что от нашей комиссии требуется следующее:

Первое — дать ясную политическую резолюцию по французскому вопросу с лозунгом решительной борьбы с правыми и с отмечением ошибок тех товарищей, которые их допускали.

Второе — дать совет французским товарищам, чтобы они вокруг этой резолюции, направленной своим остриём против правых, сплотили руководящую группу в составе ЦК компартии Франции, т. е. обязать членов этой группы на совесть проводить эту резолюцию совместными усилиями.

Третье — дать совет французским товарищам не увлекаться в своей практической работе методом отсечения, методом репрессий.

Четвёртый вопрос — это вопрос о профсоюзах рабочих во Франции. У меня создаётся впечатление, что некоторые французские товарищи слишком легко смотрят на это дело. Я допускаю, что со стороны представителей профсоюзной Конфедерации были ошибки, но я также допускаю, что со стороны ЦК французской компартии были ошибки в отношении к Конфедерации. Вполне естественно, что т. Монмуссо хотел бы, чтобы со стороны партии было поменьше опеки. Это лежит в природе вещей, так как есть две параллельные организации: партия и профсоюзная Конфедерация, и между ними не могут не быть иногда некоторые трения. Это и у нас имеет место, у русских, и во всех компартиях, — без этого не бывает. Но трений будет тем меньше, чем меньше будет ЦК французской компартии влезать во все мелочи профсоюзов. Руководить профсоюзами надо через тех коммунистов, которые в профсоюзах ведут

постоянную работу, а не помимо них. У нас, в русской партии, были случаи, когда получалась гипертрофия руководства профсоюзами. В архиве нашей партии вы могли бы найти целый ряд резолюций, принятых нашими партийными съездами о том, чтобы партия не опекала профсоюзы, чтобы она руководила ими, а не опекала. Я боюсь, что в этом отношении французская партия, да простят мне товарищи, тоже имеет некоторые грехи в отношении профсоюзов. Я считаю, что партия есть высшая форма организации рабочего класса и именно поэтому с неё надо спрашивать больше. Поэтому ошибки ЦК должны быть ликвидированы в первую очередь, чтобы отношение к профсоюзам улучшилось и укрепилось и чтобы т. Монмуссо и другие профсоюзники могли работать в том направлении, какое необходимо с точки зрения коммунистической партии.

Партия не может развиваться дальше, особенно в тех условиях, какие имеются на Западе, партия не может укрепляться, если она не имеет серьёзнейшей опоры в лице профсоюзов и их руководителей. Только та партия, которая умеет держать широкую связь с профсоюзами и их руководителями и которая умеет устанавливать настоящий пролетарский контакт с ними, только такая партия может завоевать большинство рабочего класса на Западе. Вы сами знаете, что без завоевания большинства рабочего класса рассчитывать на победу невозможно.

Значит, что же получается?

Выходит, что:

а) Франция идёт к кризису;

б) чуя этот кризис и боясь его, правые элементы подымают голову и стараются оттащить назад партию;

в) очередная задача партии — ликвидировать правую опасность, изолировать правых;

г) для того, чтобы правых изолировать, необходима концентрация всех действительно коммунистических лидеров в составе руководства партии, способных вести борьбу с правыми до конца;

д) для того, чтобы концентрация сил могла дать желаемые результаты в борьбе с правыми и в подготовке рабочих к революционному кризису, необходимо, чтобы руководящая группа опиралась на профсоюзы и умела с профсоюзами и их работниками держать пролетарский контакт;

е) не увлекаться в своей практической работе методом отсечения, методом репрессий в отношении отдельных товарищей, а пользоваться главным образом методом убеждения.

Печатается впервые

К МЕЖДУНАРОДНОМУ КОММУНИСТИЧЕСКОМУ ЖЕНСКОМУ ДНЮ

Горячий привет работницам и трудящимся женщинам всего мира, сплачивающимся в одну трудовую семью вокруг социалистического пролетариата.

Желаю им полного успеха:

1) в деле укрепления международных уз рабочих всех стран и обеспечения победы пролетарской революции;

2) в деле высвобождения отсталых слоёв трудящихся женщин из-под духовной и экономической кабалы буржуазии;

3) в деле сплочения крестьянок вокруг пролетариата — вождя революции и руководителя социалистического строительства;

4) в деле превращения двух неравных еще по своему положению частей угнетённых масс в единую армию борцов за уничтожение всякого неравноправия, за уничтожение всякого гнёта, за победу пролетариата, за построение в нашей стране нового, социалистического общества.

Да здравствует Международный коммунистический женский день!

И. Сталин

«Правда» № 55,
7 марта 1926 г.

РЕЧЬ В ГЕРМАНСКОЙ КОМИССИИ VI РАСШИРЕННОГО ПЛЕНУМА ИККИ

8 марта 1926 г.

Товарищи! У меня всего несколько замечаний.

1. Некоторые товарищи думают, что если бы интересы СССР потребовали, то компартии на Западе должны были бы усвоить правую политику. Я с этим не согласен, товарищи. Я должен сказать, что это предположение совершенно несовместимо с теми принципами, которыми мы, русские товарищи, руководствуемся в своей работе. Я не могу представить такого случая, чтобы когда-нибудь интересы нашей Советской республики потребовали от наших братских партий уклонов вправо. Ибо что значит практиковать правую политику? Это значит так или иначе предать интересы рабочего класса. Я не могу представить, чтобы интересы СССР могли потребовать от наших братских партий предательства интересов рабочего класса, хотя бы на одну секунду. Я не могу представить, чтобы интересы нашей республики, являющейся базой революционного пролетарского движения во всём мире, требовали не максимума революционности и политической активности рабочих на Западе, а снижения этой активности, притушения революционности. Такое предположение

оскорбительно для нас, для русских товарищей. Я считаю поэтому своим долгом целиком и полностью отмежеваться от такого несуразного и совершенно неперевариимого предположения.

2. Насчёт ЦК германской компартии. Со стороны некоторых интеллигентов раздаются голоса о том, что ЦК германской компартии слаб, что он слабо руководит, что отсутствие интеллигентских сил внутри ЦК сказывается на работе отрицательно, что ЦК не существует и т. д. Всё это неверно, товарищи. Такие разговоры я считаю выходкой интеллигентов, недостойной коммунистов. Нынешний ЦК германской компартии сложился не случайно. Он родился в борьбе с правыми ошибками. Он окреп в борьбе с «ультралевыми» ошибками. Он не является поэтому ни правым, ни «ультралевым». Это есть ЦК ленинский. Это есть та самая руководящая рабочая группа, которая нужна теперь германской компартии.

Говорят, что теоретическими знаниями не блещет нынешний ЦК. Так что ж,— была бы правильная политика, за теоретическими знаниями дело не станет. Знание дело наживное, если его нет сегодня, то оно будет завтра, а вот правильную политику, которую практикует ныне ЦК германской партии, не так-то легко усвоить иным кичливым интеллигентам. Сила же нынешнего ЦК состоит в том, что он проводит правильную ленинскую политику, чего не хотят понять кичащиеся своими «знаниями» интеллигентики. По мнению некоторых товарищей, достаточно иному интеллигенту прочесть лишних две — три книги или написать лишнюю пару брошюр, чтобы претендовать на право руководства партией. Это неправильно, товарищи. Это до смехотворности

неправильно. Вы можете написать целые книги по философии, но, если вы не усвоили правильной политики ЦК компартии Германии, вас нельзя подпускать к рулю партии.

Тов. Тельман! Берите этих интеллигентов на службу, если они в самом деле хотят служить рабочему делу, или вы можете гнать их ко всем чертям, если они хотят командовать во что бы то ни стало... Тот факт, что в нынешнем ЦК преобладают рабочие, представляет большое преимущество германской компартии.

В чём состоит задача компартии Германии?

В том, чтобы проложить дорогу к социал-демократически настроенным рабочим массам, заблудившимся в дебрях социал-демократической неразберихи, и завоевать таким образом большинство рабочего класса на сторону компартии. Задача состоит в том, чтобы помочь своим заблудившимся братьям выйти на дорогу и связаться с компартией. Тут возможны два метода подхода к рабочим массам. Один метод специфически-интеллигентский, метод подхлёстывания рабочих, метод «завоевания» рабочих, так сказать, с хлыстом в руках. Нечего и доказывать, что этот метод не имеет ничего общего с методом коммунизма, ибо он не привлекает, а лишь отталкивает рабочих. Другой метод состоит в том, чтобы найти общий язык с заблудившимися братьями, оказавшимися в лагере социал-демократов, **помочь** им выбраться из дебрей социал-демократизма, **облегчить** им переход на сторону коммунизма. Этот метод является единственно коммунистическим методом работы. Тот факт, что нынешний ЦК является по составу пролетарским, этот факт значительно облегчает применение в Германии этого второго метода. Этим

и нужно объяснить те успехи в деле проведения единого фронта, которые, несомненно, имеет за собой нынешний ЦК компартии Германии.

3. О Мейере. Я внимательно слушал умную речь Мейера. Но должен сказать, что с одним из пунктов его речи я не могу согласиться. У Мейера выходит, что не он пришёл к ЦК германской компартии, а, наоборот, ЦК пришёл к нему. Это неверно, товарищи. Он прямо этого не сказал, но эта мысль сквозит во всей его речи. Это неверно, это большая ошибка. Нынешний ЦК родился в борьбе с правыми, в рядах которых подвизался недавно Мейер. ЦК не может стать правым, если он не хочет изменять своей природе, если он не хочет повернуть назад колесо истории компартии Германии. Если, тем не менее, Мейер стал сближаться с этим ЦК, то из этого следует, что Мейер стал леветь, он стал признавать ошибки правых, он стал отходить от правых. Стало быть, не ЦК идёт к Мейеру, а, наоборот, Мейер идёт к ЦК. Он идёт к ЦК, но он еще не пришёл. Ему нужно сделать ещё два — три шага от правых к ЦК для того, чтобы вполне притти к нынешнему руководству германской компартии. Я далёк от того, чтобы считать Мейера зачумлённым, я не рекомендую отталкивать Мейера, я говорю лишь о том, что ему нужно сделать ещё два — три шага вперёд, чтобы окончательно сблизиться с нынешним ЦК компартии Германии.

4. Насчёт Шолема. Я не буду распространяться об «ультралевых» в Германии и о политике Шолема. Об этом говорилось здесь достаточно много. Я хотел бы только продемонстрировать одно место из речи Шолема и раскритиковать его. Шолем теперь за внутрипартийную демократию. Он предлагает поэтому открыть всеобщую

дискуссию, пригласить Брандлера и Радека, пригласить всех, от правых до «ультралевых», учинить всеобщую амнистию и открыть всеобщую дискуссию. Это неправильно, товарищи. Этого нам не нужно. Раньше Шолем стоял против внутрипартийной демократии. Теперь он кидается в другую крайность, высказываясь за безбрежную и ничем не сдерживаемую демократию. Избави нас бог от такой демократии. Недаром говорится у русских: «Дай дураку помолиться, он себе лоб расшибёт». (С м е х.) Нет, нам такой демократии не нужно. Германская компартия уже переболела болезнью правых. Нам незачем теперь искусственно прививать ей эту болезнь. Германская компартия болеет теперь болезнью «ультралевых». Нам незачем теперь усиливать эту болезнь,— её надо искоренить, а не усиливать. Нам нужна не всякая дискуссия и не всякая демократия, а такая дискуссия и такая демократия, которые дают плюсы коммунистическому движению в Германии. Поэтому я высказываюсь против шолемовской всеобщей амнистии.

5. О группе Рут Фишер. Об этой группе говорилось здесь так много, что мне остаётся сказать несколько слов. Я думаю, что из всех нежелательных и отрицательных групп компартии Германии эта группа является наиболее нежелательной и наиболее отрицательной. Один из «ультралевых» пролетариев заметил здесь, что рабочие теряют веру в вождей. Если это верно, то это крайне печально. Ибо не может быть настоящей партии там, где нет веры в вождей. Но кто виноват в этом? В этом виновата группа Рут Фишер, её двойная бухгалтерия в политике, её практика говорить одно и делать другое, вечные расхождения между делом и

словом в практике этой дипломатической группы. Не может быть у рабочих веры в вождей там, где вожди прогнили в дипломатической игре, где слово не подкрепляется делом, где вожди говорят одно, а делают другое.

Почему русские рабочие верили Ленину безгранично? Только ли потому, что политика у него была правильна? Нет, не только потому. Они верили ему ещё потому, что они знали, что у Ленина слово не расходится с делом, что Ленин «не обманет». Вот на чём строился, между прочим, авторитет Ленина. Вот каким методом воспитывал Ленин рабочих, вот как он внедрял в них веру в вождей. Метод группы Рут Фишер, метод прогнившей дипломатии, является прямой противоположностью метода Ленина. Я могу уважать и верить Бордиге, которого не считаю ленинцем и марксистом, могу ему верить потому, что он говорит то, что думает. Я могу верить даже Шолему, который не всегда говорит то, что думает (смех), но который иногда проговаривается. (Смех.) Но я не могу при всём желании верить ни на одну секунду Рут Фишер, которая никогда не говорит того, что думает. Вот почему я думаю, что группа Рут Фишер является самой отрицательной из всех отрицательных групп компартии Германии.

6. Об Урбансе. Я полон уважения к Урбансу, как революционеру. Я готов преклониться перед ним за то, что он так хорошо себя держал на судебном процессе. Но должен сказать, что на одних лишь этих качествах Урбанса далеко не уедешь. Революционность — дело хорошее. Выдержка — ещё лучше. Но, если, кроме этих качеств, ничего не имеется в арсенале, то этого мало, товарищи, страшно мало. Месяц — другой хватит

такого багажа, но потом он иссякнет, наверняка иссякнет, если его не подкрепить правильной политикой. Сейчас в германской компартии идёт непримиримая борьба между ЦК компартии Германии и бандой Каца. За кого стоит Урбанс? За банду Каца или за ЦК? За мещанского философа Корша или за ЦК? Тут надо выбирать. Нельзя застревать в промежутке между этими борющимися силами. Тут надо иметь смелость сказать открыто и честно, за кого стоит Урбанс, за ЦК или за его необузданных противников. Тут нужна полная определённость. Беда Урбанса состоит в том, что у него нет еще, повидимому, этой определённости, что он страдает политической близорукостью. Можно простить политическую близорукость раз, можно простить другой раз, но если она превращается в политику, то близорукость граничит тогда с преступлением. Вот почему я думаю, что Урбанс должен определиться открыто и честно, если он не хочет растерять остатки своего влияния в партии. Рабочие массы не могут жить воспоминаниями о том, как хорошо вёл себя Урбанс на судебном процессе. Рабочим массам нужна правильная политика. Если у Урбанса не окажется ясной и определённой политики, то не надо быть пророком, чтобы сказать, что от авторитета Урбанса не останется даже воспоминания.

Журнал «Коммунистический Интернационал» № 3(52), март 1926 г.

О ХОЗЯЙСТВЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА И ПОЛИТИКЕ ПАРТИИ

Доклад активу ленинградской организации о работе пленума ЦК ВКП(б) [51]

13 апреля 1926 г.

Товарищи! Позвольте приступить к докладу.

Порядок дня апрельского пленума ЦК нашей партии состоял из четырёх пунктов.

Первый пункт — о хозяйственном положении нашей страны и о хозяйственной политике нашей партии.

Второй пункт — о реорганизации наших хлебозаготовительных аппаратов в направлении их упрощения и удешевления.

Третий пункт — план работы Политбюро нашего ЦК и пленума ЦК на 1926 год под углом зрения разработки основных узловых вопросов нашего хозяйственного строительства.

Четвёртый пункт — о замене секретаря ЦК Евдокимова другим кандидатом — тов. Шверником.

Если не считать последнего вопроса о замене одного секретаря другим, то все остальные вопросы, представлявшие главную ось прений на пленуме ЦК, можно было бы свести к одному основному вопросу — к вопросу о хозяйственном положении нашей страны и о политике партии. Поэтому я буду в своём докладе касаться одного основного вопроса — о хозяйственном положении нашей страны.

I

ДВА ПЕРИОДА НЭПА

Основной факт, определяющий нашу политику, состоит в том, что в своём хозяйственном развитии наша страна вступила в новый период нэпа, в новый период новой экономической политики, в период прямой индустриализации.

Пять лет прошло с тех пор, как Владимир Ильич провозгласил новую экономическую политику. Основная задача, стоявшая тогда перед нами, перед партией, состояла в том, чтобы в условиях новой экономической политики, в условиях развёрнутого товарооборота построить социалистический фундамент нашего народного хозяйства. Эта стратегическая задача стоит перед нами и теперь, как наша основная задача. К этой основной задаче мы подходили тогда, в первый период нэпа, начиная с 1921 года, под углом зрения развития прежде всего сельского хозяйства. Тов. Ленин говорил: наша задача — построить социалистический фундамент народного хозяйства, но для того, чтобы построить такой фундамент, необходимо иметь развитую индустрию, ибо индустрия есть основа, начало и конец социализма, социалистического строительства, а для того, чтобы развить индустрию, необходимо **начать** дело с сельского хозяйства.

Почему?

Потому, что для того, чтобы развернуть индустрию, промышленность в условиях той экономической разрухи, которую мы тогда переживали, необходимо было создать, прежде всего, некоторые рыночные, сырьевые и продовольственные предпосылки для индустрии, для

промышленности. Нельзя развивать промышленность на пустом месте, нельзя развивать индустрию, ежели нет сырья в стране, ежели нет продовольствия для рабочих и ежели нет сколько-нибудь развитого сельского хозяйства, представляющего основной рынок для нашей индустрии. Стало быть, чтобы развивать индустрию, надо было иметь, по крайней мере, три предпосылки: во-первых,— внутренний рынок, а у нас он пока что по преимуществу крестьянский; во-вторых,— надо было иметь более или менее развитое сырьевое производство в сельском хозяйстве (свекла, лён, хлопок и т. д.); и, в-третьих,— необходимо было, чтобы деревня могла выделить известный минимум сельскохозяйственных продуктов для снабжения промышленности, для снабжения рабочих. Вот почему Ленин говорил, что построение социалистического фундамента нашего хозяйства, построение индустрии мы должны начать с сельского хозяйства.

Тогда многие не верили в это дело. Особенно возражала тогда по этому поводу так называемая «рабочая оппозиция». Дескать, как это так: партия называется у нас рабочей партией, а дело развития хозяйства она начинает с сельского хозяйства. Как, дескать, это понять? Возражали тогда и другие оппозиционеры, полагавшие, что индустрию можно строить при всяких условиях, даже на пустом месте, не считаясь с реальными возможностями. Но история хозяйственного развития нашей страны за этот период наглядно показала, что партия была права, что для того, чтобы построить социалистический фундамент нашего хозяйства, для того, чтобы развернуть индустрию, надо было начать дело с сельского хозяйства.

Таков был первый период новой экономической политики.

Теперь мы вступили во второй период нэпа. Самое важное и самое характерное в состоянии нашего хозяйства состоит теперь в том, что центр тяжести переместился теперь в сторону индустрии. Ежели тогда, в первый период новой экономической политики, нам надо было начинать с сельского хозяйства, ибо развитие всего народного хозяйства упиралось в сельское хозяйство, то теперь, для того, чтобы продолжать строительство социалистического фундамента нашего хозяйства, для того, чтобы двинуть вперёд хозяйство в целом, необходимо сосредоточить внимание именно на индустрии. Теперь само сельское хозяйство не может двигаться вперёд, ежели во-время не подашь сельскохозяйственных машин, тракторов, изделий промышленности и т. д. Поэтому, ежели тогда, в первый период новой экономической политики, дело развития народного хозяйства в целом упиралось в сельское хозяйство, то теперь оно упирается и уже упёрлось в прямое развёртывание индустрии.

II

КУРС НА ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЮ

Вот в чём суть и основной смысл того лозунга, того курса на индустриализацию страны, который был провозглашён XIV партсъездом и который проводится ныне в жизнь. Из этого основного лозунга исходил в своей работе в апреле этого года пленум Центрального Комитета. Стало быть, очередная и основная задача состоит теперь в том, чтобы ускорить темп развития нашей промышленности, двинуть вперёд во-всю

нашу индустрию, используя имеющиеся ресурсы, и ускорить тем самым развитие хозяйства в целом.

Эта задача принимает особенно острый характер именно теперь, в данный момент, между прочим потому, что у нас, в силу известного развития хозяйства, сложилось некоторое несоответствие между спросом на изделия промышленности в городе и деревне и предложением этих изделий со стороны промышленности, что спрос на продукты промышленности растёт быстрее, чем сама промышленность, что имеющийся у нас товарный голод со всеми вытекающими из него последствиями является выражением и результатом этого несоответствия. Едва ли нужно доказывать, что быстрое развитие нашей индустрии является наиболее верным средством для ликвидации этого несоответствия и изживания товарного голода.

Некоторые товарищи думают, что индустриализация представляет вообще развитие всякой промышленности. Есть даже такие чудаки, которые полагают, что еще Иван Грозный, который когда-то создавал некоторый зародыш промышленности, был индустриалистом. Если итти по этому пути, тогда Петра Великого надо назвать первым индустриалистом. Это, конечно, неверно. Не всякое развитие промышленности представляет собой индустриализацию. Центр индустриализации, основа её состоит в развитии тяжёлой промышленности (топливо, металл и т. п.), в развитии, в конце концов, производства средств производства, в развитии своего собственного машиностроения. Индустриализация имеет своей задачей не только то, чтобы вести наше народное хозяйство в целом к увеличению в нём доли промышленности, но она имеет ещё ту задачу, чтобы в этом развитии

обеспечить за нашей страной, окружённой капиталистическими государствами, хозяйственную самостоятельность, уберечь её от превращения в придаток мирового капитализма. Не может страна диктатуры пролетариата, находящаяся в капиталистическом окружении, остаться хозяйственно самостоятельной, если она сама не производит у себя дòма орудий и средств производства, если она застревает на той ступени развития, где ей приходится держать народное хозяйство на привязи у капиталистически развитых стран, производящих и вывозящих орудия и средства производства. Застрять на этой ступени — значит отдать себя на подчинение мировому капиталу.

Возьмите Индию. Всем известно, что Индия есть колония. Есть ли в Индии промышленность? Безусловно, есть. Развивается ли она? Да, развивается. Но там развивается такая промышленность, которая не производит орудий и средств производства. Там орудия производства ввозятся из Англии. Поэтому (хотя, конечно, не только поэтому) там промышленность целиком подчинена английской индустрии. Это особый метод империализма — развивать в колониях промышленность таким образом, чтобы она находилась на привязи у метрополии, у империализма.

Но из этого следует, что индустриализация нашей страны не может исчерпываться развитием всякой промышленности, развитием, скажем, лёгкой промышленности, хотя лёгкая промышленность и её развитие нам абсолютно необходимы. Из этого следует, что индустриализация должна пониматься прежде всего как развитие у нас тяжёлой промышленности и, особенно, как развитие нашего собственного машиностроения,

этого основного нерва индустрии вообще. Без этого нечего и говорить об обеспечении экономической самостоятельности нашей страны.

III

ВОПРОСЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО НАКОПЛЕНИЯ

Но, товарищи, для того, чтобы индустриализацию двинуть вперёд, необходимо обновить старое оборудование наших заводов и построить новые заводы. Тот период развития нашей промышленности, который мы переживаем сейчас, характеризуется тем, что мы уже загрузили старые заводы и фабрики, оставленные нам капиталистами царского периода, загрузили целиком, и теперь для того, чтобы двигаться дальше, надо технику улучшить, надо переоборудовать старые заводы, построить новые. Без этого невозможно теперь двигаться вперёд.

Но для того, чтобы обновить нашу промышленность на основе новой техники, для этого требуются, товарищи, большие и очень большие капиталы. А капиталов у нас мало, как это всем вам известно. В этом году нам удастся вложить в основное дело капитальных затрат на промышленность миллионов восемьсот с лишним. Этого, конечно, мало. Но это всё-таки кое-что. Это первое наше серьёзное вложение в нашу промышленность. Я говорю, что этого мало, потому что наша промышленность могла бы с удобством поглотить в несколько раз больше этой суммы. Нам нужно двигать вперёд нашу промышленность. Нам нужно расширять нашу индустрию возможно быстрым темпом, увеличивать количество

рабочих вдвое, втрое. Нам нужно превратить нашу страну из страны аграрной в страну индустриальную, и чем скорее — тем лучше. Но для всего этого требуются большие капиталы.

Поэтому вопрос о накоплении для развития промышленности, вопрос о социалистическом накоплении приобретает теперь для нас первостепенное значение.

Можем ли мы, в состоянии ли мы, будучи предоставлены себе самим, без займов извне, на основе внутренних сил нашей страны обеспечить для нашей индустрии такое накопление и такие резервы, которые необходимы для проведения курса на индустриализацию, для победы социалистического строительства в нашей стране?

Это вопрос серьёзный, на который следует обратить особое внимание.

История знает различные способы индустриализации.

Англия индустриализировалась благодаря тому, что она грабила десятки и сотни лет колонии, собирала там «добавочные» капиталы, вкладывала их в свою промышленность и ускоряла темп своей индустриализации. Это один способ индустриализации.

Германия ускорила свою индустриализацию в результате победоносной войны с Францией в 70-х годах прошлого столетия, когда она, взяв пять миллиардов франков контрибуции у французов, влила их в свою промышленность. Это второй способ индустриализации.

Оба эти способа для нас закрыты, ибо мы — страна Советов, ибо колониальные грабежи и военные захваты в целях грабежа несовместимы с природой Советской власти.

Россия, старая Россия, сдавала кабальные концессии и получала кабальные займы, стараясь таким образом

выбраться постепенно на путь индустриализации. Это есть третий способ. Но это — путь кабалы или полукабалы, путь превращения России в полуколонию. Этот путь тоже закрыт для нас, ибо не для того мы вели трёхлетнюю гражданскую войну, отражая всех и всяких интервенционистов, чтобы потом, после победы над интервенционистами, добровольно пойти в кабалу к империалистам.

Остаётся четвёртый путь индустриализации, путь собственных сбережений для дела промышленности, путь социалистического накопления, на который неоднократно указывал тов. Ленин, как на единственный путь индустриализации нашей страны.

Итак, возможна ли индустриализация нашей страны на основе социалистического накопления?

Есть ли у нас источники такого накопления, достаточные для того, чтобы обеспечить индустриализацию?

Да, возможна. Да, есть у нас такие источники.

Я мог бы сослаться на такой факт, как экспроприация помещиков и капиталистов в нашей стране в результате Октябрьской революции, уничтожение частной собственности на землю, фабрики, заводы и т. д. и передача их в общенародную собственность. Едва ли нужно доказывать, что этот факт представляет довольно солидный источник накопления.

Я мог бы сослаться, далее, на такой факт, как аннулирование царских долгов, снявшее с плеч нашего народного хозяйства миллиарды рублей долгов. Не следует забывать, что при оставлении этих долгов нам пришлось бы платить ежегодно несколько сот миллионов одних лишь процентов, в ущерб промышленности, в

ущерб всему нашему народному хозяйству. Нечего и говорить, что это обстоятельство внесло большое облегчение в дело нашего накопления.

Я мог бы указать на нашу национализированную промышленность, которая восстановилась, которая развивается и которая даёт некоторые прибыли, необходимые для дальнейшего развития промышленности. Это тоже источник накопления.

Я мог бы указать на нашу национализированную внешнюю торговлю, дающую некоторую прибыль и представляющую, стало быть, некий источник накопления.

Можно было бы сослаться на нашу более или менее организованную государственную внутреннюю торговлю, тоже дающую известную прибыль и представляющую, таким образом, некий источник накопления.

Можно было бы указать на такой рычаг накопления, как наша национализированная банковская система, дающая известную прибыль и питающая по мере сил нашу промышленность.

Наконец, мы имеем такое оружие, как государственная власть, которая распоряжается государственным бюджетом и которая собирает малую толику денег для дальнейшего развития народного хозяйства вообще, нашей индустрии в особенности.

Таковы в основном главные источники нашего внутреннего накопления.

Они интересны в том отношении, что дают нам возможность создавать те необходимые резервы, без которых невозможна индустриализация нашей страны.

Но возможность не есть еще реальность, товарищи. При неумелом ведении дела между возможностью

накопления и действительным накоплением может получиться довольно значительное расстояние. Поэтому мы не можем успокаиваться на одних лишь возможностях. Мы должны возможность социалистического накопления превратить в действительное накопление, если мы в самом деле думаем создать необходимые резервы для нашей индустрии.

Отсюда вопрос: как нужно вести дело накопления, чтобы из этого получился толк для промышленности, на какие узлы хозяйственной жизни следует нам прежде всего нажимать, чтобы возможность накопления превратить в действительное социалистическое накопление?

Существует ряд каналов накопления, из которых следовало бы отметить, по крайней мере, главные.

Во-первых. Необходимо, чтобы излишки накопления в стране не распылялись, а собирались в наших кредитных учреждениях, кооперативных и государственных, а также в порядке внутренних займов, на предмет их использования для нужд прежде всего промышленности. Понятно, что вкладчики должны получать за это известный процент. Нельзя сказать, чтобы в этой области дело обстояло у нас сколько-нибудь удовлетворительно. Но задача улучшения нашей кредитной сети, задача поднятия авторитета кредитных учреждений в глазах населения, задача организации дела внутренних займов несомненно стоит перед нами, как очередная задача, и мы её должны разрешить во что бы то ни стало.

Во-вторых. Необходимо тщательно закрывать все те дорожки и щели, по которым утекает часть излишков накопления в стране в карманы частного капитала в ущерб социалистическому накоплению. Для этого

необходимо вести такую политику цен, которая бы не создавала провала между ценами оптовыми и ценами розничными. Нужно принять все меры к снижению розничных цен на продукты промышленности и на продукты сельского хозяйства для того, чтобы приостановить или, по крайней мере, довести до минимума утечку излишков накопления в карманы частника. Это один из важнейших вопросов нашей хозяйственной политики. Отсюда идёт одна из серьёзных опасностей как для дела нашего накопления, так и для червонца.

В-третьих. Необходимо, чтобы внутри самой промышленности, в каждой её отрасли откладывались известные запасы на предмет амортизации предприятий, на предмет их расширения, на предмет их дальнейшего развития. Это дело необходимое, абсолютно нужное, его надо двинуть вперёд во что бы то ни стало.

В-четвёртых. Нужно, чтобы в руках государства скапливались известные резервы, необходимые для страховки страны от всякого рода случайностей (недород), для питания промышленности, для поддержания сельского хозяйства, для развития культуры и т. д. Жить и работать теперь без резервов нельзя. Даже крестьянин с его маленьким хозяйством не может теперь обходиться без известных запасов. Тем более не может обойтись без резервов государство великой страны.

Нам нужно прежде всего иметь резерв по внешней торговле. Нам нужно построить наш вывоз и ввоз таким образом, чтобы в руках государства оставался известный резерв, известный актив по внешней торговле. Это совершенно необходимо не только как страховка от неожиданностей на внешних рынках, но и как средство для поддержания нашего червонца, который устойчив

пока что, но который может колебнуться, если мы не добьёмся активного баланса по внешней торговле. Усиление нашего экспорта, приспособление нашего импорта к экспортным возможностям,— такова задача.

Мы не можем сказать, как это говорили в старое время: «Сами недоедим, а вывозить будем». Мы не можем этого сказать, так как рабочие и крестьяне хотят кормиться по-человечески, и мы их целиком поддерживаем в этом. Но мы могли бы всё же без ущерба для народного потребления принять все меры к тому, чтобы экспорт наш увеличился и чтобы в руках государства оставался известный валютный резерв. Если мы в 1923 году сумели перейти от совзнака к твёрдой валюте, то это, между прочим, потому, что мы имели тогда, в результате активного баланса нашей внешней торговли, известный валютный запас. Если мы хотим поддержать наш червонец, то мы должны и впредь поставить дело внешней торговли так, чтобы у нас оставался в руках валютный резерв, как одна из баз для нашего червонца.

Нам нужно, далее, иметь некоторые резервы по линии внутренней торговли. Я имею в виду, главным образом, создание хлебных резервов в руках государства для вмешательства в дела хлебного рынка на предмет борьбы с кулачеством и с прочими хлебными спекулянтами, непомерно вздувающими цены на сельскохозяйственные продукты. Это необходимо хотя бы для того, чтобы предупредить опасность искусственного вздорожания жизни в промышленных центрах и срыва заработной платы рабочих.

Нам нужна, наконец, такая налоговая политика, которая, перекладывая налоговое бремя на плечи имущих слоёв, создавала бы вместе с тем известный резерв

в руках государства по линии государственного бюджета. Ход исполнения нашего 4-х миллиардного государственного бюджета показывает, что мы можем получить превышение доходов над расходами миллионов на сто или больше. Кое-кому из товарищей эта цифра кажется колоссальной. Но у этих товарищей зрение, видимо, слабое, иначе бы они заметили, что стомиллионный резерв для такой страны, как наша, является каплей в море. Некоторые думают, что нам вообще не нужно этого резерва. Ну, а как быть, если у нас случится в этом году недород или какое-либо другое бедствие? На чьи средства будем оборачиваться? Нам ведь даром помощи не дают и не дадут. Стало быть, надо иметь свой собственный запасец. А если неожиданностей не случится в этом году, то мы отдадим этот резерв на дело народного хозяйства и, прежде всего, на дело промышленности. Не беспокойтесь,— эти резервы не пропадут.

Таковы, в общем, товарищи, те узловые пункты нашей хозяйственной жизни, на которые прежде всего следует нажимать для того, чтобы возможность внутреннего накопления в нашей стране для дела её индустриализации превратить в действительное социалистическое накопление.

IV

ПРАВИЛЬНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НАКОПЛЕНИЯ. РЕЖИМ ЭКОНОМИИ

Но дело не исчерпывается и не может исчерпываться одним лишь накоплением. Надо ещё уметь расходовать накопляемые резервы разумно, расчётливо, так, чтобы ни одна копейка народного добра не пропадала даром,

чтобы использование накопления шло по основной линии удовлетворения важнейших запросов индустриализации нашей страны. Без этих условий мы рискуем нарваться на расхищение накопленных средств, на распыление их по каналам всякого рода мелких и крупных расходов, не имеющих ничего общего ни с развитием индустрии, ни с продвижением вперёд народного хозяйства в целом. Уметь расходовать средства разумно, расчётливо,— это важнейшее искусство, которое не даётся сразу. Нельзя сказать, чтобы мы, наши советские и кооперативные органы, отличались в этом отношении большим умением. Наоборот, все данные говорят о том, что дела у нас обстоят в этом отношении далеко не благополучно. Это тяжело признать, товарищи, но это факт, который не покроешь никакими резолюциями. Бывают случаи, когда наши управляющие органы попадают в положение того крестьянина, который накопил малую толику денег и вместо того, чтобы починить на эти деньги плуг и обновить своё хозяйство, купил большущий граммофон и... прогорел. Я уже не говорю о фактах прямого расхищения накопленных резервов, о фактах прожорливости целого ряда органов нашего государственного аппарата, о фактах воровства и т. д.

Необходимо поэтому принять ряд таких мер, которые способны уберечь наше накопление от распыления, от расхищения, от растаскивания его по ненужным каналам, от отклонения его от основной линии строительства нашей индустрии.

Необходимо, во-первых, чтобы наши промышленные планы строились не в порядке бюрократических измышлений, а в тесной связи с состоянием нашего народного

хозяйства, с учётом ресурсов, резервов нашей страны. Нельзя отставать в планировании промышленного строительства от развития промышленности. Но нельзя также забегать вперёд, отрываясь от сельского хозяйства и отвлекаясь от темпа накопления в нашей стране.

Запросы нашего внутреннего рынка и размеры наших ресурсов — вот база развёртывания нашей промышленности. Наша индустрия базируется на внутреннем рынке. В этом отношении хозяйственное развитие нашей страны напоминает развитие Северо-Американских Соединённых Штатов, индустрия которых выросла на базе внутреннего рынка, в отличие от Англии, базирующей свою индустрию прежде всего на внешних рынках. В Англии имеется ряд отраслей промышленности, работающих процентов на 40—50 на внешние рынки. Америка, наоборот, всё еще базируется на своём внутреннем рынке, вывозя на внешние рынки не более 10—12% своего производства. Индустрия нашей страны в ещё большей степени, чем индустрия Америки, будет опираться на внутренний рынок, прежде всего на крестьянский рынок. В этом основа смычки индустрии с крестьянским хозяйством.

То же самое надо сказать о темпе нашего накопления, о резервах, имеющихся в нашем распоряжении для развития нашей промышленности. У нас любят иногда строить фантастические промышленные планы, не считаясь с нашими ресурсами. Люди забывают иногда, что нельзя строить ни промышленных планов, ни тех или иных «широких» и «всеобъемлющих» предприятий без известного минимума средств, без известного минимума резервов. Забывают об этом и забегают вперёд. А что значит забегать вперёд в деле промышленного

планирования? Это значит строить не по средствам. Это значит раскричать о широких планах, привлечь в производство новые тысячи и десятки тысяч рабочих, поднять шумиху, а потом, когда обнаружится недостаток в средствах, распустить рабочих, рассчитать их, терпя на этом колоссальные убытки, внося в дело строительства разочарование и создавая политический скандал. Нужно ли нам это? Нет, товарищи, этого нам не нужно. Нам не нужно ни отставать от хода развития индустрии, ни забегать вперёд. Нам нужно итти в уровень с развитием, нам нужно двигать вперёд индустрию, не отрывая её от её базы.

Наша промышленность является руководящим началом во всей системе народного хозяйства, она тянет, она ведёт вперёд наше народное хозяйство, включая сюда и сельское хозяйство. Она реорганизует всё наше народное хозяйство по своему образу и подобию, она ведёт за собой сельское хозяйство, вовлекая крестьянство через кооперацию в русло социалистического строительства. Но наша промышленность может выполнить с честью эту руководящую и преобразующую роль лишь в том случае, если она не оторвётся от сельского хозяйства, если она не отвлечётся от темпа нашего накопления, от ресурсов и резервов, имеющихся в нашем распоряжении. Командный состав в армии, отрывающийся от своей армии и теряющий с нею связь, не есть командный состав. Равным образом индустрия, отрывающаяся от народного хозяйства в целом и теряющая с ним связи, не может быть руководящим началом народного хозяйства.

Вот почему правильное и разумное промышленное планирование является одним из необходимых условий целесообразного использования накопления.

Необходимо, во-вторых, сократить и упростить, удешевить и оздоровить наш государственный и кооперативный аппарат, наши наркоматские и хозрасчётные учреждения снизу доверху. Раздутые штаты и беспримерная прожорливость наших управляющих органов стали притчей во языцех. Недаром Ленин твердил десятки и сотни раз, что рабочие и крестьяне не выдержат громоздкости и дороговизны нашего государственного аппарата, что нужно его сократить и удешевить во что бы то ни стало, всеми путями, всеми средствами. Надо, наконец, взяться за это дело по-настоящему, по-большевистски, и навести строжайший режим экономии. (Аплодисменты.) Надо, наконец, взяться за это дело, если мы не хотим допустить и впредь распыления нашего накопления во вред промышленности.

Вот вам живой пример. Говорят, что экспорт нашего хлеба невыгоден, нерентабелен. А почему он невыгоден? Потому, что на заготовку хлеба заготовительный аппарат тратит больше, чем следует. Установлено всеми нашими планирующими органами, что на заготовку одного пуда хлеба достаточно 8 копеек. А на деле получилось, что вместо 8 копеек истратили 13 копеек на пуд, на 5 копеек больше. А как это могло случиться? Да случилось это так, что каждый более или менее самостоятельный работник по заготовке, коммунист или беспартийный,— это всё равно,— раньше, чем приняться за заготовку хлеба, находит нужным раздуть штат своих работников, обзаводится армией стенографисток и машинисток, обзаводится обязательно автомобилем, нагромождает кучу непроизводительных расходов, и потом, после подсчёта, оказывается, что экспорт у нас нерентабелен.

Если считать, что мы заготовляем сотни миллионов пудов хлеба, а на каждом пуде переплачиваем пять копеек, то получатся десятки миллионов рублей впустую истраченных денег. Вот куда идут и будут ещё итти накапливаемые нами средства, если мы не примем строжайших мер против прожорливости нашего государственного аппарата.

Я привёл тут один лишь единственный пример. Но кому не известно, что таких примеров у нас сотни и тысячи?

Пленум Центрального Комитета нашей партии решил упростить и удешевить наш заготовительный аппарат. Соответствующую резолюцию пленума[52] вы, должно быть, уже читали,— она опубликована в печати. Эту резолюцию мы будем проводить со всей строгостью. Но этого, товарищи, мало. Это только один уголок неустройства и недочётов нашего государственного аппарата. Мы должны пойти дальше и принять меры к тому, чтобы был сокращён и удешевлён весь государственный аппарат в целом, наркоматский и хозрасчётный, весь кооперативный аппарат и вся товаропроводящая сеть снизу доверху.

Нам необходимо, в-третьих, повести решительную борьбу со всякого рода излишествами в наших управляющих органах и в нашем быту, с тем преступным обращением с народным добром и с государственными резервами, которое наблюдается у нас за последнее время. У нас царит теперь разгул, вакханалия всякого рода празднеств, торжественных собраний, юбилеев, открытий памятников и т. д. Десятки и сотни тысяч рублей ухлопываются на эти «дела». Юбиляров всякого рода и охотников до торжеств у нас такая уйма, готовность

праздновать шестимесячный, годовой, двухлетний и т. д. юбилеи такая сногсшибательная, что нужны поистине десятки миллионов рублей денег, чтобы удовлетворить спрос. Товарищи, надо положить конец этой недостойной коммунистов распущенности. Надо, наконец, понять, что, имея за спиной нужды нашей промышленности, имея перед лицом такие факты, как массу безработных и беспризорных, — мы не можем и не имеем права допускать этот разгул и эту вакханалию расточительности.

Знаменательнее всего то, что у беспартийных замечается иногда более бережное отношение к средствам нашего государства, чем у партийных. Коммунист действует в таких случаях смелее и решительнее. Ему ничего не стоит раздать ряду служащих пособие, назвав его тантьемой, хотя тут тантьемой и не пахнет. Ему ничего не стоит перешагнуть через закон, обойти его, нарушить его. Беспартийный тут осторожнее и сдержаннее. Объясняется это, пожалуй, тем, что коммунист иногда считает законы, государство и т. п. вещи делом семейным. (С м е х.) Именно поэтому иному коммунисту не стоит иногда большого труда перешагнуть, наподобие свиньи (извиняюсь, товарищи, за выражение), в огород государства и хапануть там или показать свою щедрость за счёт государства. (С м е х.) Надо положить конец, товарищи, этому безобразию. Надо открыть решительную борьбу против разгула и расточительности наших управляющих органов и в нашем быту, если мы хотим действительно приберечь наше накопление для нужд нашей промышленности.

Нам необходимо, в-четвёртых, вести систематическую борьбу с воровством, с так называемым

«весёлым» воровством в органах нашего государства, в кооперации, в профсоюзах и т. д. Есть воровство стыдливое, скрытое, и есть воровство смелое, «весёлое», как говорят об этом в печати. Недавно я читал в «Комсомольской Правде» заметку Окунева о «весёлом» воровстве. Был, оказывается, этакий фертик, молодой человек с усиками, который весело воровал в одном из наших учреждений, воровал он систематически, не покладая рук, и воровал всегда удачно. Заслуживает тут внимания не столько сам вор, сколько тот факт, что окружающая публика, зная о воре, не только не боролась с ним, а, наоборот, непрочь была хлопать его по плечу и хвалить его за ловкость, ввиду чего вор стал в глазах публики своего рода героем. Вот что заслуживает внимания и вот что опаснее всего, товарищи. Когда ловят шпиона или изменника, негодование публики не знает границ, она требует расстрела. А когда вор орудует на глазах у всех, расхищая государственное добро, окружающая публика ограничивается добродушными смешками и похлопыванием по плечу. Между тем ясно, что вор, расхищающий народное добро и подкапывающийся под интересы народного хозяйства, есть тот же шпион и предатель, если не хуже. Голубчика этого, фертика с усиками, конечно, арестовали в конце концов. Но что значит арест одного «весёлого» вора? Таких воров у нас сотни и тысячи. Всех не изведёшь с помощью ГПУ. Тут нужна другая мера, более действительная и более серьёзная. Эта мера состоит в том, чтобы создать вокруг таких воришек атмосферу общего морального бойкота и ненависти окружающей публики. Эта мера состоит в том, чтобы поднять такую кампанию и создать такую моральную атмосферу среди рабочих и

крестьян, которая исключала бы возможность воровства, которая делала бы невозможными жизнь и существование воров и расхитителей народного добра, «весёлых» и «невесёлых». Борьба с воровством, как одно из средств охраны нашего накопления от расхищения, — такова задача.

Нам нужно, наконец, повести кампанию за уничтожение прогулов на заводах и фабриках, за поднятие производительности труда, за укрепление трудовой дисциплины на наших предприятиях. Десятки и сотни тысяч рабочих дней теряются для промышленности ввиду прогулов. Сотни тысяч и миллионы рублей пропадают ввиду этого в ущерб нашей промышленности, в ущерб индустрии. Мы не можем двинуть вперёд нашу индустрию, мы не можем поднять заработную плату, если не прекратятся прогулы, если производительность труда застрянет на одной точке. Надо разъяснять рабочим, особенно тем из них, которые недавно поступили на фабрики и заводы, надо разъяснять, что, допуская прогулы и не двигая вперёд производительности труда, они действуют во вред общему делу, во вред всему рабочему классу, во вред нашей промышленности. Борьба с прогулами, борьба за поднятие производительности труда в интересах нашей промышленности, в интересах всего рабочего класса в целом, — такова задача.

Таковы пути и средства, необходимые для того, чтобы уберечь наше накопление и наши резервы от распыления, от расхищения, чтобы направить это накопление и эти резервы на нужды индустриализации нашей страны.

V

НАДО СОЗДАТЬ КАДРЫ СТРОИТЕЛЕЙ ИНДУСТРИИ

Я говорил о курсе на индустриализацию. Говорил о путях накопления резервов для развития индустриализации. Говорил, наконец, о средствах рационального использования накопления для нужд индустрии. Но всего этого еще недостаточно, товарищи. Для того, чтобы провести директиву партии об индустриализации нашей страны, необходимо, кроме всего прочего, создать кадры новых людей, кадры новых строителей индустрии.

Никакая задача, а особенно такая большая задача, как индустриализация нашей страны, не может быть проведена без живых людей, без новых людей, без кадров новых строителей. Раньше, в период гражданской войны, нам особенно нужны были командные кадры по строительству армии и ведению войны, комполки и комбриги, начдивы и комкоры. Без этих новых командных кадров, вышедших из низов и поднявшихся вверх благодаря своим способностям, мы не смогли бы построить армии, мы не смогли бы победить наших многочисленных врагов. Это они, новые командные кадры, спасли тогда нашу армию и нашу страну,— конечно, при общей поддержке рабочих и крестьян. Но теперь у нас период строительства индустрии. Теперь мы перешли от фронтов гражданской войны к фронту индустрии. Сообразно с этим нам нужны теперь новые командные кадры по индустрии, хорошие директора фабрик и заводов, хорошие трестовики, дельные торговцы, разумные планировщики по строительству

промышленности. Теперь нам нужно выковать новых комполков и комбригов, начдивов и комкоров по хозяйству, по промышленности. Без таких людей нам нельзя двигаться вперёд ни на шаг.

Поэтому задача состоит в том, чтобы создать многочисленные кадры строителей индустрии из рядов рабочих и советской интеллигенции, той самой советской интеллигенции, которая связала свою судьбу с судьбой рабочего класса и которая строит вместе с нами социалистический фундамент нашего хозяйства.

Задача состоит в том, чтобы создать такие кадры и выдвинуть их на первый план, оказывая им всемерную поддержку.

У нас повелось в последнее время хлестать хозяйственников, как разложившихся, причём часто единичные явления отрицательного характера склонны распространить на все кадры хозяйственников. Всяк, кому не лень, находит нередко нужным лягнуть хозяйственников, обвиняя их во всех смертных грехах. От этой скверной привычки надо отказаться, товарищи, раз и навсегда. Нужно понять, что семья без урода не бывает. Нужно понять, что задача индустриализации нашей страны и выдвижения новых кадров строителей промышленности требует не бичевания хозяйственников, а наоборот,— всемерной их поддержки в деле строительства нашей промышленности. Окружить хозяйственников атмосферой доверия и поддержки, помочь им в деле формирования новых людей, строителей индустрии, сделать пост строителя индустрии почётным постом социалистического строительства,— вот в каком направлении должны теперь работать наши партийные организации.

VI

НАДО ПОДНЯТЬ АКТИВНОСТЬ РАБОЧЕГО КЛАССА

Таковы ближайшие задачи, стоящие перед нами в связи с курсом на индустриализацию нашей страны.

Можно ли осуществить эти задачи без прямой помощи, без прямой поддержки рабочего класса? Нет, нельзя. Двинуть вперёд нашу промышленность, поднять её производительность, создать новые кадры строителей индустрии, вести правильно социалистическое накопление, использовать разумно накопление на нужды промышленности, установить строжайший режим экономии, подтянуть государственный аппарат, сделать его дешёвым и честным, очищать его от скверны и грязи, которые пристали к нему в период нашего строительства, вести систематическую борьбу с расхитителями и расточителями государственного добра, — всё это такие задачи, которые не способна осилить никакая партия без прямой и систематической поддержки миллионных масс рабочего класса. Поэтому задача состоит в том, чтобы втянуть миллионные массы беспартийных рабочих во всю нашу строительную работу. Нужно, чтобы каждый рабочий, каждый честный крестьянин помогал партии и правительству проводить в жизнь режим экономии, бороться с расхищением и распылением государственных резервов, изгонять вон воров и мошенников, какой бы маской они ни прикрывались, оздоровлять и удешевлять наш государственный аппарат. В этом отношении производственные совещания могли бы оказать неоценимую услугу. Одно время производственные совещания были у нас в большом ходу. Теперь

что-то не слышно о них. Это большая ошибка, товарищи. Нужно оживить производственные совещания во что бы то ни стало. Нужно ставить перед производственными совещаниями не только мелкие вопросы, скажем, по санитарии. Программу производственных совещаний нужно сделать шире и богаче содержанием. На производственных совещаниях надо ставить основные вопросы строительства промышленности. Только таким путём можно будет поднять активность миллионных масс рабочего класса и сделать их сознательными участниками строительства промышленности.

VII

НАДО УКРЕПЛЯТЬ СОЮЗ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН

Но говоря о поднятии активности рабочего класса, нельзя забывать и о крестьянстве. Ленин учил нас, что союз рабочего класса и крестьянства есть основной принцип диктатуры пролетариата. Этого мы не должны забывать. Развитие промышленности, социалистическое накопление, режим экономии,— всё это такие задачи, без разрешения которых мы не можем одолеть частный капитал и ликвидировать трудности нашей хозяйственной жизни. Но ни одна из этих задач не может быть разрешена без наличия Советской власти, без диктатуры пролетариата. А диктатура пролетариата опирается на союз рабочего класса и крестьянства. Поэтому все наши задачи могут повиснуть в воздухе, если мы подорвём или ослабим союз рабочего класса и крестьянства.

У нас имеются в партии люди, рассматривающие трудящиеся массы крестьянства как чужеродное тело, как объект эксплуатации для промышленности, как нечто вроде колонии для нашей индустрии. Эти люди — опасные люди, товарищи. Крестьянство не может быть для рабочего класса ни объектом эксплуатации, ни колонией. Крестьянское хозяйство есть рынок для промышленности так же, как и промышленность является рынком для крестьянского хозяйства. Но крестьянство для нас не только рынок. Оно является ещё союзником рабочего класса. Именно поэтому поднятие крестьянского хозяйства, массовое кооперирование крестьянства, улучшение его материального положения является той предпосылкой, без которой не может быть обеспечено сколько-нибудь серьёзное развитие нашей промышленности. И наоборот, — развитие промышленности, производство сельскохозяйственных машин и тракторов, массовое снабжение крестьянства продуктами промышленности являются той предпосылкой, без которой не может быть двинуто вперёд сельское хозяйство. В этом одна из серьёзнейших основ союза рабочего класса и крестьянства. Мы не можем поэтому согласиться с теми товарищами, которые то и дело требуют усиления нажима на крестьянство в смысле чрезмерного увеличения налогов, в смысле повышения цен на промышленные изделия и т. д. Мы не можем с ними согласиться, так как они, сами того не замечая, подрывают союз рабочего класса и крестьянства, расшатывают диктатуру пролетариата. Ну, а мы хотим укрепить, а не подорвать союз рабочего класса и крестьянства.

Но мы защищаем не всякий союз рабочего класса и крестьянства. Мы стоим за такой союз, где руководящая

роль принадлежит рабочему классу. Почему? Потому, что без руководящей роли рабочего класса в системе союза рабочих и крестьян невозможна победа трудящихся и эксплуатируемых масс над помещиками и капиталистами. Я знаю, что некоторые товарищи не согласны с этим. Они говорят: союз — дело хорошее, но зачем ещё руководство рабочего класса? Эти товарищи глубоко ошибаются. Они ошибаются, так как не понимают, что только такой союз рабочих и крестьян может победить, которым руководит наиболее испытанный и наиболее революционный класс, класс рабочих.

Почему погибло восстание крестьян при Пугачёве или при Степане Разине? Почему тогда не сумели крестьяне добиться изгнания помещиков? Потому, что у них не было, да и не могло быть тогда такого революционного руководителя, как рабочий класс. Почему французская революция кончилась победой буржуазии и возвращением изгнанных ранее помещиков? Потому, что у французских крестьян не было тогда, да и не могло быть, такого революционного руководителя, как рабочий класс, — крестьянством руководили тогда буржуазные либералы. Наша страна является единственной страной в мире, где союз рабочих и крестьян одержал победу над помещиками и капиталистами. А чем это объяснить? Тем, что во главе революционного движения в нашей стране стоял и продолжает стоять испытанный в боях класс рабочих. Стòит только подорвать у нас идею руководства рабочего класса, чтобы от союза рабочих и крестьян не осталось камня на камне, а капиталисты и помещики вернулись бы обратно в свои старые гнёзда.

Вот почему мы должны сохранить и укреплять союз рабочего класса и крестьянства в нашей стране.

Вот почему мы должны сохранить и укреплять руководство рабочего класса в системе этого союза.

VIII

НАДО ПРОВОДИТЬ ВНУТРИПАРТИЙНУЮ ДЕМОКРАТИЮ

Я говорил о поднятии активности рабочего класса, о том, чтобы втянуть миллионные массы рабочего класса в дело строительства нашего хозяйства, в дело строительства индустрии. Но поднятие активности рабочего класса — дело серьёзное и большое. Для того, чтобы поднять активность рабочего класса, нужно прежде всего активизировать самую партию. Нужно, чтобы сама партия твёрдо и решительно стала на путь внутрипартийной демократии, чтобы наши организации втягивали в обсуждение вопросов нашего строительства широкие массы партии, творящие судьбу нашей партии. Без этого нечего и говорить об активизации рабочего класса.

Я особенно подчёркиваю это потому, что наша ленинградская организация пережила недавно такой период, когда некоторые руководители не хотели говорить о внутрипартийной демократии иначе, как с усмешкой. Я имею в виду тот период перед съездом партии, во время съезда и непосредственно после съезда, когда партийным коллективам в Ленинграде не давали собираться, когда некоторые организаторы коллективов, — простите меня за прямоту, — играли роль околоточного по отношению к коллективам, когда они запрещали коллективам

собираться. На этом и срезала себя так называемая «новая оппозиция» во главе с Зиновьевым.

Ежели членам нашего ЦК с помощью ленинградского актива удалось в две недели оттеснить и изолировать оппозицию, которая вела у вас борьбу с решениями XIV съезда, то это потому, что разъяснительная кампания о решениях съезда совпала с той тягой к демократизму, которая была, которая рвалась и которая прорвалась, наконец, в ленинградской организации. Я хотел бы, товарищи, чтобы вы учли этот недавний урок. Я хотел бы, чтобы вы, учтя этот урок, честно и решительно проводили внутрипартийную демократию, подымали активность партийных масс, втягивали их в обсуждение основных вопросов социалистического строительства и убеждали их в правильности тех решений, которые вынесены апрельским пленумом ЦК нашей партии. Я хотел бы, чтобы вы именно убеждали партийные массы, так как метод убеждения есть основной метод нашей работы в рядах рабочего класса.

IX

НАДО ОХРАНЯТЬ ЕДИНСТВО ПАРТИИ

Некоторые товарищи думают, что внутрипартийная демократия означает свободу фракционных группировок. Ну, уж на этот счёт извините, товарищи! Мы не так понимаем внутрипартийную демократию. Ничего общего между внутрипартийной демократией и свободой фракционных группировок нет и не может быть.

Что такое внутрипартийная демократия? Внутрипартийная демократия есть поднятие активности партийных масс и укрепление единства партии,

укрепление сознательной пролетарской дисциплины в партии.

Что такое свобода фракционных группировок? Свобода фракционных группировок есть разложение партийных рядов, расщепление партии на отдельные центры, ослабление партии, ослабление диктатуры пролетариата.

Что может быть тут общего между ними?

У нас имеются в партии люди, которые спят и видят, что открылась общепартийная дискуссия. У нас есть люди, которые не мыслят партию без дискуссий, которые претендуют на звание профессиональных дискуссантов. Подальше от нас этих профессиональных дискуссантов! Нам нужны теперь не надуманная дискуссия и не превращение нашей партии в дискуссионный клуб, а усиление нашей строительной работы вообще, усиление индустриального строительства в особенности, укрепление боевой и сплочённой, единой и нераздельной партии, твёрдо и уверенно руководящей нашей строительной работой. Тот, кто добивается нескончаемых дискуссий, тот, кто добивается свободы фракционных группировок, — тот подрывает единство партии, тот подкапывается под мощь нашей партии.

Чем были мы сильны в прошлом и чем мы сильны теперь? Правильной политикой и единством наших рядов. Правильная политика дана нам XIV съездом нашей партии. Теперь задача состоит в том, чтобы обеспечить единство наших рядов, единство нашей партии, готовой проводить решения партийного съезда, несмотря ни на что.

Таков в основном смысл решений пленума ЦК нашей партии.

X

ВЫВОДЫ

Позвольте теперь перейти к выводам.

Во-первых, мы должны двигать вперёд индустрию нашей страны, как основу социализма и как руководящую силу, ведущую вперёд народное хозяйство в целом.

Во-вторых, мы должны создать новые кадры строителей индустрии, как прямых и непосредственных проводников курса на индустриализацию.

В-третьих, мы должны ускорить темп нашего социалистического накопления и накоплять резервы для нужд нашей промышленности.

В-четвёртых, нужно поставить правильное использование накопляющихся резервов и установить строжайший режим экономии.

В-пятых, нужно поднять активность рабочего класса и вовлечь миллионные массы рабочих в дело строительства социализма.

В-шестых, нужно укреплять союз рабочего класса и крестьянства и руководство рабочего класса внутри этого союза.

В-седьмых, нужно подымать активность партийных масс и проводить внутрипартийную демократию.

В-восьмых, мы должны охранять и укреплять единство нашей партии, сплочённость наших рядов.

Сумеем ли мы выполнить эти задачи? Да, сумеем, если мы этого захотим. А мы этого хотим, это видят все. Да, сумеем, ибо мы — большевики, ибо мы не боимся трудностей, ибо трудности существуют для того, чтобы бороться с ними и преодолевать их. Да, сумеем, ибо политика наша правильна, и мы знаем, куда идём. И мы

пойдём вперёд твёрдо и уверенно по пути к цели, по пути к победе социалистического строительства.

Товарищи! Маленькой группой являлись мы в Ленинграде в феврале 1917 года, 9 лет назад. Старики-партийцы помнят, что мы, большевики, составляли тогда незначительное меньшинство Ленинградского Совета. Старики-большевики должны помнить, что над нами тогда издевались многочисленные враги большевизма. Но мы шли вперёд и брали позицию за позицией, ибо политика наша была правильна, и мы вели борьбу сплочёнными рядами. Потом эта маленькая сила разрослась в великую силу. Мы разбили буржуазию и свергли Керенского. Мы организовали власть Советов. Мы разбили Колчака и Деникина. Мы прогнали из нашей страны англо-французских и американских насильников. Мы преодолели хозяйственную разруху. Наконец, мы восстановили нашу промышленность и наше сельское хозяйство. Теперь перед нами встала новая задача — задача индустриализации нашей страны. Наиболее серьёзные трудности остались позади. Можно ли сомневаться, что мы справимся и с этой новой задачей индустриализации нашей страны? Конечно, нельзя сомневаться. Наоборот, у нас есть теперь все данные для того, чтобы преодолеть трудности и провести в жизнь новые задачи, поставленные перед нами XIV съездом нашей партии.

Вот почему я думаю, товарищи, что на новом фронте индустрии мы должны победить наверняка. (Бурные аплодисменты.)

«Ленинградская Правда»
№ 89, 18 апреля 1926 г.

ТОВ. КАГАНОВИЧУ И ДРУГИМ ЧЛЕНАМ ПБ ЦК КП(б)У[63]

Имел беседу с Шумским. Беседа была длительная, продолжалась часа два с лишним. Вы знаете, что он недоволен положением на Украине. Мотивы его недовольства можно свести к двум основным пунктам.

1. Он считает, что украинизация идёт туго, на украинизацию смотрят, как на повинность, которую выполняют нехотя, выполняют с большой оттяжкой. Он считает, что рост украинской культуры и украинской интеллигенции идёт быстрым темпом, что ежели мы не возьмём в руки этого движения, оно может пойти мимо нас. Он считает, что во главе этого движения должны стать такие люди, которые верят в дело украинской культуры, которые знают и хотят знать эту культуру, которые поддерживают и могут поддерживать нарастающее движение за украинскую культуру. Он особенно не доволен поведением партийной и профсоюзной верхушки на Украине, тормозящей, по его мнению, украинизацию. Он думает, что один из основных грехов партийно-профсоюзной верхушки состоит в том, что она не привлекает к руководству партийной и профсоюзной работой коммунистов, непосредственно

связанных с украинской культурой. Он думает, что украинизацию надо провести прежде всего в рядах партии и среди пролетариата.

2. Он думает, что для исправления этих недочётов необходимо прежде всего изменить состав партийной и советской верхушки под углом зрения украинизации, что только при этом условии можно будет создать перелом в кадрах наших работников на Украине в сторону украинизации. Он предлагает выдвинуть на пост Председателя Совнаркома Гринько, на пост Политсекретаря ЦК КП(б)У — Чубаря, улучшить состав Секретариата и Политбюро и т. д. Он думает, что без таких или подобных изменений ему, Шумскому, невозможно будет работать на Украине. Он говорит, что если ЦК настаивает, он готов вернуться на Украину даже при оставлении без изменений нынешних условий работы, но он убеждён, что из этого ничего не выйдет. Он особенно не доволен работой Кагановича. Он считает, что Кагановичу удалось поставить организационно-партийную работу, но он думает, что преобладание организационных методов в работе тов. Кагановича делает невозможной нормальную работу. Он уверяет, что результаты организационного нажима в работе тов. Кагановича, результаты метода оттирания высших советских учреждений и руководителей этих учреждений — скажутся в ближайшем будущем, причём он не ручается, что эти результаты не получат формы серьёзного конфликта.

Моё мнение на этот счёт.

1. В заявлениях Шумского по пункту первому есть некоторые верные мысли. Верно, что широкое движение за украинскую культуру и украинскую общественность началось и растёт на Украине. Верно, что отдавать это

движение в руки чуждых нам элементов нельзя ни в каком случае. Верно, что целый ряд коммунистов на Украине не понимает смысла и значения этого движения и потому не принимает мер для овладения им. Верно, что нужно произвести перелом в кадрах наших партийных и советских работников, всё еще проникнутых духом иронии и скептицизма в вопросе об украинской культуре и украинской общественности. Верно, что надо тщательно подбирать и создавать кадры людей, способных овладеть новым движением на Украине. Всё это верно. Но Шумский допускает при этом, по крайней мере, две серьёзных ошибки.

Во-первых. Он смешивает украинизацию наших партийного и иных аппаратов с украинизацией пролетариата. Можно и нужно украинизировать, соблюдая при этом известный темп, наши партийный, государственный и иные аппараты, обслуживающие население. Но нельзя украинизировать сверху пролетариат. Нельзя **заставить** русские рабочие массы отказаться от русского языка и русской культуры и признать своей культурой и своим языком украинский. Это противоречит принципу свободного развития национальностей. Это была бы не национальная свобода, а своеобразная форма национального гнёта. Несомненно, что состав украинского пролетариата будет меняться по мере промышленного развития Украины, по мере притока в промышленность из окрестных деревень украинских рабочих. Несомненно, что состав украинского пролетариата будет украинизироваться, так же как состав пролетариата, скажем, в Латвии и Венгрии, имевший одно время немецкий характер, стал потом латышизироваться и мадьяризироваться. Но это процесс длительный, стихийный,

естественный. Пытаться заменить этот стихийный процесс насильственной украинизацией пролетариата сверху — значит проводить утопическую и вредную политику, способную вызвать в неукраинских слоях пролетариата на Украине антиукраинский шовинизм. Мне кажется, что Шумский неправильно понимает украинизацию и не считается с этой последней опасностью.

Во-вторых. Совершенно правильно подчёркивая положительный характер нового движения на Украине за украинскую культуру и общественность, Шумский не видит, однако, теневых сторон этого движения. Шумский не видит, что при слабости коренных коммунистических кадров на Украине это движение, возглавляемое сплошь и рядом некоммунистической интеллигенцией, может принять местами характер борьбы за отчуждённость украинской культуры и украинской общественности от культуры и общественности общесоветской, характер борьбы против «Москвы» вообще, против русских вообще, против русской культуры и её высшего достижения — ленинизма. Я не буду доказывать, что такая опасность становится всё более и более реальной на Украине. Я хотел бы только сказать, что от таких дефектов не свободны даже некоторые украинские коммунисты. Я имею в виду такой, всем известный факт, как статью известного коммуниста Хвилевого в украинской печати. Требования Хвилевого о «немедленной дерусcификации пролетариата» на Украине, его мнение о том, что «от русской литературы, от её стиля украинская поэзия должна убегать как можно скорее», его заявление о том, что «идеи пролетариата нам известны и без московского искусства», его увлечение какой-то мессианской ролью украинской «молодой» интеллигенции,

его смешная и немарксистская попытка оторвать культуру от политики,— всё это и многое подобное в устах украинского коммуниста звучит теперь (не может не звучать!) более чем странно. В то время как западноевропейские пролетарии и их коммунистические партии полны симпатий к «Москве», к этой цитадели международного революционного движения и ленинизма, в то время как западноевропейские пролетарии с восхищением смотрят на знамя, развевающееся в Москве, украинский коммунист Хвилевой не имеет сказать в пользу «Москвы» ничего другого, кроме как призвать украинских деятелей бежать от «Москвы» «как можно скорее». И это называется интернационализмом! Что сказать о других украинских интеллигентах некоммунистического лагеря, если коммунисты начинают говорить, и не только говорить, но и писать в нашей советской печати языком Хвилевого? Шумский не понимает, что овладеть новым движением на Украине за украинскую культуру возможно лишь борясь с крайностями Хвилевого в рядах коммунистов. Шумский не понимает, что только в борьбе с такими крайностями можно превратить подымающуюся украинскую культуру и украинскую общественность в культуру и общественность **советскую**.

2. Прав Шумский, утверждая, что руководящая верхушка на Украине (партийная и иная) должна стать украинской. Но он ошибается в темпе. А это теперь главное. Он забывает, что чисто украинских марксистских кадров нехватает пока для этого дела. Он забывает, что такие кадры нельзя создавать искусственно. Он забывает, что такие кадры могут вырастать лишь в ходе работы, что для этого необходимо время... Что значит выдвинуть теперь Гринько на пост Председателя Совнаркома?

Как могут расценить это дело партия в целом и партийные кадры в особенности? Не поймут ли это так, что мы держим курс на снижение удельного веса Совнаркома? Ибо нельзя же скрыть от партии, что партийный и революционный стаж Гринько много ниже партийного и революционного стажа Чубаря. Можем ли мы теперь, в настоящую полосу оживления Советов и подъёма удельного веса советских органов, пойти на такой шаг?Не лучше ли будет, и в интересах дела, и в интересах Гринько, отказаться пока что от подобных планов? Я за то, чтобы состав Секретариата и Политбюро ЦК КП(б)У, а также советскую верхушку усилить украинскими элементами. Но нельзя же изображать дело так, что в руководящих органах партии и Советов не имеется будто бы украинцев. А Скрыпник и Затонский, Чубарь и Петровский, Гринько и Шумский, разве они не украинцы? Ошибка Шумского состоит тут в том, что, имея правильную перспективу, он не считается с темпом. А темп теперь главное.

С ком. приветом

И. Сталин

26. IV. 1926 г.

Печатается в полном виде впервые

ОБ АНГЛИЙСКОЙ ЗАБАСТОВКЕ И СОБЫТИЯХ В ПОЛЬШЕ

Доклад на собрании рабочих главных железнодорожных мастерских в Тифлисе 8 июня 1926 г.

Товарищи! Позвольте приступить к сообщению о делах в Англии в связи с забастовкой[54] и о последних событиях в Польше[55] — сообщению, которое председательствующему здесь т. Чхеидзе угодно было назвать докладом, но которое нельзя назвать иначе, как сообщением, ввиду его краткости.

ПОЧЕМУ ВОЗНИКЛА В АНГЛИИ ЗАБАСТОВКА?

Первый вопрос — это вопрос о причинах забастовки в Англии. Как могло случиться, что Англия, эта страна капиталистического могущества и беспримерных компромиссов, превратилась в последнее время в арену величайших социальных конфликтов? Как могло случиться, что «великая Англия», «владычица морей», превратилась в страну всеобщей забастовки?

Я хотел бы отметить ряд обстоятельств, определивших неизбежность общей забастовки в Англии. Еще не наступило время для того, чтобы дать исчерпывающий ответ на этот вопрос. Но отметить некоторые

решающие события, определившие необходимость забастовки, мы можем и должны. Из этих обстоятельств можно было бы отметить, как главные, четыре обстоятельства.

Во-первых. Раньше Англия занимала в ряду капиталистических государств монопольное положение. Обладая целым рядом грандиозных колоний и имея образцовую для того времени промышленность, она имела возможность изображать из себя «мировую фабрику» и извлекать громадные сверхприбыли. Это был период «мира и благоденствия» в Англии. Капитал извлекал сверхприбыль, крохи от сверхприбыли перепадали на долю верхушки английского рабочего движения, лидеры английского рабочего движения постепенно приручались капиталом, а конфликты между трудом и капиталом разрешались обычно в порядке компромиссов.

Но дальнейшее развитие мирового капитализма, особенно же развитие Германии, Америки и отчасти Японии, выступивших конкурентами Англии на международном рынке, подорвали в корне былое монопольное положение Англии. Война и послевоенный кризис нанесли ещё один решающий удар монопольному положению Англии. Сверхприбылей стало меньше, крохи, перепадавшие на долю рабочих лидеров Англии, стали иссякать. Всё чаще и чаще стали раздаваться голоса о снижении жизненного уровня рабочего класса в Англии. Полоса «мира и благоденствия» сменилась полосой конфликтов, локаутов и забастовок. Английский рабочий стал леветь, всё чаще и чаще прибегая к методу прямой борьбы с капиталом.

Нетрудно понять, что при таком положении вещей грубый окрик шахтовладельцев в Англии, выразившийся

в угрозе локаутом, не мог остаться без ответа со стороны углекопов.

Во-вторых. Второе обстоятельство состоит в восстановлении международных рыночных связей и обострении, в связи с этим, борьбы капиталистических групп за рынки. Послевоенный кризис характерен тем, что он порвал почти все связи международного рынка с капиталистическими государствами, заменив эти связи неким хаосом в отношениях. Теперь этот хаос, в связи с временной стабилизацией капитала, отходит на задний план, и старые связи международного рынка постепенно восстанавливаются. Если несколько лет тому назад речь шла о том, чтобы восстановить фабрики и заводы и вовлечь рабочих в работу на капитал, то теперь вопрос стоит о том, чтобы обеспечить рынки и сырьё для восстановленных фабрик и заводов. В связи с этим борьба за рынки обострилась с новой силой, причём в этой борьбе выигрывает та группа капиталистов и то капиталистическое государство, у которых товары дешевле и техника выше. А на рынке теперь выступают новые силы: Америка, Франция, Япония, Германия, доминионы Англии, колонии Англии, успевшие развить свою промышленность за время войны и борющиеся теперь за рынки. Естественно после всего этого, что лёгкое извлечение прибылей из заграничных рынков, к чему исстари прибегала Англия, теперь стало невозможным. Старый колониальный метод монопольного ограбления рынков и источников сырья должен был уступить место новому методу овладения рынком при помощи дешёвых товаров. Отсюда стремление английского капитала сократить производство и, во всяком случае, не расширять его огульно. Отсюда

многочисленная армия безработных в Англии, как постоянное явление последних лет. Отсюда угроза безработицы, нервирующая рабочих Англии и настраивающая их на боевой лад. Отсюда то молниеносное действие, которое оказала на рабочих вообще и на углекопов в особенности угроза локаута.

В-третьих. Третье обстоятельство состоит в стремлении английского капитала добиться снижения себестоимости продукции английской промышленности и удешевления товаров за счёт интересов рабочего класса Англии. Тот факт, что объектом основного удара послужили в данном случае углекопы, этот факт нельзя назвать случайностью. Английский капитал напал на углекопов не только потому, что угольная промышленность плохо оборудована в техническом отношении и нуждается в «рационализации», но, прежде всего, потому, что углекопы были всегда и остаются до сих пор передовым отрядом английского пролетариата. Обуздать этот передовой отряд, снизить заработную плату и увеличить рабочий день для того, чтобы, расправившись с этим основным отрядом, потом подтянуть и другие отряды рабочего класса,— вот какова была стратегия английского капитала. Отсюда тот героизм, с каким ведут свою забастовку английские углекопы. Отсюда та беспримерная готовность, которую проявили английские рабочие в деле поддержки углекопов путём всеобщей забастовки.

В-четвёртых. Четвёртое обстоятельство — это господство консервативной партии в Англии, партии, являющейся злейшим врагом рабочего класса. Нечего и говорить, что любое другое буржуазное правительство сделало бы в основном то же самое в деле подавления

рабочего класса, что и правительство консерваторов. Но несомненно также и то, что только такие заклятые враги рабочего класса, как консерваторы, могли пойти так легко и цинично на тот беспримерный вызов всему рабочему классу в Англии, на который пошли консерваторы, выдвинув угрозу локаута. Надо считать теперь совершенно доказанным, что английская консервативная партия не только хотела локаута и забастовки, но она готовилась к ним почти год. Она отложила нападение на углекопов в июле прошлого года, считая момент «неподходящим». Но она готовилась за весь этот период, собирая запасы угля, организуя штрейкбрехеров, соответственно обрабатывая общественное мнение для того, чтобы ударить по углекопам в апреле этого года. Только партия консерваторов могла пойти на такой вероломный шаг.

Партия консерваторов пролезла в правительство на основе фальшивых документов и провокаций. Она в первый же день после прихода к власти напала на Египет, использовав все средства провокации. Она вот уже год ведёт прямую войну с китайским народом, прибегая к испытанным средствам колониальных методов ограбления и угнетения. Она не щадит средств для того, чтобы сделать невозможным сближение народов Советского Союза с народами Великобритании, подготовляя исподволь элементы возможной интервенции. Теперь она нападает на рабочий класс своей собственной страны, подготовляя это нападение с усердием, достойным лучшего применения, в продолжение целого года. Партия консерваторов не может жить без конфликтов внутри и вне Англии. Можно ли после этого удивляться, что английские рабочие ответили на удар ударом?

Таковы в основном обстоятельства, определившие неизбежность забастовки в Англии.

ПОЧЕМУ ПРОВАЛИЛАСЬ ОБЩАЯ ЗАБАСТОВКА В АНГЛИИ?

Английская общая забастовка провалилась по целому ряду обстоятельств, из которых следовало бы отметить, по крайней мере, следующие:

Во-первых. Английские капиталисты и партия консерваторов, как это показал ход забастовки, оказались в общем опытнее, организованнее и решительнее и потому сильнее, чем английские рабочие и их руководители в лице Генерального совета и так называемой Рабочей партии. Руководители рабочего класса оказались не на высоте задач рабочего класса.

Во-вторых. Английские капиталисты и партия консерваторов встретили грандиозный социальный конфликт во всеоружии полной и несомненной подготовленности, тогда как лидеры английского рабочего движения были застигнуты врасплох локаутом со стороны шахтовладельцев, не вели или почти не вели никакой подготовительной работы. При этом следует отметить, что не далее, как за неделю до конфликта, лидеры рабочего класса выражали своё убеждение в том, что конфликта не будет.

В-третьих. Штаб капиталистов, партия консерваторов, вёл борьбу сплочённо и организованно, нанося удары по решающим пунктам борьбы, тогда как штаб рабочего движения, Генеральный совет профсоюзов, и его «политическая комиссия» — Рабочая партия — оказались внутренне деморализованными и разложенными. Как известно, главные люди этого штаба оказались

либо прямыми предателями углекопов и вообще рабочего класса Англии (Томас, Гендерсон, Макдональд и К°), либо бесхарактерными попутчиками этих предателей, боявшихся борьбы и ещё больше победы рабочего класса (Перселъ, Хикс и проч.).

Могут спросить: как могло случиться, что могучий пролетариат Англии, ведший борьбу с беспримерным героизмом, оказался при вождях либо продажных, либо трусливых, либо просто бесхарактерных. Это вопрос большой важности. Такие вожди возникли не сразу. Они вырастали из рабочего движения, они прошли известную школу воспитания рабочих лидеров в Англии, школу того периода, когда английский капитал, загребая сверхприбыли, мог обласкать и использовать рабочих лидеров для компромиссов с английским рабочим классом, причём, сближаясь с буржуазией по быту своему и положению, эти лидеры рабочего класса тем самым отрывались от рабочих масс, поворачивались к ним спиной, переставали их понимать. Это — такие лидеры рабочего класса, которых ослепил блеск капитализма, которых подавило могущество капитала и которые мечтают о том, чтобы «выйти в люди» и сомкнуться «с людьми с достатком». Несомненно, что эти, с позволения сказать, лидеры являются отзвуком прошлого, несоответствующим уже новой обстановке. Несомненно, что они со временем вынуждены будут уступить место новым лидерам, соответствующим боевому духу и героизму английского пролетариата. Энгельс был прав, именуя таких лидеров обуржуазившимися вождями рабочего класса[56].

В-четвёртых. Штаб английского капитализма, партия консерваторов, понимал, что грандиозная забастовка

английских рабочих есть факт громадной политической важности, что против такой забастовки можно вести серьёзную борьбу лишь средствами политического порядка, что для подавления забастовки необходимо привлечь к делу и авторитет короля, и авторитет палаты общин и конституции, что без мобилизации войск и объявления чрезвычайного положения забастовка не может быть ликвидирована. Тогда как штаб рабочего движения Англии, Генсовет, не понимал этой простой вещи или не хотел её понять, или боялся её признать, уверяя всех и каждого, что общая забастовка есть средство исключительно экономического порядка, что он не хочет и не намерен перевести борьбу на рельсы политической борьбы, что он не думает ударить по генеральному штабу английского капитала, по партии консерваторов, что вопрос о власти он — Генеральный совет — не намерен ставить в порядок дня.

Тем самым Генеральный совет обрёк забастовку на неминуемый провал. Ибо, как показывает история, общая забастовка, не переведённая на рельсы политической борьбы, неминуемо должна провалиться.

В-пятых. Штаб английских капиталистов понимал, что интернациональная помощь английской забастовке представляет для буржуазии смертельную опасность, тогда как Генеральный совет не понимал или делал вид, что не понимает, что только при международной пролетарской солидарности можно выиграть забастовку английских рабочих. Отсюда отказ Генсовета принять финансовую помощь рабочих Советского Союза [57] и других государств.

Такая грандиозная забастовка, как общая забастовка в Англии, могла дать ощутительные результаты, но

крайней мере, при двух основных условиях: при переводе забастовки на политические рельсы и при превращении забастовки в акт борьбы пролетариев всех передовых стран против капитала. Но английский Генсовет по особой, свойственной ему, «мудрости» отказался от обоих этих условий, предрешив тем самым провал общей забастовки.

В-шестых. Несомненно, что немаловажную роль сыграло больше чем двусмысленное поведение II Интернационала и Амстердамского объединения профсоюзов в деле помощи английской общей забастовке. По сути дела платонические решения этих организаций социал-демократов о помощи забастовке свелись к фактическому отказу от всякой финансовой помощи, ибо не чем иным, как двусмысленным поведением социал-демократического Интернационала, нельзя объяснить тот факт, что профсоюзы Европы и Америки оказали все вместе не больше восьмой части той финансовой помощи, которую профсоюзы Советского Союза нашли возможным оказать своим английским братьям. Я уже не говорю о помощи другого порядка, о помощи в виде прекращения подвоза угля, где Амстердамское объединение профсоюзов ведёт себя буквально по-штрейкбрехерски.

В-седьмых. Несомненно также, что немаловажную роль в деле провала общей забастовки сыграла слабость английской коммунистической партии. Следует сказать, что английская коммунистическая партия является одной из лучших секций Коммунистического Интернационала. Следует отметить, что её позиция за всё время забастовки в Англии была совершенно правильна. Но следует также признать, что её авторитет среди английских рабочих всё еще слаб. И это обстоятельство

не могло не сыграть роковой роли в ходе всеобщей забастовки.

Таковы обстоятельства, по крайней мере, главные из них, уяснение которых доступно в настоящее время нашему наблюдению и которые определили нежелательный исход общей забастовки в Англии.

УРОКИ ОБЩЕЙ ЗАБАСТОВКИ

Каковы уроки общей забастовки в Англии, по крайней мере, важнейшие из них? Эти уроки сводятся к следующему.

Во-первых. Кризис в угольной промышленности в Англии и связанная с ним общая забастовка ставят ребром вопрос о социализации орудий и средств производства в области угольной промышленности при установлении рабочего контроля. Это есть вопрос о завоевании социализма. Едва ли нужно доказывать, что никаких иных путей коренного разрешения кризиса в угольной промышленности нет и не может быть, кроме пути, предложенного английской коммунистической партией. Кризис угольной промышленности и общая забастовка подводят английский рабочий класс вплотную к вопросу о практическом осуществлении социализма.

Во-вторых. Английский рабочий класс не мог не испытать на своей собственной спине, что основным препятствием на пути к цели является политическая власть капиталистов, в данном случае партия консерваторов и её правительство. Если Генеральный совет профсоюзов боялся, как чумы, признать неразрывную связь борьбы экономической с борьбой политической, то английские рабочие не могут теперь не понимать, что

вопрос о власти в их трудной борьбе с организованным капиталом является теперь основным вопросом, что без разрешения вопроса о власти невозможно разрешить ни кризиса в угольной промышленности, ни вообще кризиса во всей промышленности Англии.

В-третьих. Ход и исход общей забастовки не могут не убеждать рабочий класс Англии в том, что парламент, конституция, король и прочие атрибуты буржуазной власти являются не чем иным, как щитом класса капиталистов, направленным против пролетариата. Забастовка сняла покровы фетиша и неприкосновенной святыни и с парламента, и с конституции. Рабочие поймут, что нынешняя конституция есть оружие для буржуазии, направленное против рабочих. Рабочие не могут не понять, что им тоже нужна своя рабочая конституция, как оружие против буржуазии. Я думаю, что усвоение этой истины будет для рабочего класса Англии самым большим его завоеванием.

В-четвёртых. Ход и исход забастовки не могут не убеждать рабочие массы Англии в негодности старых руководителей, в негодности старых вождей, выросших в школе старой английской компромиссной политики. Они не могут не понять, что старых вождей надо заменить новыми, революционными вождями.

В-пятых. Английские рабочие не могут теперь не понимать, что углекопы Англии являются передовым отрядом рабочего класса Англии, что поддержка угольной забастовки и обеспечение её победы является, таким образом, делом всего рабочего класса Англии. Весь ход забастовки диктует рабочему классу Англии абсолютную непреложность этого урока.

В-шестых. Английские рабочие не могли не убедиться в трудную минуту общей забастовки, когда платформы и программы различных партий проверялись на деле, что единственной партией, могущей отстаивать интересы рабочего класса до конца, смело и решительно, является партия коммунистов.

Таковы в общем основные уроки общей забастовки в Англии.

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Перехожу к некоторым выводам, имеющим практическое значение.

Первый вопрос — это вопрос о стабилизации капитализма. Забастовка в Англии показала, что решение Коммунистического Интернационала о временном и непрочном характере стабилизации является совершенно правильным[58]. Нападение английского капитала на углекопов Англии является попыткой превратить временную, непрочную стабилизацию в стабилизацию прочную и постоянную. Попытка эта не увенчалась и не могла увенчаться успехом. Английские рабочие, ответившие на эту попытку грандиозной забастовкой, показали всему капиталистическому миру, что установление прочной стабилизации капитализма в условиях послевоенного периода невозможно, что эксперименты, вроде английского, чреваты опасностью разгрома основ капитализма. Но если неправильно положение о прочности стабилизации капитализма, то столь же неправильно противоположное положение о том, что стабилизация кончилась, что она ликвидирована и что мы вступили теперь будто бы в период высшего подъёма революционных бурь. Стабилизация капитализма, временная,

непрочная, но всё же стабилизация, пока еще остаётся.

Далее. Именно потому, что нынешняя временная и непрочная стабилизация всё еще остаётся, именно поэтому капитал будет стараться и впредь пытаться напасть на рабочий класс. Конечно, урок английской забастовки должен показать всему капиталистическому миру, насколько рискован для жизни и существования капитала эксперимент вроде того эксперимента, который предприняла в Англии консервативная партия. Что эксперимент не пройдёт даром партии консерваторов, в этом едва ли есть основание сомневаться. Нельзя также сомневаться в том, что этот урок будет учтён капиталистами всех стран. Тем не менее, капитал всё же будет пытаться сделать новое нападение на рабочий класс, ибо он чувствует себя непрочно и он не может не ощущать потребности устроиться более прочно. Задача рабочего класса и коммунистических партий состоит в том, чтобы готовить силы для отпора таким нападениям на рабочий класс. Задача коммунистических партий состоит в том, чтобы, продолжая и впредь организацию единого фронта рабочих, приложить все силы к тому, чтобы превратить атаки капиталистов в контратаку рабочего класса, в революционное наступление рабочего класса, в борьбу рабочего класса за установление диктатуры пролетариата и за ликвидацию капитализма.

Наконец, чтобы выполнить эти очередные задачи, рабочий класс Англии должен, прежде всего, освободиться от нынешних его руководителей. Нельзя итти войной на капиталистов, имея таких вождей, как Томасы и Макдональды. Нельзя надеяться на победу,

имея в тылу таких предателей, как Гендерсон и Клайнс. Рабочий класс Англии должен научиться заменять таких лидеров лучшими, ибо одно из двух: либо рабочий класс Англии научится снимать с постов Томасов и Макдональдов, либо ему не видать своей победы, как не видать своих ушей.

Таковы, товарищи, те некоторые выводы, которые напрашиваются сами собой.

Теперь позвольте перейти к вопросу о событиях в Польше.

О ПОСЛЕДНИХ СОБЫТИЯХ В ПОЛЬШЕ

Существует мнение, что движение, возглавляемое Пилсудским, является революционным движением. Говорят, что Пилсудский выступает за революционное дело в Польше, за крестьянство против помещиков, за рабочих против капиталистов, за свободу угнетённых национальностей Польши против польского шовинизма и фашизма. Говорят, что ввиду этого Пилсудский заслуживает того, чтобы коммунисты поддержали его.

Это совершенно неправильно, товарищи!

На самом деле в Польше происходит теперь борьба между двумя фракциями буржуазии: крупнобуржуазной во главе с познанцами и мелкобуржуазной фракцией во главе с Пилсудским. Борьба имеет целью укрепление, стабилизацию буржуазного государства, а не защиту интересов рабочих и крестьян, интересов угнетённых национальностей. Борьба происходит из-за различия методов укрепления буржуазного государства.

Дело в том, что польское государство вступило в фазу полного разложения. Финансы летят в трубу.

Злотый падает. Промышленность парализована. Непольские национальности угнетаются. А вверху, в кругах близких к руководящим слоям, царит вакханалия хищений, как говорят об этом без всякого стеснения представители всех и всяких сеймовых фракций[59]. В связи с этим перед буржуазными классами стоит дилемма: **либо** разложение государства дойдёт до того, что откроет глаза рабочим и крестьянам и толкнёт их на необходимость революционного преобразования власти против помещиков и капиталистов, **либо** буржуазия должна поторопиться с тем, чтобы прекратить развал, ликвидировать вакханалию хищений и, таким образом, предупредить, пока не поздно, вероятный взрыв революционного движения рабочих и крестьян.

Дело идёт теперь о том, какой из фракций буржуазии взяться за стабилизацию польского государства — фракции Пилсудского или фракции познанцев?

Несомненно, что рабочие и крестьяне связывают с борьбой Пилсудского чаяния о коренном улучшении своего положения. Несомненно, что именно поэтому верхушка рабочего класса и крестьянства так или иначе поддерживает борьбу Пилсудского, как представителя мелкобуржуазных и мелкодворянских слоёв против познанцев, представляющих крупных капиталистов и помещиков. Но несомненно также и то, что чаяния некоторых слоёв трудящихся классов Польши используются в настоящее время не для революции, а для укрепления буржуазного государства и буржуазных порядков.

Играют тут роль, конечно, и некоторые внешние факторы. Польша есть государство небольшое, она связана в финансовом отношении с известными кругами

Антанты. Она, буржуазная Польша, при нынешнем плачевном состоянии её финансов не может, конечно, обойтись без внешних займов. Но так называемые великие державы не могут финансировать государство, руководящие круги которого в один голос констатируют вакханалию хищений по всей линии государственного управления. Для того, чтобы добиться займов, надо, прежде всего, «улучшить» государственное управление, прекратить вакханалию хищений, создать некоторую гарантию того, что проценты по займам будут уплачиваться и т. д. Отсюда необходимость «рационализации» польского государства.

Таковы в основном внутренние и внешние предпосылки, определившие нынешнюю борьбу двух основных буржуазных фракций Польши.

Польша представляет в настоящее время ряд коренных противоречий, которые, развиваясь далее, неминуемо должны создать в Польше непосредственную революционную ситуацию. Эти противоречия проходят по трём основным линиям: по линии рабочего вопроса, по линии крестьянского вопроса, по линии национального вопроса. Все эти противоречия могут незамедлительно вскрыться и вызвать взрыв, если Польша пойдёт на авантюру войны, если она не сумеет установить добрососедских отношений с окружающими её государствами. Может ли Пилсудский, может ли разношёрстная группа Пилсудского разрешить эти противоречия? Может ли эта мелкобуржуазная группа разрешить рабочий вопрос? Нет, не может, ибо она должна тогда вступить в коренной конфликт с классом капиталистов, чего она не может и не сделает ни в коем случае, если она не хочет лишиться финансовой поддержки со

стороны великих держав. Может ли она, эта группа, разрешить крестьянский вопрос в духе, например, конфискации помещичьих земель? Нет, не может — и она не сделает этого, если она не хочет внести полное разложение в командный состав армии Пилсудского, состоящий сплошь и рядом из мелких и средних помещиков. Может ли она, эта группа, разрешить национальный вопрос в Польше в духе предоставления свободы национального самоопределения угнетённым нациям: украинцам, литовцам, белоруссам и т. п.? Нет, не может — и она не сделает этого, если она не хочет лишиться всякого доверия в глазах тех великопольских шовинистов и фашистов, которые составляют основной источник морального существования группы Пилсудского.

Что же остаётся в таком случае?

Остаётся одно: победив в **военном** отношении фракцию крупной буржуазии, подчиниться **политически** этой самой фракции и поплестись в хвосте за ней, **если**, конечно, рабочий класс Польши и революционная часть польского крестьянства не возьмутся в ближайшее время за дело революционного преобразования польского государства и не прогонят прочь обе фракции польской буржуазии — и фракцию Пилсудского, и фракцию познанцев.

В связи с этим встаёт вопрос о польской коммунистической партии. Как могло случиться, что революционное недовольство значительной части рабочих и крестьян в Польше пошло водой на мельницу Пилсудского, а не коммунистической партии Польши? А случилось это, между прочим, потому, что польская коммунистическая партия слаба, до последней степени слаба, что она ещё больше ослабила себя в происходящей борьбе

своей неправильной позицией в отношении войск Пилсудского, ввиду чего не могла стать во главе революционно настроенных масс.

Недавно я читал в нашей советской прессе статью тов. Тельмана[60], члена Центрального Комитета коммунистической партии Германии, о польских делах. Тов. Тельман касается в этой статье позиции польских коммунистов, выдвинувших лозунг поддержки войск Пилсудского, и критикует эту позицию, как нереволюционную. Я должен признать, к сожалению, что критика, данная тов. Тельманом, абсолютно правильна. Я должен признать, что наши польские товарищи допустили в данном случае грубейшую ошибку.

Это всё, что хотел я сообщить вам, товарищи, о делах в Англии, в связи с общей забастовкой, и о последних событиях в Польше. (Бурные аплодисменты.)

«Заря Востока» (Тифлис)
№ 1197, 10 июня 1926 г.

ОТВЕТ НА ПРИВЕТСТВИЯ РАБОЧИХ ГЛАВНЫХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ МАСТЕРСКИХ В ТИФЛИСЕ

8 июня 1926 г.

Товарищи! Позвольте, прежде всего, принести товарищескую благодарность за приветствия, произнесённые здесь представителями от рабочих.

Должен вам сказать, товарищи, по совести, что я не заслужил доброй половины тех похвал, которые здесь раздавались по моему адресу. Оказывается, я и герой Октября, и руководитель компартии Советского Союза, и руководитель Коминтерна, чудо-богатырь и всё, что угодно. Всё это пустяки, товарищи, и абсолютно ненужное преувеличение. В таком тоне говорят обычно над гробом усопшего революционера. Но я еще не собираюсь умирать.

Я вынужден поэтому восстановить подлинную картину того, чем я был раньше и кому я обязан нынешним своим положением в нашей партии.

Тов. Аракел * сказал здесь, что в прошлом он считал себя одним из моих учителей, а меня своим учеником. Это совершенно правильно, товарищи. Я, действительно, был и остаюсь одним из учеников передовых рабочих железнодорожных мастерских Тифлиса.

---

* А. Окуашвили.

Позвольте обратиться к прошлому.

Я вспоминаю 1898 год, когда я впервые получил кружок из рабочих железнодорожных мастерских. Это было лет 28 тому назад. Я вспоминаю, как я на квартире у т. Стуруа в присутствии Джибладзе (он был тогда тоже одним из моих учителей), Чодришвили, Чхеидзе, Бочоришвили, Нинуа и др. передовых рабочих Тифлиса получил первые уроки практической работы. В сравнении с этими товарищами я был тогда молодым человеком. Может быть, я был тогда немного больше начитан, чем многие из этих товарищей. Но, как практический работник, я был тогда, безусловно, начинающим. Здесь, в кругу этих товарищей, я получил тогда первое своё боевое революционное крещение. Здесь, в кругу этих товарищей, я стал тогда учеником от революции. Как видите, моими первыми учителями были тифлисские рабочие.

Позвольте принести им мою искреннюю, товарищескую благодарность. (Аплодисменты.)

Я вспоминаю, далее, 1907—1909 годы, когда я по воле партии был переброшен на работу в Баку. Три года революционной работы среди рабочих нефтяной промышленности закалили меня, как практического борца и одного из практических местных руководителей. В общении с такими передовыми рабочими Баку, как Вацек, Саратовец, Фиолетов и др., с одной стороны, и в буре глубочайших конфликтов между рабочими и нефтепромышленниками — с другой стороны, я впервые узнал, что значит руководить большими массами рабочих. Там, в Баку, я получил, таким образом, второе своё боевое революционное крещение. Там я стал подмастерьем от революции.

Позвольте принести мою искреннюю, товарищескую благодарность моим бакинским учителям. (Аплодисменты.)

Наконец, я вспоминаю 1917 год, когда я волей партии, после скитаний по тюрьмам и ссылкам, был переброшен в Ленинград. Там, в кругу русских рабочих, при непосредственной близости с великим учителем пролетариев всех стран — тов. Лениным, в буре великих схваток пролетариата и буржуазии, в обстановке империалистической войны, я впервые научился понимать, что значит быть одним из руководителей великой партии рабочего класса. Там, в кругу русских рабочих — освободителей угнетённых народов и застрельщиков пролетарской борьбы всех стран и народов, я получил своё третье боевое революционное крещение. Там, в России, под руководством Ленина, я стал одним из мастеров от революции.

Позвольте принести свою искреннюю, товарищескую благодарность моим русским учителям и склонить голову перед памятью моего великого учителя — Ленина. (Аплодисменты.)

От звания ученика (Тифлис), через звание подмастерья (Баку), к званию одного из мастеров нашей революции (Ленинград) — вот какова, товарищи, школа моего революционного ученичества.

Такова, товарищи, подлинная картина того, чем я был и чем я стал, если говорить без преувеличения, по совести. (Аплодисменты, переходящие в бурную овацию.)

«Заря Востока» (Тифлис)
№ 1197, 10 июня 1926 г.

ОБ АНГЛО-РУССКОМ КОМИТЕТЕ ЕДИНСТВА[61]*

Речь на объединённом пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б)[62] 15 июля 1926 г.

Товарищи! Мы переживаем период собирания сил, период завоевания масс и подготовки пролетариата для новых боёв. Но массы находятся в профсоюзах. А профсоюзы на Западе, большинство из них, являются теперь более или менее реакционными. Как же нам быть с профсоюзами? Должны ли мы, можем ли мы, коммунисты, работать в реакционных профсоюзах? По сути дела именно этот вопрос поставлен перед нами Троцким в его письме, напечатанном недавно в «Правде». В этом вопросе, конечно, нет ничего нового. Он был поставлен еще раньше Троцкого, лет пять назад, «ультралевыми» в Германии. Но Троцкий нашёл нужным поставить его вновь. Как же он отвечает на него? Позвольте привести цитату из письма Троцкого.

«Вся нынешняя «надстройка» британского рабочего класса — во всех без исключения оттенках и группировках — является аппаратом революционного торможения. Это предвещает на длительный период напор стихийного и полустихийного движения **на рамки старых организаций и формирование** на основе этого напора **новых революционных организаций»** (см. «Правду» № 119 от 26 мая 1926 г.).

---

* Печатается в сокращённом виде.

Выходит, что мы не должны работать в «старых» организациях, если не хотим «тормозить» революцию. Либо здесь говорится о том, что мы уже находимся в периоде непосредственной революционной ситуации и мы должны теперь же создать самочинные организации пролетариата **вместо** «старых», **вместо** профсоюзов, что, конечно, неверно и глупо. Либо здесь говорится о том, что мы должны старые профсоюзы в продолжение «длительного» периода заменять «новыми революционными организациями».

Это есть сигнал к организации, **вместо** существующих профсоюзов, того самого «революционного рабочего союза», о котором говорили «ультралевые» коммунисты в Германии лет пять назад и против которых решительно выступал тов. Ленин в своей брошюре «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». Это есть по сути дела сигнал к замене нынешних профсоюзов «новыми» будто бы «революционными» организациями, сигнал, стало быть, к **выходу** из профсоюзов.

Правильна ли эта политика? Она в корне неправильна. Она в корне неправильна потому, что она противоречит ленинскому руководству массами. Она неправильна, так как профессиональные союзы Запада при всей их реакционности являются наиболее элементарными, наиболее понятными для самых отсталых рабочих и, потому, наиболее массовыми организациями пролетариата. Мы не можем итти к массам, мы не можем их завоевать, обходя эти союзы. Стать на точку зрения Троцкого — это значит закрыть коммунистам дорогу к миллионным массам, это значит отдать массы рабочих на съедение Амстердаму [63], на съедение Зассенбахам и Удегестам [64].

Здесь ссылались оппозиционеры на тов. Ленина. Позвольте и мне привести указания Ленина.

«Смешным ребяческим вздором не могут не казаться нам и важные, совсем учёные и ужасно революционные разговоры немецких левых на тему о том, что коммунисты не могут и не должны работать в реакционных профсоюзах, что позволительно отказываться от этой работы, что надо выходить из профсоюзов и создавать обязательно совсем новенький, совсем чистенький, весьма милыми (и большей частью, вероятно, весьма юными) коммунистами придуманный «рабочий союз»» (см. т. XXV, стр. 193—194).

И далее:

«Борьбу с «рабочей аристократией» мы ведём от имени рабочей массы и для привлечения её на свою сторону; борьбу с оппортунистическими и социал-шовинистскими вождями мы ведём для привлечения рабочего класса на свою сторону. Забывать эту элементарнейшую и самоочевиднейшую истину было бы глупо. И именно такую глупость делают «левые» немецкие коммунисты, которые **от** реакционности и контр-революционности **верхушки** профсоюзов умозаключают к... выходу из профсоюзов!! к отказу от работы в них!! к созданию новых, **выдуманных,** форм рабочей организации!! Это — такая непростительная глупость, которая равносильна наибольшей услуге, оказываемой коммунистами буржуазии» (см. там же, стр. 196).

Я думаю, товарищи, что разъяснения тут излишни.

Здесь встаёт вопрос о перескакивании через не изжившую себя реакционность профсоюзов на Западе. Этот вопрос вытащил здесь на трибуну Зиновьев. Он ссылался на Мартова и уверял, что точка зрения неперескакивания, точка зрения недопустимости для марксистов перескакивать через отсталость масс, через отсталость и реакционность их руководителей, что эта точка зрения есть будто бы меньшевистская.

Я утверждаю, товарищи, что этот нечистоплотный манёвр Зиновьева с ссылкой на Мартова свидетельствует лишь об одном,—**о полном отходе** Зиновьева **от линии** ленинизма.

Я постараюсь доказать это ниже.

Можем ли мы вообще, как ленинцы, как марксисты, перескочить через не изжившее себя движение, через отсталость масс, можем ли мы повернуться к ним спиной, обойти их, или мы **должны изжить** подобные явления путём неустанной борьбы в массах против этих явлений? Это один из основных вопросов коммунистической политики, один из основных вопросов ленинского руководства массами. Оппозиционеры говорили здесь о ленинизме. Позвольте сослаться на первоисточник, на Ленина.

Дело происходит в апреле 1917 года. Ленин полемизирует с Каменевым. Ленин не соглашается с Каменевым, который переоценивал роль мелкобуржуазной демократии. Но Ленин не согласен также и с Троцким, который недооценивал роль крестьянского движения и «перепрыгивал» через крестьянское движение в России. Вот слова Ленина.

«Троцкизм — «без царя, а правительство рабочее». Это неверно. Мелкая буржуазия есть, её выкинуть нельзя. Но у неё две части. Беднейшая её часть идёт с рабочим классом» (см. речь Ленина, протоколы Петроградской конференции в апреле 1917 г., стр. 17[65]).

«Вот если бы мы сказали: «без царя, а диктатура пролетариата» — ну, это был бы **скачок** * через мелкую буржуазию» (см. речь Ленина, протоколы Всероссийской конференции в апреле 1917 г., стр. 76[66]).

* Курсив мой. **И. Ст.**

И далее:

«Но не грозит ли нам опасность впасть в субъективизм, в желание **«перепрыгнуть»** через незавершённую — неизжившую еще крестьянского движения — революцию буржуазно-демократического характера к революции социалистической? Если бы я сказал: «без царя, а правительство **рабочее»**,— эта опасность мне бы грозила. Но я сказал **не** это, я сказал иное... Я абсолютно застраховал себя в своих тезисах от всякого **перепрыгивания** через **неизжившее себя крестьянское или вообще мелкобуржуазное движение**, от всякой **игры** в «захват власти» рабочим правительством, от какой бы то ни было бланкистской **авантюры**, ибо я прямо указал на опыт Парижской Коммуны» * (см. т. XX, стр. 104).

Кажется, ясно. Теория **перепрыгивания** через не изжившее себя движение есть теория троцкизма. Ленин не согласен с этой теорией. Он считает её авантюристской.

А вот ещё несколько цитат, уже из других сочинений одного «очень видного» большевика, имени и фамилии которого я назвать не хочу пока, но который также воюет против теории перепрыгивания.

«В вопросе о крестьянстве, через который всё время «перепрыгивает» Троцкий, мы наделали бы величайших ошибок. Вместо зачатков смычки, мы имели бы теперь во всём ходу размычку».

Дальше.

«Такова «теоретическая» основа парвусизма и троцкизма. Эта «теоретическая» основа и перечеканивалась в дальнейшем на политические лозунги, как, например, лозунг: «без царя, а правительство рабочее». Лозунг этот звучит теперь — после того, как в союзе с крестьянством через 15 лет мы завоевали Советскую власть,— весьма благовидно. Без царя! — это хорошо. Прави-

* Курсив мой. **И. Ст.**

тельство рабочее — ещё лучше. Но если припомнить, что этот лозунг выдвинут был в 1905 году, то всякий большевик согласится, что тогда этот лозунг целиком **«перепрыгивал»** через крестьянство».

Дальше.

«А «перманентники» в 1905 году хотели нам навязать лозунг «долой царя, а правительство **рабочее»**. А где же крестьянство? Не колет ли здесь глаза факт полного непонимания и игнорирования крестьянства в такой стране, как Россия? Если это не есть «перепрыгивание» через крестьянство, то что же это такое?»

Дальше.

«Не поняв роли крестьянства в России, «перескакивая» через крестьянство в крестьянской стране, троцкизм тем более не мог понять роли крестьянства в международной революции».

Вы спросите: кто же автор этих грозных цитат против троцкизма и против троцкистской теории перепрыгивания? Автором этих грозных цитат является не кто иной, как Зиновьев. Цитаты эти взяты из его книги «Ленинизм» и из статьи Зиновьева «Большевизм или троцкизм».

Как могло случиться, что год назад Зиновьев понимал антиленинский характер теории перепрыгивания, а теперь, спустя год, он перестал это понимать? А случилось это с ним потому, что тогда он был, так сказать, ленинцем, а теперь он безнадёжно увяз одной ногой в троцкизме, а другой ногой в шляпниковщине, в «рабочей оппозиции»[67]. И вот он барахтается между этими двумя оппозициями и вынужден теперь с Мартовым в руках выступать здесь, на этой трибуне. И выступает он против кого? Против Ленина. За кого? За троцкистов.

Вот до чего пал Зиновьев.

Могут сказать, что всё это касается вопроса о крестьянстве, что это не имеет отношения к профсоюзам и

Англии. Но это неверно, товарищи. Сказанное о непригодности теории перескакивания в политике имеет прямое отношение к профсоюзам в Англии и, вообще, в Европе, имеет прямое отношение к вопросу о руководстве массами, к вопросу о путях высвобождения масс из-под влияния реакционных, реформистских лидеров. Троцкий и Зиновьев, следуя теории перескакивания, пытаются перепрыгнуть через отсталость английских профсоюзов, через их реакционность, добиваясь того, чтобы **мы** свергли Генсовет из Москвы, **без** английских профсоюзных масс. А мы утверждаем, что такая политика есть глупость, авантюризм, что реакционные вожди английского профдвижения должны быть свергнуты **самими** английскими профсоюзными массами **при нашей помощи**, что не перескакивать мы должны через реакционность профсоюзных вождей, а должны **помочь** английским профсоюзным массам **изжить** её.

Вы видите, что связь между политикой вообще и политикой в отношении профсоюзных масс безусловно существует.

Нет ли на этот счёт указаний у Ленина?

Слушайте:

«Профсоюзы были гигантским прогрессом рабочего класса в начале развития капитализма, как переход от распылённости и беспомощности рабочих к **начаткам** классового объединения. Когда стала вырастать **высшая** форма классового объединения пролетариев, **революционная партия пролетариата** (которая не будет заслуживать своего названия, пока не научится связывать вождей с классом и с массами в одно целое, в нечто неразрывное), тогда профсоюзы стали неминуемо обнаруживать **некоторые** реакционные черты, некоторую цеховую узость, некоторую склонность к аполитицизму, некоторую косность и т. д. Но иначе как через проф-

союзы, через **взаимодействие их** с партией рабочего класса нигде в мире развитие пролетариата не шло и итти не могло» (см. т. XXV, стр. 194).

И далее:

«Бояться **этой** «реакционности», пытаться **обойтись** без неё, **перепрыгнуть** * через неё есть величайшая глупость, ибо это значит бояться той роли пролетарского авангарда, которая состоит в обучении, просвещении, воспитании, вовлечении в новую жизнь наиболее отсталых слоёв и масс рабочего класса и крестьянства» (см. там же, стр. 195).

Вот как обстоит дело с теорией перепрыгивания в области профдвижения.

Уж лучше бы Зиновьеву не выходить сюда с Мартовым в руках. Лучше бы ему помолчать насчёт теории перескакивания. Так было бы для него много лучше. Не надо было Зиновьеву клясться именем Троцкого: мы и так знаем, что он отошёл от ленинизма к троцкизму.

Вот как обстоит дело, товарищи, с троцкистской теорией перепрыгивания через отсталость профсоюзов, через отсталость профдвижения, через отсталость массового движения вообще.

Одно дело ленинизм, другое дело троцкизм.

Мы подошли, таким образом, к вопросу об Англо-Русском комитете. Здесь говорили, что Англо-Русский комитет есть соглашение, блок профсоюзов нашей страны с профсоюзами Англии. Это совершенно правильно. Англо-Русский комитет — есть выражение блока, выражение соглашения союзов наших с союзами Англии, и блок этот не лишён политического характера.

Этот блок ставит себе две задачи. Первая задача состоит в установлении связи наших профсоюзов с

* Курсив мой. **И. Ст.**

профсоюзами Англии, в организации движения единства против наступления капитала, в расширении той щели между Амстердамом и английским профдвижением, которая есть и которую будем расширять всячески, наконец, в подготовке таких условий, которые необходимы для вытеснения реформистов из профсоюзов и для завоевания профсоюзов капиталистических стран на сторону коммунизма.

Вторая задача этого блока состоит в организации широкого движения рабочего класса против новых империалистических войн, вообще, против интервенции в нашу страну со стороны (особенно) наиболее могучей из империалистических держав Европы, со стороны Англии, в частности.

О первой задаче говорилось здесь достаточно обстоятельно. Я не буду поэтому распространяться об этом. Я хотел бы сказать здесь несколько слов о второй задаче, особенно в части, касающейся интервенции в нашу страну со стороны английских империалистов. Некоторые из оппозиционеров говорят, что об этой последней задаче блока наших и английских профсоюзов не сто̀ит говорить, что задача эта — не важная задача. Почему, спрашивается? Почему не сто̀ит говорить? Разве задача защиты безопасности первой в мире Советской республики, являющейся к тому же оплотом и базой международной революции,— не есть революционная задача? Разве наши союзы независимы от партии? Разве мы стоим на точке зрения независимости наших союзов: государство — одно, а союзы — другое? Нет, мы на такой точке зрения не стоим и стоять не можем, как ленинцы. Каждый рабочий, каждый организованный в профсоюзы рабочий должен иметь заботу

о защите первой в мире Советской республики от интервенции. Если профсоюзы нашей страны встречают в этом деле поддержку со стороны английских профсоюзов, хотя бы и реформистских, то разве не ясно, что это надо приветствовать?

На точку зрения меньшевизма сбиваются те, которые думают, что наши союзы не могут преследовать государственных задач. Это есть точка зрения «Социалистического Вестника»[68]. Мы на эту точку зрения стать не можем. И ежели реакционные профсоюзы Англии готовы с революционными союзами нашей страны иметь блок против контрреволюционных империалистов своей страны,— почему бы этот блок не приветствовать? Я подчёркиваю эту сторону дела для того, чтобы наша оппозиция, старающаяся сорвать Англо-Русский комитет,— поняла, наконец, что она льёт воду на мельницу интервенционистов.

Итак, Англо-Русский комитет есть блок наших профсоюзов с реакционными профсоюзами Англии на предмет, во-первых, укрепления связей наших профсоюзов с профдвижением Запада и его революционизирования, во-вторых, на предмет борьбы против империалистических войн, вообще, против интервенции, в частности.

Но возможны ли вообще,— принципиальный вопрос,— возможны ли вообще политические блоки с реакционными профсоюзами? Допустимы ли вообще для коммунистов такие блоки?

Этот вопрос стоит у нас ребром, и мы его должны здесь выкрешить. Одни думают, что они невозможны,— это наши оппозиционеры. А Центральный Комитет нашей партии думает, что такие блоки допустимы.

Здесь оппозиционеры поминали имя Ленина. Обратимся к Ленину.

«Капитализм не был бы капитализмом, если бы «чистый» пролетариат не был окружён массой чрезвычайно пёстрых переходных типов от пролетария к полупролетарию (тому, кто наполовину снискивает себе средства к жизни продажей рабочей силы), от полупролетария к мелкому крестьянину (и мелкому ремесленнику, кустарю, хозяйчику вообще), от мелкого крестьянина к среднему и т. д.; — если бы внутри самого пролетариата не было делений на более и менее развитые слои, делений земляческих, профессиональных, иногда религиозных и т. п. А из всего этого необходимость — и безусловная необходимость для авангарда пролетариата, для его сознательной части, для коммунистической партии прибегать к лавированию, соглашательству, компромиссам с разными группами пролетариев, с разными партиями рабочих и мелких хозяйчиков вытекает с абсолютной необходимостью. Всё дело в том, чтобы **уметь** применять эту тактику в целях **повышения**, а не понижения, **общего** уровня пролетарской сознательности, революционности, способности к борьбе и к победе» (см. т. XXV, стр. 213).

И далее:

«Что Гендерсоны, Клайнсы, Макдональды, Сноудены безнадёжно реакционны, это верно. Так же верно то, что они хотят взять власть в свои руки (предпочитая, впрочем, коалицию с буржуазией), что они хотят «управлять» по тем же стародавним буржуазным правилам, что они неминуемо будут вести себя, когда будут у власти, подобно Шейдеманам и Носке. Всё это так. Но отсюда вытекает вовсе не то, что поддержка их есть измена революции, а то, что в интересах революции революционеры рабочего класса должны оказать этим господам известную парламентскую поддержку» (см. там же, стр. 218—219).

Итак, по Ленину выходит, что политические соглашения, политические блоки коммунистов с реакционными лидерами рабочего класса вполне возможны и допустимы.

Пусть запомнят это Троцкий и Зиновьев.

Но для чего, собственно, нужны нам такие соглашения?

Для того, чтобы получить доступ к рабочим массам, для того, чтобы просвещать эти массы насчёт реакционности их политических и профсоюзных лидеров, для того, чтобы отрывать от реакционных лидеров левеющие и революционизирующиеся части рабочего класса, для того, стало быть, чтобы повышать боеспособность рабочего класса в целом.

Поэтому такие блоки могут заключаться лишь при двух основных условиях: при обеспечении свободы нашей критики в отношении реформистских вождей и при обеспечении условий, необходимых для отрыва масс от реакционных лидеров.

Вот что говорит на этот счёт Ленин:

«Коммунистическая партия предлагает Гендерсонам и Сноуденам «компромисс», избирательное соглашение: **идём** вместе против союза Ллойд-Джорджа и консерваторов, делим парламентские места по числу голосов, поданных рабочими за Рабочую партию или за коммунистов (не на выборах, а по особому голосованию), сохраняем **полнейшую свободу** агитации, пропаганды, политической деятельности. Без этого последнего условия, конечно, на блок итти нельзя, ибо это будет изменой: полнейшую свободу разоблачения Гендерсонов и Сноуденов английские коммунисты так же абсолютно должны отстаивать и отстоять, как отстаивали её (**пятнадцать лет,** 1903—1917) и отстояли русские большевики по отношению к русским Гендерсонам и Сноуденам, т. е. меньшевикам» (см. т. XXV, стр. 223).

И далее:

«Мелкобуржуазные демократы (а в том числе и меньшевики) неизбежно колеблются между буржуазией и пролетариатом, между буржуазной демократией и советским строем, между реформизмом и революционностью, между рабочелюбием и боязнью

пролетарской диктатуры и т. д. Правильная тактика коммунистов должна состоять в **использовании** этих колебаний, отнюдь не в игнорировании их; использование требует уступок тем элементам, тогда и постольку, какие, когда и поскольку поворачивают к пролетариату — на ряду с борьбой против тех, кои поворачивают к буржуазии. В результате применения правильной тактики меньшевизм всё **более распадался и распадается у нас, изолируя упорно оппортунистических вождей и переводя в наш лагерь лучших рабочих, лучшие элементы от мелкобуржуазной демократии»** * (см. т. XXV, стр. 213—214).

Вот условия блока, без которых никакие блоки, никакие соглашения с реакционными вождями профсоюзов недопустимы.

Пусть запомнит и об этом оппозиция.

Спрашивается, соответствует ли политика наших профсоюзов тем условиям, о которых говорит тов. Ленин?

Я думаю, что вполне соответствует. Во-первых, мы полностью сохранили за собой полную свободу критики реформистских вождей английского рабочего класса и использовали эту свободу с такой полнотою, с какой не использовала её ни одна компартия в мире. Во-вторых, мы получили доступ к рабочим массам Англии и укрепили наши связи с ними. В-третьих, мы с успехом отрываем и уже оторвали от реакционных вождей целые отряды рабочего класса Англии. Я имею в виду отрыв углекопов от вождей Генсовета.

Троцкий, Зиновьев и Каменев здесь старательно обходили вопрос о конференции русских и английских горняков в Берлине и об их декларации [69]. А это ведь важнейший факт последнего времени. Кто такие Ричардсон, Кук, Смит, Ричардс? Оппортунисты, рефор-

* Курсив мой. **И. Ст.**

мисты. Одни из них называются левыми, другие правыми. Пусть! История разберётся, кто из них левее. Нам очень трудно разобраться сейчас, темна вода во облацех. Но одно ясно, что этих колеблющихся реформистских лидеров, ведущих за собой миллион двести тысяч бастующих горнорабочих, мы оторвали от Генсовета и сцепили их с нашими союзами. Разве это не факт? Почему об этом молчит оппозиция? Неужели не радуют её успехи нашей политики? И то, что Ситрин пишет теперь, что он и Генсовет согласны на созыв Англо-Русского комитета, не есть ли это результат того, что Шварцу и Акулову удалось перетянуть на свою сторону Кука и Ричардсона, а Генсовет, испугавшись **открытой** борьбы с углекопами, вынужден был пойти на созыв Англо-Русского комитета? Кто может отрицать, что все эти факты говорят об успехах нашей политики, что всё это говорит о полном провале политики оппозиции?

Итак, блоки с реакционными лидерами профсоюзов допустимы. Они необходимы при известных условиях. Свобода критики есть первое условие. Оно нашей партией выполняется. Отрыв рабочих масс от реакционных лидеров является вторым условием. Это условие также выполняется нашей партией. Наша партия права. Оппозиция не права.

Спрашивается, чего ещё хотят от нас Зиновьев и Троцкий?

Они хотят, чтобы наши советские профсоюзы либо порвали с Англо-Русским комитетом, либо отсюда, из Москвы, свергли Генсовет. Но это же глупо, товарищи. Требовать от нас, чтобы мы, из Москвы, **обходя** профсоюзы английских рабочих, **обходя** английские

профсоюзные массы, обходя английские профсоюзные кадры, перескакивая через них, отсюда, из Москвы, свергли Генсовет,— разве это не глупо, товарищи?

Они требуют демонстративного разрыва. Но разве трудно понять, что из этого ничего, кроме конфуза, не получится? Разве трудно понять, что при разрыве мы теряем связь с английским профдвижением, отбрасываем английские профсоюзы в объятия Зассенбахов и Удегестов, колеблем основы тактики единого фронта, радуем сердца Черчиллей и Томасов, не получая взамен ничего, кроме конфуза?

Троцкий берёт исходным пунктом своей политики эффектных жестов не конкретных людей, не конкретных и живых рабочих, живущих и борющихся в Англии, а каких-то идеальных, бесплотных людей, революционных с ног до головы. Но разве трудно понять, что только неразумные люди могут исходить в политике из идеальных, бесплотных людей?

Вот почему мы думаем, что политика эффектных жестов, политика свержения Генсовета из Москвы, силами лишь одной Москвы, есть смешная авантюристическая политика.

Политика жестов — это характерная черта всей политики Троцкого с тех пор, как он у нас в партии. Первое применение этой политики мы имели во время Брестского мира, когда Троцкий не подписал немецко-русского мирного соглашения и сделал эффектный жест против соглашения, полагая, что можно поднять жестом пролетариев всех стран против империализма. Это была политика жестов. Как дорого нам обошёлся этот жест, вы, товарищи, знаете хорошо. Кому наруку играл этот эффектный жест? Империалистам, меньшеви-

кам, эсерам и всем тем, которые старались удушить тогда еще не окрепшую Советскую власть.

Теперь ту же политику эффектных жестов предлагают нам в отношении Англо-Русского комитета. Требуют демонстративного и эффектного разрыва. Но кому на пользу пойдёт этот эффектный жест? Черчиллю и Чемберлену, Зассенбаху и Удегесту. Они этого хотят. Они этого ждут. Они, Зассенбахи и Удегесты, хотят, чтобы мы порвали демонстративно с английским рабочим движением и тем облегчили дело Амстердама. Они, Черчилли и Чемберлены, хотят разрыва, чтобы тем самым облегчить им интервенцию, дать им моральный аргумент в пользу интервенционистов.

Вот на чью мельницу льют воду наши оппозиционеры.

Нет, товарищи, мы не можем стать на этот авантюристский путь.

Но такова уж судьба «ультралевых» фразёров. Фразы-то у них левые, а на деле выходит помощь врагам рабочего класса. Пойдёшь налево,— придёшь направо.

Нет, товарищи, мы не пойдём на эту политику эффектных жестов, не пойдём **сегодня** так же, как не пошли во время Брестского мира. Не пойдём, потому что не хотим, чтобы наша партия превратилась в игрушку в руках наших врагов.

Впервые напечатано в книге:
И. Сталин. Об оппозиции.
Статьи и речи 1921—1927 гг.
М.—Л., 1928

Ф. ДЗЕРЖИНСКИЙ

(На смерть Ф. Дзержинского)

После Фрунзе — Дзержинский.

Старая ленинская гвардия потеряла ещё одного из лучших руководителей и бойцов. Партия понесла ещё одну незаменимую потерю.

Когда теперь, у раскрытого гроба, вспоминаешь весь пройденный путь тов. Дзержинского — тюрьмы, каторгу, ссылку, Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией, восстановление разрушенного транспорта, строительство молодой социалистической промышленности, — хочется одним словом охарактеризовать эту кипучую жизнь: **ГОРЕНИЕ.**

Октябрьская революция поставила его на тяжёлый пост, — на пост руководителя Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией. Буржуазия не знала более ненавистного имени, чем имя Дзержинского, отражавшего стальной рукой удары врагов пролетарской революции. «Гроза буржуазии» — так звали тогда тов. Феликса Дзержинского.

После наступления «мирного периода» тов. Дзержинский продолжает свою кипучую работу. Тов. Дзержинский горит, налаживая расстроенный транспорт,

а затем в качестве председателя Высшего совета народного хозяйства горит на работе строительства нашей промышленности. Не зная отдыха, не чураясь никакой чёрной работы, отважно борясь с трудностями и преодолевая их, отдавая все свои силы, всю свою энергию делу, которое ему доверила партия,— он сгорел на работе во имя интересов пролетариата, во имя победы коммунизма.

Прощай, герой Октября! Прощай, верный сын партии!

Прощай, строитель единства и мощи нашей партии!

И. Сталин

22 июля 1926 г.

«Правда» № 166,
22 июля 1926 г.

ОБ АНГЛО-РУССКОМ КОМИТЕТЕ

Речь на заседании Президиума ИККИ
7 августа 1926 г.

Товарищи! Еще до выступления Мерфи ЦК ВКП(б) было получено письмо ЦК английской компартии с протестом против известной декларации ВЦСПС [70] по вопросу об общей забастовке в Англии. Мне кажется, что Мерфи повторяет здесь доводы этого письма. Мерфи выдвигает, главным образом, формальные соображения, в том числе, соображение о том, что спорные вопросы не были подвергнуты совместному обсуждению с британской компартией в порядке предварительном. Я признаю, что последнее соображение Мерфи имеет свои основания. Коминтерну действительно приходилось иногда принимать решения без предварительного согласования с ЦК британской компартии. Но тут имеются извинительные обстоятельства: спешность некоторых вопросов, невозможность спешно снестись с ЦК британской компартии и т. п.

Что же касается остальных соображений и доводов Мерфи, имеющих отношение к ВЦСПС и его декларации, то их надо признать совершенно неправильными.

Неправильно утверждение о том, что ВЦСПС допустил формальную ошибку, выпустив декларацию, ибо он

тем самым взял на себя будто бы функцию Профинтерна или Коминтерна. ВЦСПС имеет право выпустить свою декларацию так же, как имеет такое право на издание своей декларации любое профессиональное или иное объединение. Как можно отрицать это элементарное право за ВЦСПС?

Ещё более неправильно утверждение, что ВЦСПС своей декларацией нарушил права Профинтерна или Коминтерна, что Профинтерн и Коминтерн являются тут стороной пострадавшей, потерпевшей ущерб. Я должен сообщить, что декларация ВЦСПС была издана с ведома и одобрения Профинтерна и Коминтерна. Этим, собственно, и объясняется тот факт, что ни Профинтерн, ни Коминтерн не думают обвинять ВЦСПС в нарушении принадлежащих им прав. Выступая в данном случае против ВЦСПС, Мерфи выступает, таким образом, по сути дела против ИККИ и Профинтерна.

Наконец, совершенно недопустимым нужно считать заявление Мерфи о том, что выступление ВЦСПС с критикой против Генсовета и вообще декларация ВЦСПС являются будто бы **«вмешательством»** во внутренние дела британской компартии, что ВЦСПС, как «национальная организация», не должна допускать такое «вмешательство». Крайне печально, что Мерфи повторяет здесь «доводы» Пью и Перселя на парижском совещании Англо-Русского комитета. Именно с такими «доводами» выступали на днях Пью, Персель и Ситрин против делегации ВЦСПС. Уже это одно говорит за то, что Мерфи не прав. Нельзя из-за формальных мотивов забывать о содержании дела, о существе дела. Так не может поступать коммунист. Дело английских горняков обстояло бы много лучше, а неправильные действия

Генсовета были бы разоблачены, если бы с критикой Генсовета выступили наряду с ВЦСПС «национальные» объединения профсоюзов других стран, скажем, Франции, Германии и т. д. Не ошибкой ВЦСПС, а заслугой ВЦСПС перед английскими рабочими нужно считать опубликование его декларации с критикой Генсовета.

Это всё, что хотел я сказать в связи с докладом Мерфи, имея в виду, главным образом, формальную сторону дела.

Я мог бы ограничиться сказанным, поскольку идёт здесь речь о формальной стороне дела. Но дело в том, что Мерфи не ограничивается одной лишь формальной стороной дела. Формальная сторона нужна ему для того, чтобы добиться некоторых существенных результатов, имеющих неформальный характер. Тактика Мерфи состоит в том, чтобы добиться здесь определённых решений по существу, прикрывшись формальными мотивами и используя некоторые формальные неувязки в практике ИККИ. Поэтому придётся сказать несколько слов о доводах Мерфи по существу.

Чего, собственно, добивается Мерфи?

Он добивается, грубо говоря, того, чтобы заставить ВЦСПС прекратить **открытую** критику Генсовета, заставить ВЦСПС замолчать и «не вмешиваться» в «дела Генсовета».

Может ли пойти на это ВЦСПС, или наша партия, или Коминтерн?

Нет, не может. Ибо, что значит заставить замолчать ВЦСПС, как будет понято молчание ВЦСПС в момент, когда Генсовет организует изоляцию бастующих английских горняков и подготавливает их поражение? Молчать при таких условиях — это значит замолчать

грехи Генсовета, замолчать его предательство. Замолчать же предательство Генсовета при условиях, когда Генсовет и ВЦСПС имеют блок между собой в виде Англо-Русского комитета,— это значит молчаливо одобрить это предательство, следовательно — разделить с Генсоветом ответственность перед рабочим движением всего мира за предательство Генсовета. Нужно ли ещё доказывать, что ВЦСПС совершил бы политическое и моральное самоубийство, если бы он вступил на этот путь, если бы он отказался хотя бы на одну минуту от открытой критики предательства Генсовета?

Судите сами. В мае Генсовет прекратил общую забастовку, предав английский рабочий класс вообще и английских горняков в особенности. В июне и в июле Генсовет не ударил палец о палец, чтобы помочь бастующим горнякам. Более того, Генсовет делал всё от него зависящее, чтобы подготовить поражение горняков и наказать, таким образом, «непослушную» федерацию английских углекопов. В августе лидеры Генсовета на парижском совещании Англо-Русского комитета отказываются обсудить предложение представителей ВЦСПС о помощи английским горнякам, несмотря на то, что порядок дня этого совещания, предложенный ВЦСПС, не был опротестован Генсоветом. Мы имеем, таким образом, целую цепь предательств со стороны запутавшегося в гнилой дипломатии Генсовета. А Мерфи требует, чтобы ВЦСПС закрыл глаза на все эти безобразия и наложил на себя печать молчания! Нет, товарищи, ВЦСПС не может стать на этот путь, ибо он не хочет итти на самоубийство.

Мерфи думает, что было бы целесообразнее, если бы декларацию против Генсовета выпустил Профинтерн,

как международная организация, а ВЦСПС, как организация «национальная», выступил бы с коротенькой резолюцией о присоединении к декларации Профинтерна. С точки зрения исключительно формальной план Мерфи представляет некоторую ведомственную архитектурную стройность. С этой точки зрения он имеет за собой некоторые основания. Но с точки зрения политической план Мерфи не выдерживает никакой критики. Нет нужды доказывать, что план Мерфи не дал бы и сотой доли того политического эффекта в смысле разоблачения Генсовета и политического воспитания английских рабочих масс, какой, несомненно, дала декларация ВЦСПС. Дело в том, что Профинтерн менее известен в рядах английского рабочего класса, чем ВЦСПС, первый менее популярен, чем второй, и удельный вес первого несравненно меньше ввиду этого, чем удельный вес второго. Но из этого следует, что с критикой Генсовета надо было бы выступить именно ВЦСПС, как наиболее авторитетному органу в глазах английского рабочего класса. Иначе и нельзя было поступать, ибо нужно было попасть в цель, разоблачая предательство Генсовета. Судя по тому вою, который поднялся среди реформистских лидеров английского рабочего движения в связи с декларацией ВЦСПС, можно с уверенностью сказать, что ВЦСПС попал в цель.

Мерфи думает, что открытая критика Генсовета со стороны ВЦСПС может повести к разрыву блока с Генсоветом, к срыву Англо-Русского комитета. Я думаю, что Мерфи не прав. Срыв Англо-Русского комитета **при активнейшей помощи углекопам со стороны ВЦСПС** надо считать исключённым, или почти исключённым. Этим, собственно, и объясняется, что никто так не боится

срыва Англо-Русского комитета, как представители большинства Генсовета, Персель и Хикс. Конечно, и Персель, и Хикс будут шантажировать нас опасностью разрыва. Но надо уметь различать между шантажом и действительной опасностью разрыва.

Следует помнить, кроме того, что Англо-Русский комитет не есть для нас самоцель. Мы пошли и останемся в Англо-Русском комитете не безусловно, а при известных условиях, к числу которых следует отнести право свободной критики Генсовета со стороны ВЦСПС так же, как и право свободной критики ВЦСПС со стороны Генсовета. Мы не можем отказаться от свободы критики во имя респектабельности и сохранения блока во что бы то ни стало.

В чём состоит смысл существования блока? В том, чтобы организовать совместные действия членов блока против капитала, в интересах рабочего класса, совместные действия членов блока против империалистической войны за мир между народами. Ну, а как быть, если один из членов блока или некоторые лидеры одной из сторон нарушают интересы рабочего класса, предают их и делают тем самым невозможными совместные действия? Неужели нужно хвалить их за такие ошибки? Следовательно, нужна взаимная критика, ликвидация ошибок путём критики, чтобы восстановить возможность совместных действий в интересах рабочего класса. Поэтому Англо-Русский комитет имеет смысл лишь в том случае, если имеется гарантия свободы критики.

Говорят, что критика может привести к дискредитации некоторых реакционных вождей профсоюзов. Ну так что же? Я не вижу в этом ничего плохого. Рабочий

класс может только выиграть, если старые лидеры, предающие его интересы, будут дискредитированы и заменены новыми лидерами, преданными делу рабочего класса. И чем скорее будут сняты с постов такие реакционные и ненадёжные лидеры и заменены новыми, лучшими лидерами, свободными от реакционных замашек старых лидеров, — тем лучше.

Это, однако, не значит, что можно будто бы одним ударом сломить мощь реакционных лидеров и в короткий срок изолировать их, заменить их новыми, революционными вождями.

Некоторые лжемарксисты думают, что достаточно одного «революционного» жеста, достаточно одной крикливой выходки, чтобы сломить силу реакционных лидеров. Действительные марксисты не имеют и не могут иметь ничего общего с такими людьми.

Другие думают, что достаточно выработать коммунистам правильную линию, чтобы широкие массы рабочих мигом отвернулись от реакционеров-реформистов и мигом же сплотились вокруг коммунистической партии. Это совершенно неправильно. Так могут думать только немарксисты. На самом деле между правильной линией партии и тем, чтобы массы усвоили эту линию и приняли её, как правильную, — лежит дистанция больших размеров. Для того, чтобы партии повести за собой миллионные массы, для этого еще недостаточно одной лишь правильной линии, — для этого необходимо ещё, чтобы массы убедились на своём собственном опыте в правильности этой линии, чтобы массы восприняли политику партии и её лозунги, как свою политику и свои собственные лозунги, и стали их проводить в жизнь. Только при этом условии партия,

имеющая правильную политику, может превратиться в действительно руководящую силу класса.

Была ли политика британской компартии правильна во время общей забастовки в Англии? Да, была. Почему же ей не удалось повести за собой миллионы бастовавших рабочих? Потому, что эти массы не убедились еще в правильности политики компартии. А убедить массы в правильности партийной политики невозможно в короткий срок. Тем более это невозможно при помощи «революционных» жестов. Для этого необходимо время и неустанная, энергичная работа по разоблачению реакционных вождей, по политическому воспитанию отсталых масс рабочего класса, по выдвижению новых кадров рабочего класса на передовые посты.

Из этого нетрудно понять, почему нельзя в один миг уничтожить мощь реакционных вождей рабочего класса, почему необходимы для этого время и неустанная работа по просвещению миллионных масс рабочего класса.

Но из этого, тем более, не следует, что нужно растянуть дело разоблачения реакционных вождей на десятилетия, что будто бы разоблачение может притти само собой, самотёком, без какой бы то ни было обиды для реакционных вождей и без нарушения «священных правил» респектабельности. Нет, товарищи, никогда ничего не приходит «само собой». Разоблачение реакционных вождей и политическое просвещение масс должны произвести вы сами, коммунисты, и другие левые политические деятели путём неустанной работы в массах по их политическому просвещению. Только таким образом можно будет ускорить дело революционизирования широких рабочих масс.

Наконец, ещё одно замечание по поводу доклада Мерфи. Мерфи настойчиво указывал на специфические особенности рабочего движения в Англии, на роль и значение традиций в Англии, и, как мне кажется, намекал на то, что обычные марксистские методы руководства могут оказаться непригодными в Англии ввиду этих специфических особенностей. Мне кажется, что Мерфи становится на скользкий путь. Конечно, специфические особенности английского рабочего движения существуют и их надо учитывать обязательно. Но возводить эти особенности в принцип и класть их в основу работы — значит становиться на точку зрения людей, провозглашающих неприменимость марксизма к английским условиям. Я не думаю, чтобы Мерфи имел что-либо общее с такими людьми. Но я хочу сказать, что он близок к той грани, за которой начинается возведение английских особенностей в принцип.

Два слова о речи Гумбольдта. Гумбольдт, возражая, говорит, что критика не должна быть голой, беспредметной. Это верно. Но при чём тут ВЦСПС и ИККИ, критика которых является совершенно конкретной. Была ли критика героев «чёрной пятницы» [71] голой? Конечно, нет, ибо критику эту повторяют теперь все, кому не лень, после того, как «чёрная пятница» канула уже в историю. Но почему же, в таком случае, критика предательства лидеров Генсовета во время общей забастовки и потом, после продолжающейся забастовки углекопов, должна быть названа голой? Где же тут логика? Разве предательство во время общей забастовки менее гибельно, чем предательство в период «чёрной пятницы»?

Я против предлагаемого Гумбольдтом метода индивидуальной критики, если этот метод предлагается как

основной. Я думаю, что наша критика реакционных вождей должна быть критикой с точки зрения общей линии руководства, а не с точки зрения индивидуальных особенностей этих вождей. Я не против того, чтобы индивидуальная критика была использована, как побочное, как вспомогательное средство. Но я за то, чтобы в основе нашей критики лежала принципиальная линия. В противном случае вместо принципиальной критики может получиться склока и личные дрязги, что не может не принизить уровень нашей критики в ущерб интересам дела.

Печатается впервые

В РЕДАКЦИЮ ЦЕНТРАЛЬНОГО ОРГАНА РАБОЧЕЙ ПАРТИИ АМЕРИКИ — «ДЕЙЛИ УОРКЕР»[72]

Уважаемый товарищ редактор! Не откажите поместить в Вашей газете нижеследующее сообщение.

14 августа в нью-йоркском квазисоциалистическом еженедельнике «Нью Лидер»[73] были помещены без всякого указания источников поддельные заключительные замечания из будто бы моей, тоже поддельной, речи на пленуме ЦК ВКП(б).

Я не имею возможности и охоты читать все измышления буржуазных и полубуржуазных газет о советских деятелях и не обратил бы внимания на эту очередную ложь прессы капиталистов и их прислужников.

Однако через месяц после напечатания этих поддельных замечаний «Нью Лидер» прислал мне телеграмму, в которой просит меня «подтвердить всю июльскую суровую критику Зиновьева, приписываемую Вам в отчётах американских газет о заседаниях ЦК РКП».

Не считая возможным вступать в переписку с органом печати, который сам же мошеннически подделал «замечания» из моей речи, а теперь берёт на себя смелость с невинным видом запрашивать меня о подлинности «замечаний», прошу Вашего разрешения заявить

через Вашу газету, что помещённый в «Нью Лидер» от 14 августа 1926 года отчёт о «замечаниях Сталина» не имеет абсолютно ничего общего с моей речью на пленуме ЦК ВКП(б) ни по содержанию, ни по форме, ни по тону, что отчёт этот представляет, таким образом, сплошную и безграмотную подделку.

С коммунистическим приветом

И. Сталин

21.IX.26.

«Дейли Уоркер» (Чикаго, США)
№ 220, 30 сентября 1926 г.
На русском языке печатается впервые

ПИСЬМО СЛЕПКОВУ

Читал сегодня Вашу статью в «Правде» (№ 232, 8 октября 1926 г.). Статья, по-моему, хорошая. Но есть там одно неправильное место, которое портит картину.

Вы пишете, что всего год назад Троцкий «подчёркивал, что пролетариат не должен иметь никаких сомнений на тот счёт, что в нашей, технически отсталой, стране мы можем строить социализм, мы можем нашими внутренними силами обеспечивать **победоносное наступление** социалистических элементов хозяйства на рельсах нэпа». Вы противопоставляете, далее, это положение тезису Смилги о том, что «в нашей, технически отсталой, стране социализм **построить** невозможно», и утверждаете, что между Смилгой и Троцким имеется в этом вопросе противоречие.

Это, конечно, неверно, так как нет здесь противоречия.

Во-первых. Никогда еще Троцкий не говорил, ни в брошюре «К социализму или к капитализму?», ни в последующих писаниях, что мы можем в нашей, технически отсталой, стране **построить** социализм. **Строить** социализм и **построить** социализм — две вещи разные.

Ни Зиновьев, ни Каменев не отрицают, и не отрицали никогда, что мы можем начать **строить** социализм в нашей стране, ибо было бы идиотизмом отрицать для всех очевидный факт строительства социализма в нашей стране. Но они решительно отрицают тезис о том, что мы можем **построить** социализм. Зиновьева, Каменева, Троцкого, Смилгу и других объединяет по данному вопросу их отрицательное отношение к тезису Ленина о том, что мы можем **построить** социализм, что у нас имеется «всё необходимое для **построения** полного социалистического общества»[74]. Их объединяет то, что они считают возможным «**построение** полного социалистического общества» лишь при победе социалистической революции в основных странах Европы. Поэтому противопоставление Троцкого Смилге в вопросе о **построении** социализма в нашей стране совершенно неправильно.

Во-вторых. Если быть точным, то нужно сказать, что Троцкий никогда не говорил, что «в нашей, технически отсталой, стране... мы можем нашими внутренними силами обеспечивать **победоносное наступление** социалистических элементов хозяйства на рельсах нэпа». Фраза Троцкого об «исторической музыке растущего социализма» есть пустая дипломатическая отписка от положительного решения вопроса о **победоносном** строительстве социализма в нашей стране. Троцкий тут отписывается от вопроса, а Вы принимаете эту отписку за чистую монету. Другая фраза Троцкого о том, что «не может быть никаких оснований опасаться какихлибо неожиданностей, поскольку дело идёт о внутренних факторах нашего хозяйства»,— есть не решение вопроса, а его трусливое замазывание. Троцкий может

сказать, что **мы идём** к социализму. Но он никогда не говорил и не скажет, оставаясь на нынешней своей позиции, что мы «**можем** нашими внутренними силами обеспечивать победоносное наступление социалистических элементов хозяйства на рельсах нэпа», что мы **можем**, таким образом, **притти** к социализму без предварительной победы социализма в передовых странах Европы. Но зато Троцкий неоднократно говорил обратное тому, что Вы ему приписываете. Вспомните хотя бы речь Троцкого на апрельском пленуме ЦК (1926 г.), где Троцкий отрицал возможность такого хозяйственного наступления в нашей стране, какое необходимо для победоносного строительства социализма.

Выходит, что Вы нечаянно подкрасили Троцкого, так сказать,— оклеветали его.

И. Сталин

8 октября 1926 г.

Печатается впервые

О МЕРАХ СМЯГЧЕНИЯ ВНУТРИПАРТИЙНОЙ БОРЬБЫ

Речь на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 11 октября 1926 г.

Если откинуть мелочи, то можно было бы перейти прямо к делу.

О чём идёт спор? Об итоге той внутрипартийной борьбы, в которой оппозиция потерпела поражение. Борьбу начали не мы, не ЦК, а оппозиция. ЦК несколько раз отговаривал оппозицию от дискуссии, ЦК на пленуме апрельском, на пленуме июльском отговаривал её от дискуссии всесоюзного масштаба, потому что такая дискуссия означает обострение борьбы, опасность раскола и ослабление положительной работы партии и правительственных органов, по крайней мере, месяца на два.

Словом, дело идёт о том, чтобы подвести итог начатой оппозицией борьбе и сделать соответствующие выводы.

Не подлежит сомнению, что оппозиция потерпела жестокое поражение. Ясно также, что возмущение в рядах партии против оппозиции растёт. Теперь вопрос состоит в том, можем ли мы сохранить лидеров оппозиции, как членов ЦК, или нет? В этом теперь главный вопрос. Трудно согласиться с тем, чтобы люди,

поддерживающие Шляпникова и Медведева, находились у нас в ЦК. Трудно согласиться, чтобы люди, поддерживающие борьбу всяких Рут Фишер и Урбансов против Коминтерна, против нашей партии, оставались в составе ЦК.

Хотим ли мы сохранить лидеров оппозиции в составе ЦК? Я думаю, что хотим. Но чтобы их сохранить, они должны распустить свою фракцию, признать свои ошибки и отмежеваться от обнаглевших оппортунистов внутри и вне нашей партии. Оппозиция должна пойти на эти условия, если она хочет мира в партии.

Каковы наши условия?

Первый пункт — открыто заявить о безусловном подчинении решениям партийных органов. Видимо, этот пункт не встречает особых возражений со стороны оппозиции. Встарину у нас, у большевиков, бывало так: ежели одна часть партии осталась в меньшинстве, она не только подчиняется решениям большинства, не только их проводит, но даже выступает открыто с докладами в защиту решений партии. Мы этого от вас не требуем сейчас, мы не требуем от вас докладов в пользу той позиции, которую вы принципиально не разделяете. Не требуем, так как хотим облегчить вам трудное положение.

Второй пункт — открыто признать, что фракционная работа оппозиции была ошибочна и вредна для партии. Разве это не верно? Почему же оппозиционеры отказываются от фракционной работы, если она не вредна? Они входят с предложением распустить фракцию, отказываются от фракционной работы, обещают призвать своих единомышленников, своих сторонников, членов своих фракций, сложить оружие. Почему?

Потому, очевидно, что молчаливо исходят из ошибочности и недопустимости фракционной работы. Почему же этого не сказать открыто? Вот почему мы требуем, чтобы оппозиция признала открыто недопустимость, ошибочность её фракционной работы за последний период.

Третий пункт — насчёт того, чтобы отгородиться от Оссовских, Медведевых и т. п. Это требование абсолютно необходимо, по-моему. Я лично не представляю теперь членов ЦК, ведущих блок с Оссовским, против исключения которого оппозиция голосовала, или Медведевым, или Шляпниковым. Мы хотим, чтобы оппозиция от них отгородилась. Это только облегчит дело мира в нашей партии.

Четвёртый пункт — отгородиться от Корша, Маслова, Рут Фишер, Урбанса, Вебера и других. Почему? Потому, что, во-первых, эти люди ведут хулиганскую агитацию против Коминтерна и ВКП(б), против нашего Советского государства. Во-вторых, потому, что лидеры этой так называемой «ультралевой» фракции, а на самом деле оппортунистической фракции, Маслов и Рут Фишер, исключены из партии и Коминтерна. В-третьих, потому, что все они цепляются за оппозицию внутри ВКП(б) и солидаризуются с ней. Чем скорее оппозиция отгородится от такого хлама, тем лучше будет и для оппозиции, и для Коминтерна.

Последний пункт — не поддерживать фракционную борьбу против линии Коминтерна, ведомую со стороны различных оппортунистических групп внутри секций Коминтерна.

Таковы условия ЦК ВКП(б).

Теперь об условиях, выдвигаемых оппозицией.

Оппозиция требует от ЦК выполнения четырёх пунктов.

Первый пункт. «Пропаганда постановлений XIV съезда и последующих решений партии должна вестись в положительной форме без обвинения инакомыслящих в меньшевизме и т. п.». Как нужно понимать этот пункт? Если оппозиция предлагает свернуть пропаганду ЦК против оппозиции так, чтобы Центральный Комитет отказался выявить свою принципиальную линию против ошибок оппозиции, скажем, на предстоящей XV конференции ВКП(б), то мы этого принять не можем. Но если дело касается тона критики, то, конечно, можно в той или иной степени смягчить тон. Что касается самой критики принципиальных ошибок оппозиции, то она безусловно должна остаться в силе и впредь, ибо оппозиция не хочет отказаться от своих принципиальных ошибок.

Второй пункт — о праве отстаивать свои взгляды в своей партийной ячейке. Это требование отпадает, так как это право было и остаётся за членами партии всегда. Взгляды свои можно и нужно отстаивать в ячейке, но так надо отстаивать, чтобы не превращать деловую критику во всесоюзную дискуссию.

Третий пункт — о том, чтобы были пересмотрены дела исключённых из партии. У ЦК нет желания исключать людей из партии. Исключают потому, что другого выхода нет. Возьмите Смирнова, его исключили, его несколько раз предупреждали, потом исключили. Если бы он сказал, что признаёт свои ошибки, если бы он лойяльно вёл себя, можно было бы смягчить решения ЦКК. Но он не только не лойялен, не только не признаёт своих ошибок, но, наоборот, в своём заявлении обливает

грязью партию. Ясно, что при таком поведении Смирнова нельзя пересматривать его дело.

Вообще пересматривать решения в отношении людей, которые исключены, но которые не признают своих ошибок,— партия не может.

Четвёртый пункт — о том, что «перед съездом оппозиция должна получить возможность изложить перед партией свои взгляды». Это право оппозиции подразумевается само собой. Оппозиция не может не знать, что по уставу перед съездом партии ЦК должен дать дискуссионный листок. Поэтому требование оппозиции в этой части нельзя назвать требованием, так как ЦК не отрицает необходимости издания дискуссионного листка перед съездом партии.

Печатается впервые

ОБ ОППОЗИЦИОННОМ БЛОКЕ В ВКП(б)

Тезисы к XV Всесоюзной конференции ВКП(б), принятые конференцией и утверждённые ЦК ВКП(б) [75]

Характерной чертой переживаемого периода является усложнение борьбы между капиталистическими государствами и нашей страной, с одной стороны, и между социалистическими элементами и элементами капиталистическими внутри нашей страны, с другой стороны.

Если попытки мирового капитала к экономическому окружению нашей страны, к её политической изоляции, к замаскированной блокаде и, наконец, к прямой мести за помощь рабочих СССР борющимся рабочим Запада и угнетённым народам Востока создают трудности внешнего порядка, то переход нашей страны от восстановительного периода к периоду перестройки промышленности на основе новой техники и усложняющаяся в связи с этим борьба между капиталистическими и социалистическими элементами нашего хозяйства,— создают трудности внутреннего порядка.

Партия видит эти трудности и имеет возможность преодолевать их. Партия, при поддержке миллионных масс пролетариата, уже преодолевает эти трудности, уверенно ведя страну по пути к социализму. Но не все отряды нашей партии верят в возможность

дальнейшего поступательного движения. Некоторые части нашей партии, правда, малочисленные, испугавшись трудностей, испытывают усталость и колебания, впадают в отчаяние и культивируют упадочные настроения, заражаются неверием в творческие силы пролетариата и приходят к идеологии капитулянтства.

В этом смысле нынешний переломный период напоминает до известной степени переломный период октября 1917 года. Как тогда, в октябре 1917 года, сложная обстановка и трудности перехода от буржуазной революции к революции пролетарской породили колебания одной части партии, пораженчество и неверие в возможность взятия власти и удержания её пролетариатом (Каменев, Зиновьев), так и теперь, в нынешний переломный период, трудности перехода к новой фазе социалистического строительства порождают колебания в некоторых кругах нашей партии, неверие в возможность победы социалистических элементов нашей страны над элементами капиталистическими, неверие в возможность победоносного строительства социализма в СССР.

Оппозиционный блок является выражением этих упадочных и пораженческих настроений в рядах одной части нашей партии.

Партия видит трудности и имеет возможность преодолевать их. Но, чтобы побороть эти трудности, нужно, прежде всего, преодолеть упадочные настроения и пораженческую идеологию в рядах одной части партии.

Оппозиционный блок в своём документе от 16 октября 1926 года, отказываясь от фракционности и отмежёвываясь от явно меньшевистских группировок внутри ВКП(б) и вне её, вместе с тем заявляет, что

он остаётся на своих старых принципиальных позициях, не отказывается от своих принципиальных ошибок и будет защищать эти ошибочные взгляды в рамках устава партии.

Из этого следует, что оппозиционный блок думает и впредь культивировать в партии упадочные настроения и капитулянтство, что он думает и впредь пропагандировать в партии свои ошибочные взгляды.

Поэтому очередная задача партии состоит в том, чтобы вскрыть принципиальную несостоятельность основных взглядов оппозиционного блока, разъяснять их несовместимость с основами ленинизма и повести решительную идейную борьбу с принципиальными ошибками оппозиционного блока на предмет их полного преодоления.

I

ПЕРЕХОД «НОВОЙ ОППОЗИЦИИ» К ТРОЦКИЗМУ В ОСНОВНОМ ВОПРОСЕ О ХАРАКТЕРЕ И ПЕРСПЕКТИВАХ НАШЕЙ РЕВОЛЮЦИИ

Партия исходит из того, что наша революция является революцией социалистической, что Октябрьская революция представляет не только сигнал, толчок и исходный пункт социалистической революции на Западе, но она является вместе с тем, во-первых, базой дальнейшего развёртывания мирового революционного движения и, во-вторых, открывает собой переходный период от капитализма к социализму в СССР (диктатура пролетариата), на протяжении которого пролетариат, при правильной политике в отношении крестьянства, может и будет с успехом строить полное социалистическое общество, если, конечно, мощь

международного революционного движения, с одной стороны, и мощь пролетариата СССР, с другой, будут достаточно велики для того, чтобы оградить СССР от военной интервенции империализма.

Троцкизм придерживается совершенно других взглядов на характер и перспективы нашей революции. Несмотря на то, что троцкизм шёл в октябре 1917 года с партией, он исходил и продолжает исходить из того, что наша революция **сама по себе** не является, **по существу дела,** социалистической, что Октябрьская революция есть **лишь** сигнал, толчок и исходный пункт социалистической революции на Западе, что если наступит затяжка мировой революции и победоносная социалистическая революция на Западе не подоспеет в самый близкий период, то пролетарская власть в России должна будет пасть или переродиться (что одно и то же) под напором неизбежных столкновений между пролетариатом и крестьянством.

В то время как партия, организуя Октябрьскую революцию, исходила из того, что «возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране», что «победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство», может и должен встать «**против** остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетённые классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств» (**Ленин,** т. XVIII, стр. 232—233), — троцкизм, наоборот, сотрудничая с большевиками в период Октября, исходил из того, что «безнадёжно

думать...что, например, революционная Россия могла бы устоять перед лицом консервативной Европы» (Троцкий, т. III, ч. 1, стр. 90, «Программа мира», вышедшая впервые в августе 1917 г.).

В то время как партия исходит из того, что в Советском Союзе имеется «всё необходимое и достаточное» «для построения полного социалистического общества» (**Ленин**, «О кооперации»), троцкизм, наоборот, исходит из того, что «подлинный подъём социалистического хозяйства в России станет возможным только после победы пролетариата в важнейших странах Европы» (Троцкий, т. III, ч. 1, стр. 93, «Послесловие» к «Программе мира», написанное в 1922 г.).

В то время как партия исходит из того, что «10—20 лет правильных соотношений с крестьянством и обеспечена победа в всемирном масштабе» (**Ленин**, план брошюры «О продналоге» [76]), троцкизм, наоборот, исходит из того, что правильных соотношений с крестьянством не может быть у пролетариата до победы мировой революции, что пролетариат, взявший власть, «придёт во враждебные столкновения не только со всеми группировками буржуазии, которые поддерживали его на первых порах его революционной борьбы, но и с широкими массами крестьянства, при содействии которых он пришёл к власти», что «противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране, с подавляющим большинством крестьянского населения, смогут найти своё разрешение только в международном масштабе, на арене мировой революции пролетариата» (Троцкий, «Предисловие» к книге «1905», написанное в 1922 г.).

Конференция констатирует, что такие взгляды Троцкого и его единомышленников по основному вопросу

о характере и перспективах нашей революции не имеют ничего общего со взглядами нашей партии, с ленинизмом.

Конференция считает, что такие взгляды, принижая историческую роль и удельный вес нашей революции, как базы дальнейшего развития мирового революционного движения, ослабляя волю советского пролетариата к дальнейшему строительству социализма и препятствуя таким образом развязыванию сил международной революции, противоречат тем самым принципам действительного интернационализма и основной линии Коммунистического Интернационала.

Конференция считает, что эти взгляды Троцкого и его единомышленников являются прямым приближением ко взглядам социал-демократии в лице её нынешнего лидера, Отто Бауэра, утверждающего, что «в России, где пролетариат составляет только незначительное меньшинство нации, он может утвердить своё господство только временно», что «он должен неизбежно вновь потерять его, как только крестьянская масса нации сделается достаточно зрелой в культурном отношении для того, чтобы самой взять власть в свои руки», что «временное господство индустриального социализма в аграрной России есть только пламя, которое призывает пролетариат индустриального Запада к борьбе», что «только завоеванием политической власти со стороны пролетариата индустриального Запада можно обеспечить длительное господство индустриального социализма» в России (см. О. Бауэр, «Большевизм или социал-демократия», на немецком языке).

Конференция квалифицирует поэтому подобные взгляды Троцкого и его единомышленников, как **социал-**

демократический уклон в нашей партии в основном вопросе о характере и перспективах нашей революции.

Основным фактом в развитии внутрипартийных отношений в ВКП(б) после XIV съезда (осудившего принципиальные взгляды «новой оппозиции») является то обстоятельство, что «новая оппозиция» (Зиновьев, Каменев), боровшаяся раньше против троцкизма, против социал-демократического уклона в нашей партии, перешла на сторону идейных позиций троцкизма, что она целиком и полностью сдала свои прежние общепартийные позиции троцкизму, выступая теперь **за** троцкизм с таким же жаром, с каким она выступала раньше **против** троцкизма.

Переход «новой оппозиции» на сторону троцкизма определили два главных обстоятельства:

а) усталость, колебания, чуждые пролетариату упадочные настроения и пораженчество среди сторонников «новой оппозиции» перед лицом новых трудностей в переживаемый переломный период, причём нынешние колебания и пораженчество Каменева и Зиновьева возникли не случайно, а как повторение, рецидив тех колебаний и упадочных настроений, которые проявили они девять лет назад, в октябре 1917 года, перед лицом трудностей тогдашнего переломного периода;

б) полное поражение «новой оппозиции» на XIV съезде и возникшее в связи с этим стремление добиться во что бы то ни стало объединения с троцкистами для того, чтобы объединением двух групп, троцкистов и «новой оппозиции», возместить слабость и оторванность этих групп от пролетарских масс, тем более, что идейные позиции троцкизма вполне отвечали нынешним упадочным настроениям «новой оппозиции».

Этим же нужно объяснить тот факт, что оппозиционный блок превратился в сборный пункт всех и всяких, осуждённых партией и Коминтерном, обанкротившихся течений внутри ВКП(б) и вне её, от «демократических централистов»[77] и «рабочей оппозиции» в ВКП(б) до «ультралевых» оппортунистов в Германии и ликвидаторов суваринского толка[78] во Франции.

Отсюда же вытекают та неразборчивость в средствах и беспринципность в политике, которые легли в основу существования блока троцкистов и «новой оппозиции» и без которых они не могли бы собрать воедино разнообразные антипартийные течения.

Таким образом, троцкисты, с одной стороны, и «новая оппозиция» — с другой, вполне закономерно встретились на **общей** платформе социал-демократического уклона и беспринципного объединения разнообразных антипартийных элементов в борьбе против партии, образовав, таким образом, оппозиционный блок, представляющий — в новой форме — нечто вроде рецидива Августовского блока (1912—1914 гг.).

II

ПРАКТИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА ОППОЗИЦИОННОГО БЛОКА

Практическая платформа оппозиционного блока является прямым продолжением основной ошибки этого блока в вопросе о характере и перспективах нашей революции.

Важнейшие особенности практической платформы оппозиционного блока сводятся к следующим основным пунктам:

а) **Вопросы международного движения.** Партия исходит из того, что передовые капиталистические страны переживают, в общем и целом, состояние частичной, временной стабилизации, что нынешний период является периодом межреволюционным, обязывающим коммунистические партии к подготовке пролетариата к предстоящей революции, что наступление капитала, тщетно пытающегося упрочить стабилизацию, не может не вызывать ответной борьбы и объединения сил рабочего класса против капитала, что компартии должны вмешаться в обостряющуюся классовую борьбу и превратить атаки капитала в контратаки пролетариата на предмет завоевания диктатуры пролетариата, что для достижения этих целей коммунистические партии должны овладеть миллионными массами рабочего класса, всё еще примыкающими к реформистским профсоюзам и ко II Интернационалу, что тактика единого фронта является, таким образом, необходимой и обязательной для коммунистических партий.

Оппозиционный блок исходит из совершенно других предпосылок. Не веря во внутренние силы нашей революции и впадая в отчаяние перед лицом затяжки мировой революции, оппозиционный блок скатывается с почвы марксистского анализа классовых сил революции на почву «ультралевого» самообмана и «революционного» авантюризма, отрицает наличие частичной капиталистической стабилизации и сбивается, таким образом, на путь путчизма.

Отсюда требование оппозиции о пересмотре тактики единого фронта и срыве Англо-Русского комитета, непонимание роли профсоюзов и лозунг о замене

профсоюзов новыми, выдуманными «революционными» организациями пролетариата.

Отсюда поддержка со стороны оппозиционного блока «ультралевых» крикунов и оппортунистов в Коммунистическом Интернационале (например, в германской партии).

Конференция считает, что политика оппозиционного блока в области международной не отвечает интересам интернационального революционного движения.

б) **Пролетариат и крестьянство в СССР.** Партия исходит из того, что «Высший принцип диктатуры — это поддержание союза пролетариата с крестьянством, чтобы он мог удержать руководящую роль и государственную власть» (**Ленин**, т. XXVI, стр. 460), что пролетариат может и должен быть гегемоном в отношении основной массы крестьянства в области экономической, в области строительства социализма, так же, как он был в октябре 1917 года гегемоном крестьянства в области политической, в деле свержения власти буржуазии и установления диктатуры пролетариата; что индустриализация страны может быть проведена лишь в том случае, если она будет опираться на постепенное улучшение материального положения большинства крестьянства (беднота, середняки), представляющего основной рынок для нашей индустрии, что, ввиду этого, должна проводиться такая экономическая политика (политика цен, налоговая политика и т. д.), которая укрепляет смычку индустрии с крестьянским хозяйством и сохраняет союз рабочего класса и основной массы крестьянства.

Оппозиционный блок исходит из совершенно других предпосылок. Отходя от основной линии ленинизма

в крестьянском вопросе, не веря в гегемонию пролетариата в отношении крестьянства в деле социалистического строительства и рассматривая крестьянство, главным образом, как враждебную среду, оппозиционный блок предлагает такие экономические и финансовые мероприятия, которые способны лишь разложить смычку города с деревней, развалить союз рабочего класса и крестьянства и подорвать тем самым всякую возможность действительной индустриализации. Таковы, например: а) предложение оппозиции о повышении отпускных цен на промтовары, каковое повышение не может не вызвать повышения розничных цен, обнищания бедноты и значительных слоёв середняков, понижения ёмкости внутреннего рынка, разлада между пролетариатом и крестьянством, падения курса червонца и снижения, в конце концов, реальной заработной платы; б) предложение оппозиции о максимальном налоговом нажиме на крестьянство, каковой нажим не может не образовать трещины в деле союза рабочих и крестьян.

Конференция считает, что политика оппозиционного блока в отношении крестьянства не отвечает интересам индустриализации страны и диктатуры пролетариата.

в) **Борьба против партийного аппарата под флагом борьбы с бюрократизмом в партии.** Партия исходит из того, что партийный аппарат и партийные массы составляют единое целое, что партийный аппарат (ЦК, ЦКК, областные организации партии, губкомы, окружкомы, укомы, бюро ячеек и т. д.) олицетворяет собой руководящий элемент партии в целом, что партийный аппарат вмещает в себя лучших людей пролетариата,

которых можно и нужно критиковать за ошибки, которых можно и нужно «освежать», но которых нельзя шельмовать, не рискуя разложить партию и оставить её безоружной.

Оппозиционный блок исходит, наоборот, из противопоставления партийных масс партийному аппарату, старается принизить руководящую роль партийного аппарата, сводя её к функциям регистратора и пропагандиста, натравливает партийные массы на партийный аппарат и дискредитирует, таким образом, партийный аппарат, ослабляя его позиции в деле руководства государством.

Конференция считает, что такая политика оппозиционного блока, не имея ничего общего с ленинизмом, способна привести лишь к разоружению партии в её борьбе против бюрократизма государственного аппарата, за действительную переделку этого аппарата и тем самым за укрепление диктатуры пролетариата.

г) **Борьба против «режима» в партии под флагом борьбы за внутрипартийную демократию.** Партия исходит из того, что «кто хоть сколько-нибудь ослабляет железную дисциплину партии пролетариата (особенно во время его диктатуры), тот фактически помогает буржуазии против пролетариата» (Ленин, т. XXV, стр. 190), что внутрипартийная демократия необходима не для ослабления и развала пролетарской дисциплины в партии, а для её укрепления и упрочения, что без железной дисциплины в партии, без твёрдого режима в партии, подкрепляемого сочувствием и поддержкой миллионных масс пролетариата, невозможна диктатура пролетариата.

Оппозиционный блок исходит, наоборот, из противопоставления внутрипартийной демократии партийной дисциплине, смешивает свободу фракций и группировок с внутрипартийной демократией и старается использовать такого рода демократию для развала партийной дисциплины и подрыва единства партии. Естественно, что призыв оппозиционного блока к борьбе против «режима» в партии, ведущий на деле к защите свободы фракций и группировок в партии, является тем самым призывом, который с увлечением подхватывается антипролетарскими элементами нашей страны, как якорь спасения от режима диктатуры пролетариата.

Конференция считает, что борьба оппозиционного блока против «режима» в партии, не имея ничего общего с организационными принципами ленинизма, способна привести лишь к подрыву единства партии, к ослаблению диктатуры пролетариата и к развязыванию антипролетарских сил в стране, старающихся ослабить и развалить диктатуру.

Одним из средств разложения партийной дисциплины и обострения борьбы внутри партии оппозиционный блок избрал метод всесоюзной дискуссии, навязать которую (дискуссию) попытался он в октябре этого года. Считая необходимым свободное обсуждение вопросов разногласий в теоретических журналах нашей партии и признавая за каждым членом партии право свободной критики недостатков нашей партийной работы, конференция напоминает вместе с тем слова Ленина о том, что наша партия является не дискуссионным клубом, а боевой организацией пролетариата. Конференция считает, что всесоюзная дискуссия

может быть признана необходимой лишь в том случае, если: а) эта необходимость признаётся, по крайней мере, несколькими местными парторганизациями губернского или областного масштаба; б) если внутри ЦК нет налицо достаточно твёрдого большинства в важнейших вопросах партийной политики; в) если, несмотря на наличие твёрдого большинства в ЦК, стоящего на определённой точке зрения, ЦК всё же считает необходимым проверить правильность своей политики путём дискуссионного обсуждения в партии. При этом во всех этих случаях всесоюзная дискуссия может начинаться и проводиться лишь после соответствующего решения ЦК.

Конференция констатирует, что в момент, когда оппозиционный блок требовал открытия всесоюзной дискуссии, не имелось в наличии ни одного из этих условий.

Конференция считает поэтому, что ЦК партии поступил вполне правильно, признав дискуссию нецелесообразной и осудив оппозиционный блок за его попытки навязать партии всесоюзную дискуссию по уже решённым партией вопросам.

Подводя итоги анализу практической платформы оппозиционного блока, конференция устанавливает, что эта платформа знаменует собой отход оппозиционного блока от классовой линии пролетарской революции в важнейших вопросах международной и внутренней политики.

III

«РЕВОЛЮЦИОННЫЕ» СЛОВА И ОППОРТУНИСТИЧЕСКИЕ ДЕЛА ОППОЗИЦИОННОГО БЛОКА

Характерной особенностью оппозиционного блока является тот факт, что он, будучи на деле выражением социал-демократического уклона в нашей партии, защищая на деле оппортунистическую политику, старается, тем не менее, облечь свои выступления в революционную фразеологию, старается критиковать партию «слева», старается рядиться в «левую» тогу. Объясняется это обстоятельство тем, что коммунистические пролетарии, к которым, главным образом, и апеллирует оппозиционный блок, являются наиболее революционными из всех пролетариев в мире, что они, воспитанные в духе революционных традиций, не будут просто слушать откровенных критиков справа, ввиду чего оппозиционный блок, для того, чтобы сбыть свой оппортунистический товар, вынужден приклеить к нему ярлык революционности, хорошо зная, что только при такой уловке можно будет привлечь к себе внимание революционных пролетариев.

Но так как оппозиционный блок является всё же проводником социал-демократического уклона, так как он защищает на деле оппортунистическую политику, то слова и дела оппозиционного блока неизменно вступают между собой в конфликт. Отсюда внутренняя противоречивость в работе оппозиционного блока. Отсюда разлад между словом и делом, между революционной фразой и оппортунистическим делом.

Оппозиция крикливо критикует партию и Коминтерн «слева» и предлагает, вместе с тем, пересмотр тактики единого фронта, срыв Англо-Русского комитета, отход от профсоюзов, замену их новыми «революционными» организациями, думая всем этим двинуть вперёд революцию, а на деле получается из этого помощь Томасу и Удегесту, отрыв компартий от профсоюзов, ослабление позиций мирового коммунизма,— стало быть, замедление революционного движения. На словах — «революционеры», а на деле — пособники Томасов и Удегестов.

Оппозиция с большим шумом «разносит» партию «слева» и требует, вместе с тем, повышения отпускных цен на промтовары, думая этим ускорить индустриализацию, а на деле должна получиться из этого дезорганизация внутреннего рынка, развал смычки индустрии с крестьянским хозяйством, падение курса червонца, падение реальной заработной платы и, стало быть,— подрыв какой бы то ни было индустриализации. На словах — индустриалисты, а на деле — пособники противников индустриализации.

Оппозиция обвиняет партию в нежелании борьбы с бюрократизмом госаппарата и предлагает, вместе с тем, повышение отпускных цен, думая, очевидно, что повышение отпускных цен не имеет отношения к вопросу о бюрократизме госаппарата, а на деле выходит, что из этого должна получиться полная бюрократизация государственного хозяйственного аппарата, ибо высокие отпускные цены являются вернейшим средством захирения промышленности, превращения её в тепличное растение и бюрократизации хозяйственного

аппарата. На словах — против бюрократизма, а на деле — защитники и проводники бюрократизации государственного аппарата.

Оппозиция шумит и кричит против частного капитала и предлагает, вместе с тем, извлечь из области обращения государственные капиталы в пользу промышленности, думая этим подорвать частный капитал, а на деле получается из этого всемерное усиление частного капитала, ибо извлечение государственных капиталов из обращения, представляющего основную область работы частного капитала, не может не отдать торговлю в полное распоряжение частного капитала. На словах — борьба с частным капиталом, а на деле — помощь частному капиталу.

Оппозиция кричит о перерождении партийного аппарата, а на деле получается, что, когда ЦК ставит вопрос об исключении одного из действительно переродившихся коммунистов, г-на Оссовского, оппозиция проявляет максимум лойяльности к этому господину, голосуя против его исключения. На словах — против перерождения, а на деле — пособники и защитники перерождения.

Оппозиция кричала о внутрипартийной демократии и требовала, вместе с тем, всесоюзной дискуссии, думая этим реализовать внутрипартийную демократию, а на деле оказалось, что, навязывая громадному большинству партии дискуссию от лица ничтожного меньшинства её, оппозиция совершила грубейший акт нарушения какой бы то ни было демократии. На словах — за внутрипартийную демократию, а на деле — нарушение основных принципов всякой демократии.

В переживаемый нами период обострённой классовой борьбы, в рабочем движении может иметь место лишь одна из двух возможных политик: либо политика меньшевизма, либо политика ленинизма. Попытки оппозиционного блока занять среднее положение между двумя противоположными линиями, под прикрытием «левой», «революционной» фразеологии и при заострении критики против ВКП(б), должны были привести, и действительно привели, к сползанию оппозиционного блока в лагерь противников ленинизма, в лагерь меньшевизма.

Враги ВКП(б) и Коминтерна знают цену «революционной» фразеологии оппозиционного блока. Поэтому, проходя мимо этой фразеологии, как ничего не стоящей, они единодушно восхваляют оппозиционный блок за его нереволюционные дела, подхватывая оппозиционный лозунг борьбы с основной линией ВКП(б) и Коминтерна, как свой собственный лозунг. Нельзя считать случайностью тот факт, что эсеры и кадеты, русские меньшевики и немецкие «левые» социал-демократы,— все они нашли возможным выразить открыто сочувствие борьбе оппозиционного блока против нашей партии, рассчитывая на то, что борьба оппозиционного блока приведёт к расколу, а раскол развяжет антипролетарские силы нашей страны, на радость врагам революции.

Конференция считает, что партия должна обратить особое внимание на разоблачение «революционной» маскировки и выявление оппортунистической сущности оппозиционного блока.

Конференция считает, что партия должна охранять единство своих рядов, как зеницу ока, считая,

что единство нашей партии является основным противоядием против всех и всяких контрреволюционных поползновений врагов революции.

IV
ВЫВОДЫ

Подводя итоги пройденной стадии внутрипартийной борьбы, XV конференция ВКП(б) констатирует, что партия выявила в этой борьбе свой огромный идейный рост, отвергла без колебаний принципиальные взгляды оппозиции и добилась быстрой и решительной победы над оппозиционным блоком, заставив его открыто отказаться от фракционности и вынудив его отмежеваться от явно оппортунистических группировок внутри и вне ВКП(б).

Конференция констатирует, что, в результате попыток оппозиционного блока навязать партии дискуссию и подорвать её единство, партийные массы ещё более сплотились вокруг ЦК, изолировали тем самым оппозицию и обеспечили, таким образом, действительное единство рядов нашей партии.

Конференция считает, что только при активной поддержке широких партийных масс ЦК мог добиться таких успехов, что активность и сознательность, проявленные партийными массами в борьбе с дезорганизаторской работой оппозиционного блока, являются лучшими показателями того, что партия живёт и развивается на началах действительной внутрипартийной демократии.

Одобряя целиком и полностью политику ЦК в его борьбе за обеспечение единства, конференция считает,

что задачи партии в дальнейшем должны состоять в следующем:

1) Следить за тем, чтобы достигнутый минимум, необходимый для единства партии, был действительно проведён в жизнь.

2) Вести решительную идейную борьбу с социал-демократическим уклоном в нашей партии, разъясняя массам ошибочность принципиальных взглядов оппозиционного блока и выставляя на свет оппортунистическое содержание этих взглядов, какими бы «революционными» фразами они ни прикрывались.

3) Добиваться того, чтобы оппозиционный блок признал ошибочность своих взглядов.

4) Всемерно охранять единство партии, пресекая все и всякие попытки возобновления фракционности и нарушения дисциплины.

«Правда» № 247,
26 октября 1926 г.

О СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ УКЛОНЕ В НАШЕЙ ПАРТИИ

Доклад на XV Всесоюзной конференции ВКП(б)[79]
1 ноября 1926 г.

I

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ОППОЗИЦИОННОГО БЛОКА

Товарищи! Первый вопрос, которого нужно коснуться в докладе, это вопрос об образовании оппозиционного блока, об этапах его развития и, наконец, об его начавшемся уже развале. Эта тема является, по-моему, необходимой темой, как введение в существо вопроса о тезисах об оппозиционном блоке.

Еще на XIV съезде партии Зиновьев дал сигнал к подтягиванию всех оппозиционных течений и к объединению их в одну силу. Товарищи делегаты конференции должно быть помнят эту речь Зиновьева. Не может быть никакого сомнения, что такой призыв не мог не найти отклика в рядах троцкистов, которые с самого начала придерживались той мысли, что группировки должны быть более или менее свободны и они должны более или менее объединяться для того, чтобы вести борьбу против той основной линии партии, которая Троцкого давно уже не удовлетворяет.

Это была, так сказать, подготовительная работа по сформированию блока.

1. ПЕРВЫЙ ЭТАП

Первый серьёзный шаг по сформированию блока был предпринят оппозицией во время апрельского пленума ЦК[80], в связи с тезисами Рыкова о хозяйственном положении. Полной сговорённости между «новой оппозицией» и троцкистами тогда не было еще, но что блок в основном был уже готов — в этом нельзя было уже сомневаться. Товарищи, читавшие стенограмму апрельского пленума, поймут, что это совершенно верно. В основном обе группы успели уже сговориться, но были оговорки, из-за которых им пришлось внести к тезисам Рыкова не общие для всей оппозиции поправки, а два параллельных ряда поправок. Один ряд поправок, исходивший от «новой оппозиции», во главе с Каменевым, и другой ряд поправок, исходивший от группы троцкистов. Но что в основном они били в одну точку, и что пленум уже тогда говорил, что они реставрируют в новой форме Августовский блок, это — несомненный факт.

В чём же состояли тогда эти оговорки?

Вот что говорил тогда Троцкий:

«Недостатком поправок тов. Каменева я считаю то, что в них диференциация деревни поставлена, как бы, до некоторой степени независимо от индустриализации. Между тем, значение и социальный вес крестьянской диференциации и её темпа определяется ростом и темпом индустриализации по отношению к деревне в целом».

Оговорка немаловажная.

В ответ на это Каменев в свою очередь делает оговорку в отношении троцкистов:

«Не имею возможности, — говорит он, — присоединиться к той их части (т.е. части поправок Троцкого к проекту резолюции

Рыкова), которая оценивает прошлую хозяйственную политику партии, которую я на 100 процентов защищал».

«Новой оппозиции» не нравилось, что Троцкий критикует хозяйственную политику, которой руководил Каменев за предыдущий период. А Троцкому в свою очередь не нравилось, что вопросы диференциации крестьянства отрываются «новой оппозицией» от вопроса об индустриализации.

2. ВТОРОЙ ЭТАП

Второй этап — это июльский пленум ЦК[81]. На этом пленуме мы имеем уже формально сколоченный блок, блок без оговорок. Оговорки Троцкого сняты, сданы в архив, так же, как оговорки Каменева сняты и сданы в архив. У них теперь имеется уже общая «декларация», которая всем вам хорошо известна, товарищи, как документ антипартийный. Таковы характерные черты второго этапа в развитии оппозиционного блока.

Сколотился блок и оформился он в этот период не только на почве взаимного отказа от поправок, но и на почве взаимной «амнистии». Мы имеем за этот период интересное заявление Зиновьева насчёт того, что оппозиция, её основное ядро в 1923 году, т. е. троцкисты были правы в вопросе о перерождении партии, т. е. в главном вопросе о практической позиции троцкизма, вытекающем из его принципиальной позиции. Мы имеем, с другой стороны, не менее интересное заявление Троцкого о том, что его «Уроки Октября», направленные специально против Каменева и Зиновьева, как «правого крыла» партии, повторяющего теперь октябрьские ошибки, — являются ошибкой, что начало правого уклона в партии и

перерождения надо отнести не к Каменеву и к Зиновьеву, а, скажем, к Сталину.

Вот что говорил Зиновьев в июле этого года:

«Мы говорим, что сейчас уже не может быть никакого сомнения в том, что основное ядро оппозиции 1923 года, как это выявила эволюция руководящей линии фракции (т. е. большинства ЦК), **правильно предупреждало** об опасностях сдвига с пролетарской линии и об угрожающем росте аппаратного режима».

Иначе говоря: недавние утверждения Зиновьева и резолюция XIII съезда[82] о том, что Троцкий ревизует ленинизм, что троцкизм является мелкобуржуазным уклоном,— всё это было ошибкой, недоразумением, что опасность не в троцкизме, а в ЦК.

Это есть беспринципнейшая «амнистия» троцкизма.

С другой стороны, Троцкий в июле месяце заявляет:

«Несомненно, что в «Уроках Октября» я связывал оппортунистические сдвиги политики с именами Зиновьева и Каменева. Как свидетельствует опыт идейной борьбы в ЦК, это было грубой ошибкой. Объяснение этой ошибки кроется в том, что я не имел возможности следить за идейной борьбой внутри семёрки и во-время установить, что оппортунистические сдвиги вызывались группой, возглавляемой тов. Сталиным против тт. Зиновьева и Каменева».

Это значит, что Троцкий открыто отрёкся от своих нашумевших «Уроков Октября», дав тем самым «амнистию» Зиновьеву и Каменеву в обмен за ту «амнистию», которую он получил от Каменева и Зиновьева.

Прямая и открытая беспринципная сделка.

Итак, отказ от апрельских оговорок и взаимная «амнистия» за счёт принципов партии,— вот те элементы, которые определили полное оформление блока, как блока против партии.

3. ТРЕТИЙ ЭТАП

Третий этап в развитии блока — это открытые выступления оппозиции против партии в конце сентября и в начале октября этого года в Москве и Ленинграде, это тот период, когда лидеры блока, отдохнув там, на юге, и набравшись сил, вернулись в центр и пошли в прямую атаку на партию. Раньше чем перейти от нелегальных форм борьбы против партии к открытым формам борьбы, они здесь, в Политбюро (меня не было тогда в Москве), оказывается, говорили: «Мы вам покажем, мы пойдём на рабочие собрания, и пусть рабочие скажут, кто прав, мы вам покажем». И они стали путешествовать от ячеек к ячейкам. Но результаты этого выступления оказались, как вам известно, плачевными для оппозиции. Вы знаете, что они потерпели поражение. Из печати известно, что как в Ленинграде, так и в Москве, как в промышленных районах Советского Союза, так и в непромышленных районах оппозиционный блок получил решительный отпор со стороны партийных масс. Сколько голосов они получили, сколько высказалось за ЦК, я повторять не буду, это известно из печати. Ясно одно, что расчёты оппозиционного блока не оправдались. С этого момента начинается поворот оппозиции в сторону мира в партии. Поражение оппозиции не прошло, очевидно, даром. Это было 4 октября, когда оппозиция внесла в ЦК заявление о мире и когда впервые, после ругани и наскоков, мы услышали от оппозиции слова, напоминающие слова партийцев: пора прекратить «внутрипартийную распрю» и наладить «совместную работу».

Таким образом, оппозиция, потерпев поражение, оказалась вынужденной притти к тому, к чему её

неоднократно призывал ЦК,—к вопросу о мире в партии.

Естественно, что ЦК, верный директивам XIV съезда о необходимости единства, охотно согласился с предложением оппозиции, хотя он и знал, что предложение оппозиции не вполне искренно.

4. ЧЕТВЁРТЫЙ ЭТАП

Четвёртый этап — это период, когда было выработано известное «заявление» лидеров оппозиции от 16 октября этого года. Обычно его квалифицируют как капитуляцию. Я не буду давать резкой квалификации, но ясно, что заявление это говорит не о победах оппозиционного блока, а об его поражении. Истории наших переговоров я рассказывать не стану, товарищи. Переговоры велись при стенографических записях и вы имеете возможность познакомиться с этим делом по стенограмме. Я хотел бы остановиться только на одном инциденте. Оппозиционный блок предлагал в первом абзаце «заявления» сказать, что они остаются при своих взглядах, и остаются не просто, а «полностью» на своих старых позициях. Мы убеждали оппозиционный блок не настаивать на этом. Почему? По двум причинам.

Во-первых, потому, что если они, отказавшись от фракционности, отказались вместе с тем от теории и практики свободы фракций, отмежевались от Оссовского, «рабочей оппозиции», группы Маслова — Урбанса, то это значит, что оппозиция отказалась тем самым не только от фракционных методов борьбы, но и от некоторых политических позиций. Можно ли после этого говорить, что оппозиционный блок остаётся «полностью» при своих

ошибочных взглядах, при своих идейных позициях? Конечно, нельзя.

Во-вторых, мы говорили оппозиции, что ей самой невыгодно кричать о том, что они, оппозиционеры, остаются, да еще «полностью» на старых позициях, ибо рабочие с полным основанием скажут: «значит оппозиционеры хотят драться и впредь, значит мало им наклали, значит надо их и впредь бить». (Смех, возгласы: «Правильно!».) Тем не менее они не согласились с нами и приняли лишь предложение исключить слово «полностью», сохранив фразу о том, что они остаются на старых позициях. Пусть теперь они расхлёбывают кашу, скору юни тем самым заварили на свою голову. (Голоса: «Правильно!».)

5. ЛЕНИН И ВОПРОС О БЛОКЕ В ПАРТИИ

Зиновьев говорил недавно, что у ЦК нет оснований ругать их блок, так как Ильич одобрял будто бы вообще блоки в партии. Я должен сказать, товарищи, что заявление Зиновьева не имеет ничего общего с позицией Ленина. Ленин никогда не одобрял всякие блоки в партии. Ленин стоял лишь за принципиальные и революционные блоки против меньшевиков, ликвидаторов, отзовистов. Ленин всегда боролся против беспринципных и антипартийных блоков в партии. Кому не известно, что Ленин три года боролся против Августовского блока Троцкого, до полной победы над ним, как против антипартийного и беспринципного блока. Ильич никогда не стоял за всякие блоки. Ильич стоял только за такие блоки в партии, которые являются принципиальными, во-первых, и, во-вторых, которые преследуют цель укрепления партии

против ликвидаторов, против меньшевиков, против колеблющихся элементов. История нашей партии знает опыт такого блока ленинцев с плехановцами (это было в 1910—1912 гг.) против блока ликвидаторов, когда сформировался против партии Августовский блок, куда входили Потресов и прочие ликвидаторы, Алексинский и другие отзовисты, и во главе которого стоял Троцкий. Был один блок, блок антипартийный, Августовский блок, беспринципный, авантюристский, и был другой блок, блок ленинцев с плехановцами, т. е. революционными меньшевиками (тогда Плеханов был революционным меньшевиком). Вот такие блоки Ленин признавал, и мы все признаём такие блоки.

Если блок внутри партии повышает боеспособность партии и ведёт её вперёд, то мы за него, за такой блок. Ну, а ваш блок, уважаемые оппозиционеры, разве он, этот самый блок, повышает боеспособность нашей партии, разве он, этот самый блок, является принципиальным? Какие принципы вас объединяют, скажем, с группой Медведева? Какие принципы вас объединяют, скажем, с группой Суварина во Франции или Маслова в Германии? Какие принципы объединяют вас самих, «новую оппозицию», которая считала еще недавно троцкизм разновидностью меньшевизма, с троцкистами, которые считали еще недавно лидеров «новой оппозиции» оппортунистами?

И затем, разве ваш блок направлен в сторону и в пользу партии, а не против партии? Разве он повысил боеспособность и революционность нашей партии хотя бы на иоту? Ведь весь мир знает теперь, что за 8 или 6 месяцев существования вашего блока вы старались тащить партию назад, к «революционной» фразе, к

беспринципности, вы старались разложить партию и довести её до паралича, до раскола.

Нет, товарищи, оппозиционный блок не имеет ничего общего с тем блоком, который Ленин с плехановцами заключил в 1910 году против Августовского блока оппортунистов. Наоборот, нынешний оппозиционный блок напоминает в основном Августовский блок Троцкого как своей беспринципностью, так и своей оппортунистической основой.

Организуя такой блок, оппозиционеры отошли, таким образом, от той основной линии, которую Ленин старался проводить. Ленин всегда говорил нам, что самая правильная политика есть принципиальная политика. Оппозиция, сколотившись в одну группу, решила, наоборот, что самая правильная политика есть политика беспринципная.

Поэтому оппозиционный блок не может существовать долго, он должен неминуемо распасться и разложиться.

Таковы этапы развития оппозиционного блока.

6. ПРОЦЕСС РАЗЛОЖЕНИЯ ОППОЗИЦИОННОГО БЛОКА

Чем характеризуется теперь состояние оппозиционного блока? Его можно было бы охарактеризовать как состояние постепенного распада блока, как состояние постепенного отпадения от блока его составных элементов, как состояние разложения блока. Только так можно охарактеризовать нынешнее состояние оппозиционного блока. Оно так и должно быть, ибо блок беспринципный, блок оппортунистический в рядах нашей партии долго существовать не может. Мы знаем уже, что группа Маслова и Урбанса отпадает от оппозиционного блока. Мы слышали уже вчера,

что Медведев и Шляпников отказались от допущенных ими грехов и отходят от блока. Известно, кроме того, что внутри блока, т. е. между оппозицией «новой» и оппозицией «старой», тоже имеется размолвка, которая должна будет сказаться на этой конференции.

Выходит, таким образом, что блок-то они сформировали и сформировали его с большой помпой, а результат получился обратный тому, чего они ожидали от блока. Конечно, с точки зрения арифметики они должны были получить плюс, ибо сложение сил даёт плюс, но оппозиционеры не учли того, что, кроме арифметики, есть ещё алгебра, что по алгебре не всякое сложение сил даёт плюс (с м е х), ибо дело зависит не только от сложения сил, но и от того, какие знаки стоят перед слагаемыми. (П р о д о л ж и т е л ь н ы е а п л о д и с м е н т ы.) Получилось то, что они, сильные по части арифметики, оказались слабыми по части алгебры, причём, складывая силы, они не только не увеличили свою армию, а, наоборот, довели её до минимума, довели её до развала.

Чем была сильна зиновьевская группа?

Тем, что она вела решительную борьбу против основ троцкизма. Но коль скоро зиновьевская группа отказалась от своей борьбы с троцкизмом, она, так сказать, оскопила себя, лишила себя силы.

Чем была сильна группа Троцкого?

Тем, что она вела решительную борьбу против ошибок Зиновьева и Каменева в октябре 1917 года и против их рецидива в настоящем. Но коль скоро эта группа отказалась от борьбы с уклоном Зиновьева и Каменева, она оскопила себя, лишила себя силы.

Получилось сложение сил оскоплённых. (С м е х, п р о д о л ж и т е л ь н ы е а п л о д и с м е н т ы.)

Ясно, что из этого не могло получиться ничего, кроме конфуза. Ясно, что честнейшие из группы Зиновьева должны были отойти после этого от Зиновьева так же, как лучшие люди из троцкистов должны были покинуть Троцкого.

7. НА ЧТО РАССЧИТЫВАЕТ ОППОЗИЦИОННЫЙ БЛОК?

Каковы перспективы оппозиции? На что они рассчитывают? Я думаю, что они рассчитывают на ухудшение положения в стране и партии. Сейчас они свёртывают свою фракционную работу, так как времена нынче «трудные» для них. Но если они не отказываются от своих принципиальных взглядов, если они решили остаться на старых своих позициях, то из этого следует, что они будут выжидать, ждать «лучших времён», когда им можно будет, накопивши силы, вновь выступить против партии. В этом не может быть никаких сомнений.

Недавно один из оппозиционеров, перешедший на сторону партии, рабочий Андреев, сообщил о планах оппозиции интересную вещь, которую необходимо, по-моему, отметить на конференции. Вот что об этом рассказывал нам тов. Ярославский в своём докладе на октябрьском пленуме ЦК и ЦКК:

> «Андреев, который вёл в течение довольно долгого времени работу в оппозиции, в конце концов пришёл к убеждению, что он не может больше работать с ними. Его привело к этому, главным образом, то обстоятельство, что он услышал от оппозиции две вещи: первая — то, что оппозиция натолкнулась на «реакционное» настроение рабочего класса, а вторая — то, что экономическое положение оказалось не так плохо, как они думали».

Я думаю, что Андреев, бывший оппозиционер, а ныне партиец, высказал то, что у оппозиции на душе,

и чего она не решится сказать открыто. Чувствуют они, очевидно, что экономическое положение теперь лучше, чем они предполагали, а настроение рабочих не так плохо, как они хотели бы. Отсюда политика временного свёртывания «работы». Ясно, что если потом несколько обострится экономическое положение, — в чём оппозиционеры убеждены,— и в связи с этим ухудшится настроение рабочих, — в чём они тоже убеждены, — то они не замедлят развернуть «работу», развернуть свои идейные позиции, от которых они не отказались, и пойти на открытую борьбу с партией.

Вот каковы, товарищи, перспективы оппозиционного блока, который распадается, но еще не распался и, пожалуй, не распадётся скоро без решительной и беспощадной борьбы со стороны партии.

Но раз они готовятся к борьбе и ждут «лучших времён» для того, чтобы возобновить открытую борьбу с партией, то и партии зевать не полагается. Отсюда задачи партии: вести решительную идейную борьбу против ошибочных взглядов оппозиции, на основе которых она остаётся, разоблачать оппортунистическую сущность этих идей, какими бы «революционными» фразами они ни прикрывались, и вести дело к тому, чтобы оппозиция была вынуждена отказаться от своих ошибок под страхом окончательного разгрома.

II

ОСНОВНАЯ ОШИБКА ОППОЗИЦИОННОГО БЛОКА

Перехожу, товарищи, ко второму вопросу, к вопросу об основной ошибке оппозиционного блока в основном вопросе о характере и перспективах нашей революции.

Основной вопрос, разделяющий партию с оппозиционным блоком, — это вопрос о том, возможна ли победа социализма в нашей стране, или, что то же, каков характер и каковы перспективы нашей революции.

Вопрос этот не нов, он более или менее подробно обсуждён, между прочим, на апрельской конференции 1925 года, на XIV конференции. Теперь, в новой обстановке, он снова всплыл, и нам придётся заняться этим вопросом вплотную, причём, так как на недавнем объединённом заседании пленумов ЦК и ЦКК Троцкий и Каменев бросили обвинение в том, что в тезисах об оппозиционном блоке неправильно переданы их взгляды, я вынужден привести в своём докладе ряд документов и цитат, подтверждающих основные положения тезисов об оппозиционном блоке. Заранее извиняюсь, товарищи, но я вынужден так поступить.

Перед нами стоят три вопроса:

1) Возможна ли победа социализма в нашей стране, учитывая то обстоятельство, что наша страна является пока единственной страной диктатуры пролетариата, что пролетарская революция в других странах еще не победила, что темп мировой революции замедлился.

2) Если она, эта победа, возможна, то можно ли назвать такую победу полной победой, окончательной победой.

3) Если такую победу нельзя назвать окончательной, то какие условия необходимы для того, чтобы она, эта победа, стала окончательной.

Таковы три вопроса, которые объединяются в общий вопрос о возможности победы социализма в одной стране, т. е. в нашей стране.

1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Как марксисты решали этот вопрос раньше, скажем, в 40-х годах прошлого столетия, в 50—60-х годах, вообще в период, когда монополистического капитализма не было еще, когда закон неравномерного развития капитализма не был еще открыт и не мог быть открыт, когда в связи с этим вопрос о победе социализма в отдельных странах не ставился еще в той плоскости, в какой он был поставлен впоследствии? Мы все, марксисты, начиная с Маркса и Энгельса, придерживались тогда того мнения, что победа социализма в одной, отдельно взятой, стране невозможна, что для того, чтобы социализм победил, необходима одновременная революция в ряде стран, в ряде, по крайней мере, наиболее развитых, цивилизованных стран. И это было правильно тогда. Для характеристики этих взглядов я хотел бы привести одну характерную цитату из набросков Энгельса «Принципы коммунизма», ставящую вопрос в самой резкой форме. Этот набросок послужил потом основой «Коммунистического Манифеста». Он написан в 1847 году. Вот что говорит Энгельс в этом наброске, опубликованном всего несколько лет тому назад.

«Может ли эта революция (т. е. революция пролетариата. **Н. Ст.) произойти** в одной какой-нибудь стране?

Ответ: **Нет.** Крупная промышленность уже тем, что она создала мировой рынок, так связала между собою все народы земного шара, в особенности цивилизованные народы, что каждый из них зависит от того, что происходит у другого. Затем крупная промышленность так уравняла общественное развитие во всех цивилизованных странах, что всюду буржуазия и пролетариат стали двумя решающими классами общества и борьба между ними — главной борьбой нашего времени. **Поэтому**

коммунистическая революция будет не только национальной, но произойдёт одновременно во всех цивилизованных странах, т. е., по крайней мере, в Англии, Америке, Франции и Германии. В каждой из этих стран она будет развиваться быстрее или медленнее, в зависимости от того, в какой из этих стран более развита промышленность, больше накоплено богатств и имеется более значительное количество производительных сил. Поэтому она осуществится медленнее и труднее всего в Германии, быстрее и легче всего в Англии. Она окажет также значительное влияние на остальные страны мира и совершенно изменит и чрезвычайно ускорит их прежний ход развития. Она есть всемирная революция и будет поэтому иметь всемирную арену» * (**Ф. Энгельс,** «Принципы коммунизма». См. «Коммунистический Манифест», Гиз, 1923 г., стр. 317).

Это написано в 40-х годах прошлого столетия, когда монополистического капитализма не было еще. Характерно, что тут нет даже упоминания о России, Россия вообще отсутствует. И это вполне понятно, так как России с её революционным пролетариатом, России, как революционной силы, не было еще тогда, да и не могло быть.

Правильно ли было то, что сказано здесь, в этой цитате, в условиях домонополистического капитализма, правильно ли это было в тот период, когда Энгельс писал об этом? Да, правильно.

Правильно ли это положение теперь, в новых условиях монополистического капитализма и пролетарской революции? Нет, уже неправильно.

В старый период, в период домонополистического капитализма, в период доимпериалистический, когда земной шар не был еще поделён между финансовыми группами, когда насильственный передел уже поделённого

* Курсив мой. **И. Ст.**

не являлся еще вопросом жизни и смерти капитализма, когда неравномерность экономического развития не была и не могла быть столь острой, какой она стала потом, когда противоречия капитализма не были еще доведены до той степени развития, когда они превращают капитализм цветущий в капитализм умирающий, открывая возможность победы социализма в отдельных странах, — в этот старый период формула Энгельса была, бесспорно, правильной. В новый период, в период развития империализма, когда неравномерность развития капиталистических стран превратилась в решающую силу империалистического развития, когда неизбежные конфликты и войны между империалистами ослабляют фронт империализма и делают возможным его прорыв в отдельных странах, когда закон о неравномерности развития, открытый Лениным, превратился в исходный пункт теории о победе социализма в отдельных странах, — в этих условиях старая формула Энгельса становится уже неправильной, в этих условиях она неизбежно должна быть заменена другой формулой, говорящей о возможности победы социализма в одной стране.

Величие Ленина, как продолжателя Маркса и Энгельса, в том именно и состоит, что он не был никогда рабом буквы в марксизме. В своих исследованиях он следовал указанию Маркса, неоднократно говорившего, что марксизм есть не догма, а руководство к действию. Ленин знал это и, строго различая между буквой и сутью марксизма, никогда не считал марксизм догмой, а старался применить марксизм, как основной метод, в новой обстановке капиталистического развития. В том именно и состоит величие Ленина, что он открыто

и честно, без колебаний, поставил вопрос о необходимости новой формулы о возможности победы пролетарской революции в отдельных странах, не боясь того, что оппортунисты всех стран будут цепляться за старую формулу, стараясь прикрыть именем Маркса и Энгельса своё оппортунистическое дело.

С другой стороны, было бы странно требовать от Маркса и Энгельса, какими бы они ни были гениальными мыслителями, чтобы они предусмотрели в точности за 50—60 лет до развитого монополистического капитализма все возможности классовой борьбы пролетариата, появившиеся в период монополистического, империалистического капитализма.

И это не первый случай, когда Ленин, исходя из метода Маркса, продолжает дело Маркса и Энгельса, не цепляясь за букву марксизма. Я имею в виду другой аналогичный случай, а именно — случай с вопросом о диктатуре пролетариата. Известно, что по этому вопросу Маркс высказал ту мысль, что диктатура пролетариата, как слом старого государственного аппарата и создание нового аппарата, нового пролетарского государства, является необходимым этапом развития к социализму в странах континента, допустив исключение для Англии и Америки, где, по заявлению Маркса, милитаризм и бюрократизм слабо развиты или вовсе не развиты и где, поэтому, возможен другой путь, «мирный» путь перехода к социализму. Это было совершенно правильно в 70-х годах. (Р я з а н о в: «И тогда не было правильно».) Я думаю, что в 70-х годах, когда милитаризм в Англии и Америке не был так развит, как впоследствии развился, — это положение было совершенно правильно. В том, что это положение

было правильно, вы могли бы убедиться по известной главе брошюры тов. Ленина «О продналоге» [83], где Ленин считает не исключённым развитие социализма в Англии 70-х годов в порядке соглашения между пролетариатом и буржуазией в стране, где пролетариат составляет большинство, где буржуазия привыкла итти на компромиссы, где милитаризм был слаб, бюрократия была слаба. Но это положение, будучи правильным в 70-х годах прошлого столетия, стало уже неправильным после XIX столетия, в период империализма, когда Англия стала не менее бюрократической и не менее, если не более, милитаристической, чем любая другая страна континента. В связи с этим тов. Ленин говорит в своей брошюре «Государство и революция», что ограничение Маркса насчёт континента отпадает теперь [84], потому что наступили новые условия, делающие излишним допущенное для Англии исключение.

В том именно и состоит величие Ленина, что он не отдавал себя в плен букве марксизма, умел схватывать сущность марксизма и, исходя из неё, развивать дальше учение Маркса и Энгельса.

Вот как обстояло, товарищи, дело с вопросом о победе социалистической революции в отдельных странах в период доимпериалистический, в период домонополистического капитализма.

2. ЛЕНИНИЗМ ИЛИ ТРОЦКИЗМ?

Из марксистов Ленин был **первый**, который подверг действительно марксистскому анализу империализм, как новую, последнюю фазу капитализма, по-новому поставил вопрос о возможности победы

социализма в **отдельных** капиталистических странах и разрешил его в **положительном** смысле. Я имею в виду брошюру Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма». Я имею в виду статью Ленина «О лозунге Соединённых Штатов Европы», вышедшую в свет в 1915 году. Я имею в виду полемику между Троцким и Лениным о лозунге Соединённых Штатов Европы или всего мира, когда Ленин впервые выставил тезис о возможности победы социализма в одной стране.

Вот что писал тогда Ленин в этой статье:

«Как самостоятельный лозунг, лозунг Соединённые Штаты мира был бы однако едва ли правилен, во-первых, потому, что он сливается с социализмом; во-вторых, потому, что он мог бы породить неправильное толкование о невозможности победы социализма в одной стране и об отношении такой страны к остальным. Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы **против** остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетённые классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств» ...Ибо «невозможно свободное объединение наций в социализме без более или менее долгой, упорной борьбы социалистических республик с отсталыми государствами» (см. т. XVIII, стр. 232—233).

Так писал Ленин в 1915 году.

Что это за закон неравномерного развития капитализма, действие которого в условиях империализма ведёт к возможности победы социализма в одной стране?

Говоря об этом законе, Ленин исходил из того, что капитализм старый, домонополистический, уже перерос в империализм; что мировое хозяйство развивается в условиях бешеной борьбы главнейших империалистических групп за территории, за рынки, за сырьё и т. д.; что раздел мира на сферы влияния империалистических групп уже закончен; что развитие капиталистических стран протекает не равномерно, не так, чтобы одна шла за другой или параллельно другой, а скачкообразно, путём оттеснения одних стран, ушедших ранее вперёд, и выдвижения новых стран на первый план; что такой порядок развития капиталистических стран неизбежно вызывает конфликты и войны между капиталистическими державами за новый передел уже поделённого мира; что эти конфликты и войны ведут к ослаблению империализма; что мировой фронт империализма становится в связи с этим легко уязвимым для его прорыва в тех или иных странах; что ввиду этого становится возможной победа социализма в отдельных странах.

Известно, что еще совсем недавно Англия шла впереди всех других империалистических государств. Известно также, что впоследствии Германия стала перегонять Англию, требуя для себя места «под солнцем» за счёт других государств и, прежде всего, за счёт Англии. Известно, что империалистическая война (1914—1918 гг.) возникла именно в связи с этим обстоятельством. Теперь, после империалистической войны, Америка забежала далеко вперёд, оставив позади как Англию, так и другие европейские державы. Едва ли можно сомневаться, что это обстоятельство чревато новыми большими конфликтами и войнами.

То обстоятельство, что империалистический фронт был прорван в связи с империалистической войной в России, это обстоятельство говорит о том, что в современных условиях развития капитализма цепь империалистического фронта будет прорываться не обязательно в той стране, где промышленность более всего развита, но там, где эта цепь слабее, где пролетариат имеет серьёзного союзника, например, крестьянство, против империалистической власти, как это имело место в России.

Вполне возможно, что в будущем цепь империалистического фронта прорвётся в одной из таких стран, как, скажем, в Индии, где пролетариат имеет серьёзного союзника в лице мощного революционного освободительного движения.

Говоря о возможности победы социализма в одной стране, Ленин полемизировал, как известно, прежде всего, с Троцким так же, как и с социал-демократией.

Как реагировал Троцкий на статью Ленина и тезис Ленина о возможности победы социализма в одной стране?

Вот что писал тогда Троцкий (в 1915 г.) в ответ на статью Ленина:

«Единственное сколько-нибудь конкретное историческое соображение,— говорит Троцкий,— против лозунга Соединённых Штатов было формулировано в швейцарском «Социал-Демократе» (тогдашний центральный орган большевиков, где и была напечатана вышеупомянутая статья Ленина. **И. Ст.**) в следующей фразе: «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма». Отсюда «Социал-Демократ» делал тот вывод, что возможна победа социализма в одной стране и что незачем поэтому диктатуру пролетариата в каждом отдельном государстве обусловливать созданием Соединённых Штатов Европы. Что капиталистическое развитие разных стран неравномерно, это

совершенно бесспорное соображение. Но самая эта неравномерность весьма неравномерна. Капиталистический уровень Англии, Австрии, Германии или Франции не одинаков. Но по сравнению с Африкой и Азией все эти страны представляют собой капиталистическую «Европу», созревшую для социальной революции. Что ни одна страна не должна «дожидаться» других в своей борьбе — это элементарная мысль, которую полезно и необходимо повторять, дабы идея параллельного интернационального действия не подменялась идеей выжидательного интернационального бездействия. Не дожидаясь других, мы начинаем и продолжаем борьбу на национальной почве в полной уверенности, что наша инициатива даст толчок борьбе в других странах; а если бы этого не произошло, то безнадёжно думать — так свидетельствуют и опыт истории и теоретические соображения,— что, например, **революционная Россия могла бы устоять перед лицом консервативной Европы,** или социалистическая Германия могла бы остаться изолированной в капиталистическом мире» * (см. т. III соч. Троцкого, ч. 1, стр. 89—90).

Так писал Троцкий в 1915 году в парижской газете «Наше Слово» [85], причём эта статья была перепечатана в России впоследствии в сборнике статей Троцкого под названием «Программа мира», вышедшем впервые в августе 1917 года.

Вы видите, что в этих двух цитатах Ленина и Троцкого противопоставляются друг другу два совершенно различных тезиса. В то время как Ленин считает, что победа социализма в одной стране возможна, что пролетариат, захватив власть, не только может удержать её, но он может пойти ещё дальше, экспроприировав капиталистов и организовав социалистическое хозяйство для того, чтобы оказать действенную поддержку пролетариям капиталистических стран, — Троцкий, наоборот, считает, что если победившая революция

* Курсив мой. **И. Ст.**

в одной стране не вызовет в самый ближайший срок победы революции в других странах, то пролетариат победившей страны не сумеет даже удержать власти (не говоря уже о том, что он не сможет организовать социалистическое хозяйство), ибо, говорит Троцкий, безнадёжно думать, что революционная власть в России может устоять перед лицом консервативной Европы.

Это две совершенно различные точки зрения, две совершенно различные установки. У Ленина пролетариат, взявший власть, представляет активнейшую и инициативнейшую силу, организующую социалистическое хозяйство и идущую дальше на поддержку пролетариев других стран. У Троцкого, наоборот, пролетариат, взявший власть, превращается в полупассивную силу, требующую немедленной помощи в виде немедленной победы социализма в других странах и чувствующую себя как на бивуаке, под страхом немедленной потери власти. Ну, а если не подойдёт немедленная победа революции в других странах, — как тогда? Тогда сворачивай работу. (Голос с места: «И в кусты».) Да, и в кусты. Это совершенно правильно. (Смех.)

Могут сказать, что это расхождение между Лениным и Троцким представляет область прошлого, что потом это расхождение в ходе работы могло дойти до минимума или даже совершенно стереться. Да, могло дойти до минимума и даже стереться. Но, к сожалению, не произошло ни то, ни другое. Наоборот, это расхождение осталось во всей своей силе вплоть до самой смерти тов. Ленина. Оно продолжает существовать и теперь, как видите сами. Наоборот, я утверждаю, что это расхождение между Лениным и Троцким и полемика на этой почве продолжались всё время, причём

соответствующие статьи Ленина и Троцкого появлялись одна за другой, и скрытая полемика продолжалась, правда, без наименования лиц.

Вот некоторые факты на этот счёт.

В 1921 году, когда мы ввели нэп, Ленин вновь ставит вопрос о возможности победы социализма уже в более конкретной форме, о возможности построения социалистического фундамента нашей экономики на рельсах нэпа. Вы помните, в 1921 году, при введении нэпа, одна часть нашей партии, особенно «рабочая оппозиция», обвиняла Ленина в том, что он, вводя нэп, сворачивает с пути социализма. Видимо, в ответ на это Ленин несколько раз заявлял тогда в своих выступлениях и статьях, что, вводя нэп, мы имеем в виду не отход от нашего пути, а продолжение его в новых условиях на предмет построения «социалистического фундамента нашей экономики», «вместе с крестьянством», «под руководством рабочего класса» (см. «Продналог» и другие статьи Ленина на тему о нэпе).

Как бы в ответ на это Троцкий в январе 1922 года печатает «Предисловие» к своей книге «1905 год», где он сообщает, что строительство социализма в нашей стране вместе с крестьянством представляет вещь неосуществимую, ибо жизнь нашей страны будет протекать по линии враждебных столкновений между рабочим классом и крестьянством, пока не победит пролетариат на Западе.

Вот что говорит Троцкий в этом «Предисловии»:

«Пролетариат, взявший власть, придёт во **враждебные столкновения*** не только со всеми группировками буржуазии,

---

* Курсив мой. **И. Ст.**

которые поддерживали его на первых порах его революционной борьбы, но и с широкими массами крестьянства, при содействии которых он пришёл к власти», что «противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране с подавляющим большинством крестьянского населения смогут найти своё разрешение только в международном масштабе, на арене мировой революции пролетариата» (Троцкий, «Предисловие» к книге «1905», написанное в 1922 г.).

И здесь, как видите, противопоставляются друг другу два различных тезиса. В то время как Ленин допускает возможность строительства социалистического фундамента нашей экономики вместе с крестьянством и под руководством рабочего класса, у Троцкого, наоборот, выходит, что руководство крестьянством со стороны пролетариата и совместное строительство социалистического фундамента — вещи неосуществимые, так как политическая жизнь страны будет протекать во **враждебных** столкновениях между рабочей властью и большинством крестьянства, а эти столкновения могут быть разрешены лишь на арене мировой революции.

Далее. Мы имеем выступление Ленина на пленуме Моссовета спустя год после этого, в 1922 году, где он ещё раз возвращается к вопросу о построении социализма в нашей стране. Он говорит:

«Социализм уже теперь не есть вопрос отдалённого будущего, или какой-либо отвлечённой картины, или какой-либо иконы. Насчёт икон мы остались мнения старого, весьма плохого. Мы социализм протащили в повседневную жизнь и тут должны разобраться. Вот что составляет задачу нашего дня, вот что составляет задачу нашей эпохи. Позвольте мне закончить выражением уверенности, что, как эта задача ни трудна, как она ни нова по сравнению с прежней нашей задачей, и как много трудностей она нам ни причиняет,— все мы вместе, не завтра,

а в несколько лет, все мы вместе решим эту задачу во что бы то ни стало, так что из России нэповской будет Россия социалистическая» (см. т. XXVII, стр. 366).

Как бы в ответ на это или, может быть, в разъяснение того, что было сказано Троцким в вышеупомянутой его цитате, Троцкий печатает в 1922 году «Послесловие» к своей брошюре «Программа мира», где он говорит:

«Несколько раз повторяющееся в «Программе мира» утверждение, что пролетарская революция не может победоносно завершиться в национальных рамках, покажется, пожалуй, некоторым читателям опровергнутым почти пятилетним опытом нашей Советской республики. Но такое заключение было бы неосновательно. Тот факт, что рабочее государство удержалось против всего мира в одной стране, и притом отсталой, свидетельствует о колоссальной мощи пролетариата, которая в других, более передовых, более цивилизованных странах способна будет совершать поистине чудеса. Но, отстояв себя в политическом и военном смысле, как государство, мы к созданию социалистического общества не пришли и даже не подошли... До тех пор, пока в остальных европейских государствах у власти стоит буржуазия, мы вынуждены, в борьбе с экономической изолированностью, искать соглашения с капиталистическим миром; в то же время можно с уверенностью сказать, что эти соглашения, в лучшем случае, могут помочь нам залечить те или другие экономические раны, сделать тот или иной шаг вперёд, но что **подлинный подъём** социалистического хозяйства в России станет возможным **только после победы** * пролетариата в важнейших странах Европы» (см. т. III соч. Троцкого, ч. 1, стр. 92—93).

И здесь, как видите, противопоставляются друг другу два противоположных тезиса Ленина и Троцкого. В то время как Ленин считает, что мы уже протащили социализм в повседневную жизнь и что, несмотря на трудности, имеем все возможности из России

* Курсив мой. **И. Ст.**

нэповской сделать Россию социалистическую, Троцкий, наоборот, полагает, что мы не только не можем сделать Россию нынешнюю Россией социалистической, но мы не можем даже добиться подлинного подъёма социалистического хозяйства до победы пролетариата в других странах.

Наконец, мы имеем записи тов. Ленина в виде статей «О кооперации» и «О нашей революции» (против Суханова), данные перед смертью Лениным и оставленные нам в виде его политического завещания. Эти записи замечательны в том отношении, что в них Ленин вновь ставит вопрос о возможности победы социализма в нашей стране и даёт такие формулировки, которые не оставляют места для каких бы то ни было сомнений. Вот что говорит он в записях «О нашей революции»:

«...До бесконечия шаблонным является у них (у героев II Интернационала. **И. Ст.**) довод, который они выучили наизусть во время развития западно-европейской социал-демократии, и который состоит в том, что мы не доросли до социализма, что у нас нет, как выражаются разные «учёные» господа из них, объективных экономических предпосылок для социализма. И никому не приходит в голову спросить себя: а не мог ли народ, встретивший революционную ситуацию, такую, которая сложилась в первую империалистическую войну, не мог ли он, под влиянием безвыходности своего положения, броситься на такую борьбу, которая хоть какие-либо шансы открывала ему на завоевание для себя не совсем обычных условий для дальнейшего роста цивилизации»...

«Если для создания социализма требуется определённый уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков этот определённый «уровень культуры»), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путём предпосылок для этого определённого уровня, а **потом** уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы»...

«Для создания социализма,— говорите вы,— требуется цивилизованность. Очень хорошо. Ну, а почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму? В каких книжках прочитали вы, что подобные видоизменения обычного исторического порядка недопустимы или невозможны?» (см. Ленин, т. XXVII, стр. 399—401).

А вот что говорит Ленин в статьях «О кооперации»:

«В самом деле, власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д.,— разве это не всё, что нужно для того, чтобы **из** кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали, как торгашескую, и которую с известной стороны имеем право третировать теперь при нэпе так же, **разве это не всё необходимое для построения полного социалистического общества?** Это еще не построение социалистического общества, но это **всё необходимое и достаточное** для этого построения» * (см. Ленин, т. XXVII, стр. 392).

Итак, мы имеем, таким образом, две линии в основном вопросе о возможности победоносного строительства социализма в нашей стране, о возможности победы социалистических элементов нашего хозяйства над элементами капиталистическими, ибо, товарищи, возможность победы социализма в нашей стране означает не что иное, как возможность победы социалистических элементов нашего хозяйства над элементами капиталистическими,— линию Ленина и ленинизма, во-первых, и линию Троцкого и троцкизма, во-вторых. Ленинизм решает этот вопрос положительно. Троцкизм,

* Курсив везде мой. **И. Ст.**

наоборот, отрицает возможность победы социализма в нашей стране на основе внутренних сил нашей революции. Если первая линия есть линия нашей партии, то вторая линия является приближением ко взглядам социал-демократии.

Поэтому и говорится в проекте тезисов об оппозиционном блоке, что троцкизм есть социал-демократический уклон в нашей партии.

Из этого же вытекает тот несомненный факт, что наша революция является революцией **социалистической**, что она представляет не только сигнал, толчок и исходный пункт мировой революции, но и базу, базу необходимую и достаточную для построения полного социалистического общества в нашей стране.

Итак, мы можем и должны победить капиталистические элементы нашего хозяйства, мы можем и должны построить социалистическое общество в нашей стране. Но можно ли назвать эту победу полной, окончательной? Нет, нельзя назвать. Победить наших капиталистов мы можем, строить социализм и построить его мы в состоянии, но это еще не значит, что мы в состоянии тем самым гарантировать страну диктатуры пролетариата от опасностей извне, от опасностей интервенции и связанной с нею реставрации, восстановления старых порядков. Мы живём не на острове. Мы живём в капиталистическом окружении. То обстоятельство, что мы строим социализм и революционизируем тем самым рабочих капиталистических стран, — не может не вызывать ненависть и вражду со стороны всего капиталистического мира. Думать, что капиталистический мир может равнодушно смотреть на наши успехи

на хозяйственном фронте, успехи, революционизирующие рабочий класс всего мира,—это значит впадать в иллюзию. Поэтому, пока мы остаёмся в капиталистическом окружении, пока пролетариат не победил, по крайней мере, в ряде стран, мы не можем считать свою победу окончательной, следовательно, какие бы успехи ни оказали в своём строительстве, мы не можем считать страну диктатуры пролетариата гарантированной от опасностей извне. Поэтому, чтобы победить окончательно, нужно добиться того, чтобы нынешнее капиталистическое окружение сменилось окружением социалистическим, нужно добиться того, чтобы пролетариат победил, по крайней мере, ещё в нескольких странах. Только тогда можно считать нашу победу окончательной.

Вот почему победу социализма в нашей стране мы рассматриваем не как самоцель, не как нечто самодовлеющее, а как подспорье, как средство, как путь для победы пролетарской революции в других странах.

Вот что писал на этот счёт тов. Ленин:

«Мы живём,— говорит Ленин,— не только в государстве, но и **в системе государств,** и существование Советской республики рядом с империалистскими государствами продолжительное время немыслимо. В конце концов либо одно, либо другое победит. А пока этот конец наступит, ряд самых ужасных столкновений между Советской республикой и буржуазными государствами неизбежен. Это значит, что господствующий класс, пролетариат, если только он хочет и будет господствовать, должен доказать это и своей военной организацией» (см. т. XXIV, стр. 122).

Из этого следует, что опасность военной интервенции существует и будет еще существовать долгое время.

Другой вопрос, могут ли сейчас капиталисты предпринять против Республики Советов серьёзную интервенцию. Это еще вопрос. Тут многое зависит от поведения рабочих капиталистических стран, от их сочувствия стране пролетарской диктатуры, от степени их приверженности делу социализма. Что рабочие капиталистических стран не могут сейчас поддержать нашу революцию революцией против своих капиталистов, — это пока что факт. Но что капиталисты не в состоянии поднять «своих» рабочих войной против нашей республики, — это тоже факт. А воевать со страной диктатуры пролетариата без рабочих нельзя по нынешним временам без опасности подвергнуть капитализм смертельному риску. Об этом говорят бесчисленные рабочие делегации, приезжающие в нашу страну для проверки нашей работы по строительству социализма. Об этом говорит то громадное сочувствие, которое питает к Республике Советов рабочий класс всего мира. На этом сочувствии и базируется теперь международное положение нашей республики. Без него мы имели бы теперь ряд новых попыток интервенции, перерыв нашей строительной работы и отсутствие периода «передышки».

Но если сейчас капиталистический мир не в состоянии пойти военной интервенцией против нашей страны, то это еще не значит, что он никогда не будет в состоянии сделать это. Во всяком случае капиталисты не спят, и они принимают все меры к тому, чтобы ослабить международные позиции нашей республики и создать предпосылки для интервенции. Поэтому нельзя считать исключёнными как попытки интервенции, так и связанную с ними возможность реставрации старых порядков в нашей стране.

Ленин прав поэтому, когда он говорит:

«Пока наша Советская республика останется одинокой окраиной всего капиталистического мира, до тех пор думать... об исчезновении тех или иных опасностей было бы совершенно смешным фантазёрством и утопизмом. Конечно, пока такие коренные противоположности остались,— остаются и опасности, и от них никуда не убежишь» (см. т. XXVI, стр. 29).

Вот почему говорит Ленин, что:

«Окончательно победить можно только в мировом масштабе и только совместными усилиями рабочих всех стран» (см. т. XXIII, стр. 9).

Итак, что такое победа социализма в нашей стране?

Это значит завоевать диктатуру пролетариата и построить социализм, преодолев, таким образом, капиталистические элементы нашего хозяйства на основе внутренних сил нашей революции.

Что такое окончательная победа социализма в нашей стране?

Это значит создание полной гарантии от интервенции и попыток реставрации, на основе победы социалистической революции, по крайней мере, в нескольких странах.

Если возможность победы социализма в одной стране означает возможность разрешения внутренних противоречий, вполне преодолимых для одной страны (мы имеем в виду, конечно, нашу страну), то возможность окончательной победы социализма означает возможность разрешения противоречий внешних между страной социализма и странами капитализма, противоречий, преодолимых лишь силами пролетарской революции в нескольких странах.

Кто смешивает эти два ряда противоречий, тот либо безнадёжный путаник, либо неисправимый оппортунист.

Такова основная линия нашей партии.

8. РЕЗОЛЮЦИЯ XIV КОНФЕРЕНЦИИ РКП(б)

Впервые эта линия нашей партии получила своё официальное выражение в известной резолюции XIV конференции по вопросу о международном положении, стабилизации капитализма и строительстве социализма в одной стране. Я думаю, что эта резолюция является одним из важнейших партийных документов в истории нашей партии не только потому, что она представляет величайшую демонстрацию в пользу ленинской линии в вопросе о строительстве социализма в нашей стране, но и потому, что она является вместе с тем прямым осуждением троцкизма. Я думаю, что было бы нелишним отметить важнейшие пункты этой резолюции, принятой, как это ни странно, по докладу Зиновьева. (*В зале движение*.)

Вот что говорится в этой резолюции о победе социализма в одной стране:

> «Вообще победа социализма (**не** в смысле **окончательной** победы) **безусловно возможна*** в одной стране»[86].

По вопросу об окончательной победе социализма в резолюции сказано:

> «...Наличие двух прямо противоположных общественных систем вызывает постоянную угрозу капиталистической блокады, других форм экономического давления, вооружённой интервенции, реставрации. Единственной гарантией **окончательной**

* Курсив мой. **И. Ст.**

победы социализма, т. е. гарантии от реставрации, является, следовательно, победоносная социалистическая революция в ряде стран»[87].

А вот что сказано в резолюции по вопросу о построении полного социалистического общества и о троцкизме:

«Из этого отнюдь не вытекает, что невозможно построение полного социалистического общества в такой отсталой стране, как Россия, без «государственной помощи» (Троцкий) более развитых в технико-экономическом отношении стран. Составной частью троцкистской теории перманентной революции является утверждение, что «подлинный подъём социалистического хозяйства в России станет возможным **только после победы** пролетариата в важнейших странах Европы» (Троцкий, 1922 г.),— утверждение, обрекающее пролетариат СССР в нынешний период на фаталистическую пассивность. Против подобных «теорий» тов. Ленин писал: «До бесконечия шаблонным является у них довод, который они выучили наизусть во время развития западноевропейской социал-демократии и который состоит в том, что мы не доросли до социализма, что у нас нет, как выражаются разные «учёные» господа из них, объективных экономических предпосылок для социализма» (Заметки о Суханове). (Резолюция XIV конференции РКП(б) «О задачах Коминтерна и РКП(б) в связи с расширенным пленумом ИККИ»[88].)

Я думаю, что эти основные пункты резолюции XIV конференции не нуждаются в пояснениях. Невозможно выразиться более ясно и определённо. Особое внимание обращает на себя то место резолюции, где между троцкизмом и сухановщиной ставится знак равенства. А что такое сухановщина? Мы знаем из известных статей Ленина против Суханова, что сухановщина есть разновидность социал-демократизма, меньшевизма. Это особенно необходимо подчеркнуть для того, чтобы понять, почему Зиновьев, защищавший на

XIV конференции эту резолюцию, отошёл потом от неё, примкнув к точке зрения Троцкого, в блоке с которым он состоит теперь.

В связи с международным положением резолюция отмечает, далее, два уклона от основной линии партии, могущие создать опасности для партии.

Вот что говорится в резолюции об этих опасностях:

«В связи с сложившимся на международной арене положением нашей партии в данный период могут угрожать две опасности: 1) уклон к пассивности, вытекающий из чрезмерно расширительного толкования наметившейся кое-где стабилизации капитализма и замедленного темпа международной революции, отсутствие достаточного импульса к энергичной и систематической работе над построением социалистического общества в СССР, несмотря на замедленный темп международной революции, и 2) уклон к национальной ограниченности, забвение обязанностей **международных** пролетарских революционеров, бессознательное пренебрежение к теснейшей зависимости судеб СССР от развивающейся, хотя и медленно, международной пролетарской революции, непонимание того, что не только международное движение нуждается в существовании, упрочении и усилении мощи первого в мире пролетарского государства, но и диктатура пролетариата в СССР нуждается в помощи со стороны международного пролетариата». (Резолюция XIV конференции РКП(б) «О задачах Коминтерна и РКП(б) в связи с расширенным пленумом ИККИ».)

Из этой цитаты видно, что XIV конференция, говоря о первом уклоне, имела в виду уклон к неверию в победу социалистического строительства в нашей стране, распространённый среди троцкистов. Говоря же о втором уклоне, она имела в виду уклон к забвению интернациональных перспектив нашей революции, имеющий некоторое распространение среди некоторых

работников по линии международной политики, сбивающихся иногда на позицию установления «сфер влияния» в зависимых странах.

Заклеймив оба эти уклона, партия в целом и её Центральный Комитет этим самым объявили войну опасностям, идущим по линии этих уклонов.

Таковы факты.

Как могло случиться, что Зиновьев, защищавший резолюцию XIV конференции в специальном докладе, отошёл потом от линии этой резолюции, являющейся вместе с тем линией ленинизма? Как могло случиться, что он, отходя от ленинизма, бросал вместе с тем по адресу партии смехотворное обвинение в национальной ограниченности, прикрывая свой отход от ленинизма этим обвинением,— об этом фокусе я постараюсь рассказать вам, товарищи, сейчас.

4. ПЕРЕХОД «НОВОЙ ОППОЗИЦИИ» К ТРОЦКИЗМУ

Расхождение нынешних лидеров «новой оппозиции», Каменева и Зиновьева, с Центральным Комитетом нашей партии по вопросу о строительстве социализма в нашей стране впервые приняло открытую форму накануне XIV конференции. Я имею в виду одно из заседаний Политбюро ЦК накануне конференции, где Каменев и Зиновьев попытались защищать по этому вопросу своеобразную точку зрения, не имеющую ничего общего с линией партии и совпадающую в основном с позицией Суханова.

Вот что писал на этот счёт Московский комитет РКП(б), в ответ на известное заявление бывшей ленинградской верхушки, в декабре 1925 года, т. е. спустя 7 месяцев:

«Не так давно Каменев и Зиновьев защищали в Политбюро ту точку зрения, будто бы мы не сможем справиться с внутренними трудностями из-за нашей технической и экономической отсталости, если только нас не спасёт международная революция. Мы же, вместе с большинством ЦК, думаем, что мы можем строить социализм, строим и построим его, несмотря на нашу техническую отсталость и вопреки ей. Мы думаем, что это строительство будет итти, конечно, гораздо медленнее, чем в условиях мировой победы, но тем не менее мы идём и будем итти вперёд. Мы точно так же полагаем, что точка зрения Каменева и Зиновьева выражает неверие во внутренние силы нашего рабочего класса и идущих за ним крестьянских масс. Мы полагаем, что она есть отход от ленинской позиции» (см. «Ответ»).

Я должен, товарищи, отметить, что это заявление Московского комитета, напечатанное в «Правде» во время первых заседаний XIV съезда, Каменев и Зиновьев не попытались даже опровергнуть, молчаливо признав тем самым, что обвинения, выдвинутые Московским комитетом, соответствуют действительности.

На самой XIV конференции Каменев и Зиновьев признали формально правильность партийной линии по вопросу о строительстве социализма в нашей стране. Они были вынуждены к этому, видимо, тем обстоятельством, что точка зрения Каменева и Зиновьева не нашла сочувствия среди членов ЦК. Более того, как я уже говорил, Зиновьев даже защищал в специальном докладе на XIV конференции известную резолюцию XIV конференции, являющуюся, как вы имели возможность убедиться в этом, выражением линии нашей партии. Но последующие события показали, что Зиновьев и Каменев защищали партийную линию на XIV конференции лишь формально, по внешности, оставаясь на деле на своих позициях.

Появление в свет книги Зиновьева «Ленинизм», в сентябре 1925 года, представляет в этом отношении «событие», проводящее водораздел между Зиновьевым, защищавшим на XIV конференции линию партии, и Зиновьевым, отошедшим от партийной линии, от ленинизма — к идейной позиции троцкизма.

Вот что пишет Зиновьев в своей книге:

«Под окончательной победой социализма следует понимать, по крайней мере: 1) уничтожение классов и, стало быть, 2) упразднение диктатуры одного класса, в данном случае диктатуры пролетариата»... «Чтобы ещё точнее уяснить себе,— говорит дальше Зиновьев,— как стоит вопрос у нас в СССР в 1925 году, надо различать две вещи: 1) обеспеченная **возможность** строить социализм,— такая возможность строить социализм вполне, разумеется, **может** мыслиться и в рамках одной страны, и 2) окончательное построение и упрочение социализма, т. е. осуществление социалистического строя, социалистического общества» (см. «Ленинизм» Зиновьева, стр. 291 и 293).

Вы видите, что тут всё перепутано и перевёрнуто вверх дном. По Зиновьеву выходит, что победить, в смысле победы социализма в одной стране — это значит иметь возможность строить социализм, но не иметь возможности построить его. Строить, будучи уверенным, что не построишь. Вот что называется, оказывается, у Зиновьева победой социализма в одной стране. (Смех.) Что касается построения социалистического общества, то он спутывает его с вопросом об окончательной победе, демонстрируя тем самым полное своё непонимание вопроса в целом о победе социализма в нашей стране. Строить социалистическое хозяйство, зная, что не построишь,— вот до чего докатился Зиновьев.

Нечего и говорить, что такая позиция не имеет ничего общего с основной линией ленинизма в вопросе о строительстве социализма. Нечего и говорить, что такая позиция, ослабляя волю пролетариата к строительству социализма в нашей стране и тормозя тем самым развязывание революции в других странах, опрокидывает вверх дном самые основы интернационализма. Это есть та позиция, которая прямо подходит к идейной позиции троцкизма и подаёт ей руку.

То же самое нужно сказать о выступлениях Зиновьева на XIV съезде в декабре 1925 года. Вот что он говорил на XIV съезде, критикуя Яковлева:

«Вы посмотрите, до чего, например, договорился т. Яковлев на последней Курской губпартконференции. «Можем ли мы в одной стране,— спрашивает он,— будучи окружены со всех сторон капиталистическими врагами, можем ли мы в таких условиях в одной стране построить социализм?». И отвечает: «На основе всего сказанного мы вправе сказать, что мы не только строим социализм, но что мы, несмотря на то, что мы пока что одни, что мы пока единственная в мире советская страна, советское государство,— мы этот социализм построим» («Курская Правда» № 279 от 8 декабря 1925 г.). **Разве это ленинская постановка вопроса,** спрашивает Зиновьев, **разве здесь не отдаёт душком национальной ограниченности?»** * (Зиновьев, заключительное слово на XIV партсъезде).

Выходит, что Яковлев, защищавший в основном линию партии и ленинизма, заслуживает обвинения в национальной ограниченности. Выходит, что защищать линию партии, закреплённую в известной резолюции XIV конференции,— значит впасть в национальную ограниченность. Это и называется у нас:

---

* Курсив мой. **И. Ст.**

докатился! В этом, собственно, и кроется весь фокус, разыгрываемый Зиновьевым и состоящий в том, что свой отход от ленинизма он старается прикрыть смехотворными обвинениями по адресу ленинцев в национальной ограниченности.

Поэтому тезисы об оппозиционном блоке говорят сущую правду, утверждая, что «новая оппозиция» перешла на сторону троцкизма в основном вопросе о возможности победы социализма в нашей стране, или — что одно и то же — в вопросе о характере и перспективах нашей революции.

Несколько особое положение занимает в этом вопросе **формально** Каменев, что должно быть здесь отмечено. Это факт, что Каменев, вопреки Зиновьеву, заявил открыто как на XIV партконференции, так и на XIV партсъезде о своей солидарности с линией партии в вопросе о строительстве социализма в нашей стране. Тем не менее XIV съезд партии не принял всерьёз заявление Каменева, не поверил ему на слово, отнеся его в своей резолюции по отчёту ЦК к группе лиц, отошедших от ленинизма. Почему? Потому, что Каменев не захотел и не счёл нужным подкрепить своё заявление о солидарности с линией партии делом. А что значит подкрепить своё заявление делом? Это значит порвать с теми, которые ведут борьбу с линией партии. Партия знает немало примеров, когда люди, заявлявшие словесно о своей солидарности с партией, продолжали, вместе с тем, политическую дружбу с элементами, ведущими борьбу против партии. Ленин в таких случаях обычно говорил, что такие «сторонники» партийной линии хуже её противников. Известно, например, что Троцкий в эпоху империалистической войны заявлял

неоднократно о своей солидарности и преданности принципам интернационализма. Однако Ленин его называл тогда «пособником социал-шовинистов». Почему? Потому, что, заявляя о своём интернационализме, Троцкий не хотел в то же время рвать с Каутским и Мартовым, Потресовым и Чхеидзе. И Ленин был, конечно, прав. Ты хочешь, чтобы твоё заявление было принято всерьёз,— тогда подкрепи своё заявление делом и прекрати политическую дружбу с людьми, ведущими борьбу против линии партии.

Вот почему я думаю, что заявления Каменева о его солидарности с линией партии в вопросе о строительстве социализма не могут быть приняты всерьёз, коль скоро он не хочет подкрепить слово делом и продолжает оставаться в блоке с троцкистами.

5. ОТПИСКА ТРОЦКОГО. СМИЛГА. РАДЕК

Могут сказать, что всё это хорошо и правильно. Но нет ли каких-либо оснований и документов, говорящих о том, что лидеры оппозиционного блока непрочь повернуть от социал-демократического уклона к ленинизму? Вот, например, книжка Троцкого «К социализму или к капитализму?» Не является ли она, эта книжка, признаком того, что Троцкий непрочь отказаться от своих принципиальных ошибок? Некоторые даже думают, что Троцкий действительно отказался, или старается отказаться, в этой книжке от своих принципиальных ошибок. Я, грешный человек, в данном случае страдаю некоторым неверием в этом деле (с м е х) и должен сказать, что такие предположения, к сожалению, совершенно не соответствуют действительности.

Вот, например, наиболее яркое место из книги Троцкого «К социализму или к капитализму?»:

«Государственная плановая комиссия (Госплан) опубликовала сводную таблицу по «контрольным» цифрам народного хозяйства СССР на 1925/26 г. Всё это звучит очень сухо и, так сказать, бюрократично. Но в этих сухих статистических колонках и почти столь же сухих и сдержанных пояснениях к ним звучит великолепная историческая музыка растущего социализма» (Л. Троцкий, «К социализму или к капитализму?». Изд. «Плановое Хозяйство», 1925 г., стр. 1).

Что это такое: «великолепная историческая музыка растущего социализма»? Каков смысл этой «великолепной» фразы, если вообще есть в этой фразе какой-либо смысл? Есть ли тут ответ, хотя бы намёк ответа, на вопрос о возможности победы социализма в нашей стране? Об исторической музыке растущего социализма можно было говорить и в 1917 году, когда мы свергли буржуазию, и в 1920 году, когда мы вышибли вон интервенционистов из нашей страны, ибо это была, действительно, великолепная историческая музыка растущего социализма, когда мы, свергнув буржуазию в 1917 году и изгнав вон интервенционистов, дали всему миру великолепные факты силы и могущества растущего социализма в нашей стране. Но имеет ли это и может ли иметь какое бы то ни было отношение к вопросу о возможности победоносного строительства социализма в нашей стране? Мы можем,— говорит Троцкий, — итти к социализму. Но можем ли **притти** к социализму, — вот в чём вопрос. Итти, зная, что не придёшь к социализму, — разве это не глупость? Нет, товарищи, «великолепная» фраза Троцкого о музыке и прочем представляет не ответ на вопрос, а адвокатскую

отговорку и «музыкальную» отписку от вопроса. (Голоса с мест: «Правильно!».)

Я думаю, что эту великолепную и музыкальную отписку Троцкого можно было бы поставить на одну доску с той отпиской в вопросе о квалификации ленинизма, которую дал в своё время Троцкий в своей брошюре «Новый курс». Не угодно ли послушать:

«Ленинизм, как система революционного действия, предполагает воспитанное размышлением и опытом революционное чутьё, которое в области общественной — то же самое, что мышечное ощущение в физическом труде» (Л. Троцкий, «Новый курс». Изд. «Красная Новь», 1924 г., стр. 47).

Ленинизм, как «мышечное ощущение в физическом труде». Не правда ли — и ново, и оригинально, и глубокомысленно. Вы поняли что-нибудь? (Смех.) Всё это очень красочно, музыкально и, если хотите, даже великолепно. Нехватает только «мелочи»: простого и человеческого определения ленинизма.

Ленин имел в виду такие именно случаи особого увлечения Троцкого музыкальной фразой, когда он писал о Троцком следующие, например, горькие, но правдивые слова:

«Не всё то золото, что блестит. Много блеску и шуму в фразах Троцкого, но содержания в них нет» (см. т. XVII, стр. 383).

Так обстоит дело с книжкой Троцкого «К социализму или к капитализму?», выпущенной в свет в 1925 году.

Что касается более позднего времени, например, 1926 года, то мы имеем документ от сентября 1926 года, подписанный Троцким, который не оставляет никаких сомнений в том, что Троцкий продолжает оставаться на своей, отвергнутой партией, точке зрения. Я имею в виду письмо Троцкого к оппозиционерам.

Вот что говорится в этом документе:

«Ленинградская оппозиция своевременно забила тревогу по поводу замазывания диференциации деревни, по поводу роста кулака и роста его влияния не только на стихийные процессы хозяйства, но и на политику Советской власти; по поводу того, что в рядах нашей собственной партии создалась, под покровительством Бухарина, теоретическая школа, которая явно отражает давление мелкобуржуазной стихии нашего хозяйства; **ленинградская оппозиция энергично выступила против теории социализма в одной стране, как теоретического оправдания национальной ограниченности»**...* (Из приложений к стенограмме заседаний ПБ ЦК ВКП(б) от 8 и 11 октября 1926 г. по вопросу о внутрипартийном положении.)

Тут, в этом документе, подписанном Троцким, сказано всё: и то, что лидеры «новой оппозиции» отошли от ленинизма к троцкизму, и то, что Троцкий продолжает оставаться целиком и полностью на старых своих позициях социал-демократического уклона в нашей партии.

Ну, а как другие лидеры оппозиционного блока, например, Смилга или Радек? Я думаю, что эти лица являются тоже лидерами оппозиционного блока. Смилга и Радек,— чем они не лидеры? Как они расценивают позицию партии, позицию ленинизма в вопросе о строительстве социализма в нашей стране?

Вот что говорил, например, Смилга в сентябре 1926 года в Комакадемии:

«**Я утверждаю,**— говорит он,— **что он** (Бухарин. **И. Ст.**) **находится** целиком в плену восстановительной идеологии, он **считает доказанным, что экономическая отсталость нашей страны не может быть препятствием для построения социалистического строя в России...** Я считаю, что, безусловно, занимаясь социалистическим строительством, мы строим социализм. Но,

* Курсив мой. **И. Ст.**

спрашивается, даёт ли восстановительный период основания для проверки, для ревизии центрального пункта марксизма и ленинизма, который заключается в том, что **в одной технически отсталой стране социализм построить невозможно»** * (Смилга, выступление в Комакадемии 26 сентября 1926 г. по вопросу о контрольных цифрах).

Тоже, как видите, «позиция», целиком совпадающая с позицией г. Суханова в основном вопросе о характере и перспективах нашей революции. Разве не верно, что позиция Смилги вполне отвечает позиции Троцкого, которую я назвал, и назвал по праву, позицией социал-демократического уклона? (Голоса: «Правильно!».)

Можно ли считать, что оппозиционный блок ответственен за подобные выступления Смилги? Можно и должно. Пытался ли когда-либо оппозиционный блок отмежеваться от Смилги? Нет, не пытался. Наоборот, он всемерно поощрял Смилгу в его выступлениях в Комакадемии.

А вот и другой лидер, Радек, выступавший в Комакадемии совместно со Смилгой и разносивший там «в пух и прах» нашего брата. (Смех.) У нас есть документ, говорящий о том, что Радек хихикал и издевался над теорией построения социализма в нашей стране, называя её теорией строительства социализма «в одном уезде», или даже «на одной улице», причём на реплику товарищей с мест о том, что эта теория есть «ленинская идея», Радек ответил:

«Вы плохо читали Ленина; если бы Владимир Ильич был жив, он бы сказал, что это — щедринская идея. У Щедрина в «Помпадурах» есть помпадур единственный, который либерализм строит в одном уезде» (речь Радека в Комакадемии).

---

* Курсив мой. **И. Ст.**

Можно ли назвать это пошлое и либеральное хихиканье Радека насчёт идеи строительства социализма в одной стране иначе, как полным разрывом с ленинизмом? Отвечает ли оппозиционный блок за эту пошлость Радека? Безусловно, да. Почему же он не отмежёвывается от неё? Потому, что оппозиционный блок не думает покидать своей позиции отхода от ленинизма.

6. РЕШАЮЩЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ВОПРОСА О ПЕРСПЕКТИВАХ НАШЕГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Могут спросить: к чему все эти споры о характере и перспективах нашей революции, к чему споры о том, что будет в будущем или что может быть в будущем,— не лучше ли отбросить все эти споры в сторону и заняться практической работой?

Я считаю, товарищи, что такая постановка вопроса в корне неправильна.

Мы не можем двигаться вперёд, не зная, куда нужно двигаться, не зная цели движения. Мы не можем строить без перспектив, без уверенности, что, начав строить социалистическое хозяйство, можем его построить. Без ясных перспектив, без ясных целей партия не может руководить строительством. Мы не можем жить по рецепту Бернштейна: «Движение — всё, цель — ничто». Мы, наоборот, как революционеры, должны подчинять своё движение вперёд, свою практическую работу — основной классовой цели пролетарского строительства. Без этого — мы попадём в болото оппортунизма, неминуемо и безусловно.

Далее. Без ясных перспектив нашего строительства, без уверенности построить социализм рабочие массы не могут **сознательно** участвовать в этом строительстве, они не могут **сознательно** руководить крестьянством. Без уверенности построить социализм не может быть воли к строительству социализма. Кому охота строить, зная, что не построишь? Отсутствие социалистических перспектив нашего строительства ведёт поэтому к ослаблению воли пролетариата к этому строительству неминуемо и безусловно.

Дальше. Ослабление воли пролетариата к строительству социализма не может не вызвать усиления капиталистических элементов нашего хозяйства. Ибо что значит строить социализм, как не то, чтобы побороть капиталистические элементы нашего хозяйства. Упадочные и пораженческие настроения в рабочем классе не могут не окрылить надежд капиталистических элементов на реставрацию старых порядков. Кто недооценивает решающего значения социалистических перспектив нашего строительства, тот помогает капиталистическим элементам нашего хозяйства, тот культивирует капитулянтство.

Наконец, ослабление воли пролетариата к победе над капиталистическими элементами нашего хозяйства, тормозя наше социалистическое строительство, не может не задерживать развязывание международной революции во всех странах. Не следует забывать, что мировой пролетариат смотрит на наше хозяйственное строительство и на наши успехи на этом фронте с надеждой, что мы выйдем из этой борьбы победителями, что нам удастся построить социализм. Бесчисленное количество рабочих делегаций, приезжающих к нам с

Запада и щупающих каждый уголок нашего строительства, говорит о том, что наша борьба на фронте строительства имеет громадное международное значение в смысле её революционизирующего значения для пролетариев всех стран. Кто пытается свёртывать социалистические перспективы нашего строительства, тот пытается гасить надежды международного пролетариата на нашу победу, а кто гасит эти надежды, тот нарушает элементарные требования пролетарского интернационализма. Ленин был тысячу раз прав, когда он говорил:

«Сейчас главное своё воздействие на **международную** революцию мы оказываем своей хозяйственной политикой. Все на Советскую Российскую республику смотрят, все трудящиеся во всех странах мира без всякого исключения и без всякого преувеличения... На это поприще борьба перенесена во всемирном масштабе. Решим мы эту задачу — и тогда мы выиграли в международном масштабе **наверняка и окончательно.** Поэтому вопросы хозяйственного строительства приобретают для нас значение совершенно исключительное. На этом фронте мы должны одержать победу медленным, постепенным,— быстрым нельзя,— но неуклонным повышением и движением вперёд» * (см. т. XXVI, стр. 410—411).

Вот почему я думаю, что наши споры по вопросу о возможности победы социализма в нашей стране имеют важнейшее значение, ибо в этих спорах куётся и определяется решение вопроса о перспективах нашей работы, о классовых целях этой работы, об основной установке этой работы на ближайший период.

Вот почему я думаю, что вопрос о социалистических перспективах нашего строительства имеет для нас первостепенное значение.

---

* Курсив мой. **И. Ст.**

7. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ОППОЗИЦИОННОГО БЛОКА

Политические перспективы оппозиционного блока вырастают из их основной ошибки о характере и перспективах нашей революции.

Так как международная революция затягивается, а веры во внутренние силы нашей революции не имеется у оппозиции, то перед нею стоят две перспективы:

либо перерождение партии и госаппарата, фактический отход «лучших элементов» (т. е. оппозиции) коммунизма от власти и образование из этих элементов новой, «чисто пролетарской» партии, стоящей в оппозиции к официальной, не «чисто» пролетарской партии (перспектива Оссовского);

либо попытки выдавать своё собственное нетерпение за действительность, отрицание частичной стабилизации капитализма и «сверхчеловеческие», «героические» прыжки и вторжения как в область внутренней политики (сверхиндустриализация), так и в область внешней политики («ультралевые» фразы и жесты).

Я думаю, что из всех оппозиционеров Оссовский является наиболее смелым и наиболее мужественным. Если бы у оппозиционного блока хватило мужества и последовательности, то он должен был бы стать на путь Оссовского. Но так как у оппозиционного блока нехватает ни последовательности, ни мужества, то он скатывается на путь второй перспективы, на путь «сверхчеловеческих» прыжков и «героических» вторжений в область объективного хода вещей.

Отсюда отрицание частичной стабилизации капитализма, лозунг отхода или даже выхода из профсоюзов на Западе, требование взорвать Англо-Русский коми-

тет, требование индустриализировать нашу страну чуть ли не в полгода и т. д.

Отсюда авантюризм в политике оппозиционного блока.

В связи с этим приобретает особое значение теория оппозиционного блока (она же — теория троцкизма) о перепрыгивании через крестьянство у нас, в нашей стране, в деле индустриализации нашей страны, о перепрыгивании через реакционность профсоюзов там, на Западе, особенно в связи с забастовкой в Англии.

Оппозиционный блок думает, что если партия выработала правильную линию, то этого вполне достаточно для того, чтобы партия стала массовой тотчас же и немедленно, чтобы партия могла повести массы на решающие битвы тотчас же и немедленно. Оппозиционный блок не понимает, что такое отношение к вопросу о руководстве массами не имеет ничего общего с позицией ленинизма.

Были ли правильны Апрельские тезисы Ленина о советской революции, данные весной 1917 года? [89] Да, были правильны. Почему же Ленин тогда не призывал к немедленному свержению правительства Керенского? Почему он боролся с «ультралевыми» группами в нашей партии, выкинувшими тогда лозунг немедленного свержения Временного правительства? Потому, что Ленин знал, что для совершения революции недостаточно иметь правильную партийную линию. Потому, что Ленин знал, что для совершения революции необходимо ещё одно обстоятельство, а именно, чтобы массы, широкие рабочие массы, убедились **на своём собственном опыте** в правильности линии партии. А для этого, в свою очередь, необходимо время,

неустанная работа партии в массах, неустанная работа по убеждению масс в правильности линии партии. Именно поэтому Ленин, давая свои революционные Апрельские тезисы, вместе с тем давал лозунг о «терпеливой» пропаганде в массах в пользу правильности этих тезисов. На эту терпеливую работу ушло тогда 8 месяцев. Но эти месяцы были революционными месяцами, которые равняются, по крайней мере, годам обычного «конституционного» времени. Мы выиграли Октябрьскую революцию потому, что умели различать между правильной линией партии и тем, чтобы массы признали правильность этой линии. Этого не понимают и не хотят понять оппозиционные герои «сверхчеловеческих» прыжков.

Была ли правильна позиция английской компартии в период забастовки в Англии? Да, в основном она была правильна. Почему же ей не удалось повести **сразу** за собой миллионные массы английских рабочих? Потому, что она не успела, и не могла успеть, убедить массы в короткий срок в правильности своей линии. Потому, что между выработкой правильной линии партии и тем, чтобы партия повела за собой миллионные массы, существует промежуток, более или менее длительный промежуток, в продолжение которого партия должна вести неустанную работу по убеждению масс в правильности своей политики. Этот промежуток нельзя перепрыгнуть. Глупо думать, что его можно перепрыгнуть. Его можно лишь изжить и преодолеть в терпеливой работе по политическому просвещению масс.

Этих азбучных истин ленинского руководства массами оппозиционный блок не понимает, и в этом надо искать один из источников его политических ошибок.

Вот один из многочисленных образчиков политики «сверхчеловеческих» прыжков и отчаянных жестов Троцкого:

«Российский пролетариат,— говорил в своё время Троцкий,— оказавшись у власти, хотя бы лишь вследствие временной конъюнктуры нашей буржуазной революции, встретит организованную вражду со стороны мировой реакции и готовность к организованной поддержке со стороны мирового пролетариата. Предоставленный своим собственным силам рабочий класс России будет неизбежно раздавлен контрреволюцией в тот момент, когда крестьянство отвернётся от него. Ему ничего другого не останется, как связать судьбу своего политического господства и, следовательно, судьбу всей российской революции, с судьбой социалистической революции в Европе. Ту колоссальную государственно-политическую силу, которую даст ему временная конъюнктура российской буржуазной революции, он обрушит на чашу весов классовой борьбы всего капиталистического мира. **С государственной властью в руках, с контрреволюцией за спиной, с европейской реакцией перед собой, он бросит своим собратьям во всём мире старый призывный клич, который будет на этот раз кличем последней атаки: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»*** (Троцкий, «Итоги и перспективы», стр. 80).

Не угодно ли: пролетариат, оказывается, должен взять власть в России, но, взяв власть, он должен обязательно передраться с крестьянством, и вот после того, как пролетариат передерётся с крестьянством, он должен броситься в отчаянную схватку с мировой буржуазией, имея «контрреволюцию за спиной» и «европейскую реакцию» перед собой.

Что тут, в этой «схеме» Троцкого, имеется немало «музыкального», «сверхчеловеческого» и «отчаянно

* Курсив мой. **И. Ст.**

великолепного», — с этим, пожалуй, можно согласиться. Но что тут нет ни марксизма, ни революционности, что тут мы имеем дело лишь с пустой игрой в революцию и с авантюризмом в политике, — в этом тоже не может быть сомнения.

А между тем, не подлежит сомнению, что эта «схема» Троцкого является прямым выражением нынешних политических перспектив оппозиционного блока, результатом и плодом троцкистской теории «перепрыгивания» через не изжившие себя формы движения.

III

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОШИБКИ ОППОЗИЦИОННОГО БЛОКА

Политические и организационные ошибки оппозиционного блока являются прямым продолжением его главной ошибки в основном вопросе о характере и перспективах нашей революции.

Говоря о политических и организационных ошибках оппозиции, я имею в виду такие вопросы, как вопрос о гегемонии пролетариата в деле хозяйственного строительства, вопрос об индустриализации, вопрос о партийном аппарате и «режиме» в партии и т. д.

Партия исходит из того, что в своей политике вообще, в экономической политике в особенности, нельзя отрывать индустрию от сельского хозяйства, что развитие этих двух основных отраслей хозяйства должно пойти по линии их сочетания, по линии их объединения в социалистическом хозяйстве.

Отсюда наш, социалистический метод индустриализации страны через **неуклонное улучшение** материального

положения трудящихся масс, в том числе и основной массы крестьянства, как основной базы развёртывания индустриализации. Я говорю о социалистическом методе индустриализации в отличие от капиталистического метода индустриализации, проводимого через обнищание миллионных масс трудящихся слоёв.

В чём состоит основной минус капиталистического метода индустриализации? В том, что он ведёт к разрыву интересов индустриализации с интересами трудящихся масс, к обострению внутренних противоречий в стране, к обнищанию миллионных масс рабочих и крестьян, к обращению прибылей не на улучшение материального и культурного положения широчайших масс внутри страны, а на вывоз капитала и на расширение базы капиталистической эксплуатации внутри и вне страны.

В чём состоит основной плюс социалистического метода индустриализации? В том, что он ведёт к единству интересов индустриализации и интересов основных масс трудящихся слоёв населения, в том, что он ведёт не к обнищанию миллионных масс, а к улучшению материального положения этих масс, не к обострению внутренних противоречий, а к их сглаживанию и преодолению, в том, что он неуклонно расширяет внутренний рынок и подымает ёмкость этого рынка, создавая, таким образом, прочную внутреннюю базу для развёртывания индустриализации.

Отсюда прямая заинтересованность основных масс крестьянства в социалистических путях индустриализации.

Отсюда возможность и необходимость осуществления гегемонии пролетариата в отношении крестьянства

в деле социалистического строительства вообще, индустриализации страны в частности.

Отсюда идея смычки социалистической индустрии с крестьянским хозяйством — прежде всего через массовое кооперирование крестьянства, идея руководящей роли индустрии в отношении сельского хозяйства.

Отсюда наша налоговая политика, политика снижения цен на промтовары и т. д., учитывающие интересы сохранения экономического сотрудничества пролетариата и крестьянства, интересы укрепления союза рабочих и крестьян.

Оппозиционный блок, наоборот, исходит из противопоставления индустрии сельскому хозяйству и сбивается на путь отрыва индустрии от сельского хозяйства. Он не понимает и не признаёт, что нельзя двигать вперёд индустрию, обходя интересы сельского хозяйства, нарушая эти интересы. Он не понимает, что если индустрия является руководящим началом народного хозяйства, то сельское хозяйство, в свою очередь, представляет ту базу, на основе которой может развёртываться у нас индустрия.

Отсюда рассматривание крестьянского хозяйства как «колонии», которую должно «эксплуатировать» пролетарское государство (Преображенский).

Отсюда боязнь хорошего урожая (Троцкий), являющегося будто бы силой, могущей дезорганизовать нашу экономику.

Отсюда своеобразная политика оппозиционного блока, сбивающаяся на путь обострения внутренних противоречий между индустрией и сельским хозяйством, на путь капиталистических методов индустриализации страны.

Не угодно ли, например, послушать Преображенского, являющегося одним из лидеров оппозиционного блока? Вот что он говорит в одной из своих статей:

«Чем более экономически-отсталой, мелкобуржуазной, крестьянской является та или иная страна, переходящая к социалистической организации производства... — тем больше социалистическое накопление вынуждено опираться на **эксплуатацию досоциалистических форм хозяйства...** Наоборот, чем более экономически и индустриально развитой является та или другая страна, в которой побеждает социальная революция... чем более для пролетариата данной страны является необходимым уменьшить неэквивалентность обмена своих продуктов на продукты **колоний,** т. е. уменьшить **эксплуатацию последних,**— тем более центр тяжести социалистического накопления будет перемещаться на производственную основу социалистических форм, т. е. опираться на прибавочный продукт собственной промышленности и собственного земледелия» (Е. Преображенский, статья «Основной закон социалистического накопления», «Вестник Комакадемии», 1924 г., № 8).

Едва ли нужно доказывать, что Преображенский сбивается на путь непримиримых противоречий между интересами нашей индустрии и интересами крестьянского хозяйства нашей страны,— стало быть, на путь капиталистических методов индустриализации.

Я думаю, что Преображенский, приравнивая крестьянское хозяйство к «колонии» и пытаясь строить отношения между пролетариатом и крестьянством как отношения **эксплуатации,**— подрывает тем самым, пытается подорвать, сам того не понимая, основы всякой возможной социалистической индустриализации.

Я утверждаю, что эта политика не имеет ничего общего с политикой партии, строящей дело индустриализации на основе экономического **сотрудничества** между пролетариатом и крестьянством.

То же самое, или почти то же самое, нужно сказать о Троцком, который боится «хорошего урожая» и думает, видимо, что хороший урожай представляет опасность с точки зрения хозяйственного развития нашей страны. Вот что он говорил, например, на апрельском пленуме:

«В этих условиях (Троцкий говорит об условиях современной диспропорции. **И. Ст.**) **хороший урожай,** т. е. потенциально возросшее число товарных излишков сельского хозяйства, **может стать фактором, не ускоряющим темп хозяйственного развития в сторону социализма, а, наоборот, дезорганизующим экономику,** обостряющим взаимоотношения между городом и деревней, а внутри самого города — между потребителями и государством. **Практически** говоря, **хороший урожай** — при отсутствии промтоваров — может означать перегонку зерна в увеличенном количестве на **самогон и возросшие городские хвосты. Политически** это будет означать **борьбу крестьянина против монополии внешней торговли, т. е. против социалистической промышленности»** *. (Стенограмма заседаний апрельского пленума ЦК, поправки Троцкого к проекту резолюции Рыкова, стр. 164.)

Сто́ит только сопоставить это более чем странное заявление Троцкого с заявлением тов. Ленина в период самого обострённого товарного голода о том, что хороший урожай является «спасением государства» [90], чтобы понять всю неправильность заявления Троцкого.

Троцкий, видимо, не признаёт того положения, что индустриализация может развиваться у нас лишь через постепенное улучшение материального положения трудовых масс деревни.

Троцкий, видимо, исходит из того, что индустриализация должна осуществляться у нас через некоторый, так сказать, «нехороший урожай».

* Курсив мой. **И. Ст.**

Отсюда практические предложения оппозиционного блока насчёт поднятия отпускных цен, налогового нажима на крестьянство и т. д., предложения, ведущие не к укреплению экономического сотрудничества между пролетариатом и крестьянством, а к его разложению, не к подготовке условий для гегемонии пролетариата в области хозяйственного строительства, а к подрыву этих условий, не к смычке индустрии с крестьянским хозяйством, а к их размычке.

Несколько слов о диференциации крестьянства. Всем известны шум и паника оппозиции по поводу роста диференциации. Всем известно, что никто так не разводил панику насчёт роста частного мелкого капитала в деревне, как оппозиция. Что же, однако, получается на деле? А вот что.

Во-первых, диференциация среди крестьянства, как это показывают факты, происходит у нас в совершенно своеобразных формах, а именно — не через «вымывание» середняка, а, наоборот, через его усиление, при значительном сужении крайних полюсов, причём такие факторы, как национализация земли, массовое кооперирование крестьянства, наша налоговая политика и т. д. не могут не создавать известных рамок и ограничений для самой диференциации.

Во-вторых,— и это главное,— рост частного мелкого капитала в деревне покрывается и перекрывается таким решающим фактом, как развитие нашей индустрии, укрепляющей позиции пролетариата и социалистических форм хозяйства и представляющей основное противоядие против всех и всяких форм частного капитала.

Все эти обстоятельства, видимо, прошли мимо поля зрения «новой оппозиции», продолжающей, по инерции,

кричать и разводить панику насчёт частного капитала в деревне.

Может быть, не лишне будет напомнить оппозиции слова Ленина на этот предмет. Вот что говорит на этот счёт тов. Ленин:

«Всякое улучшение положения крупного производства, возможность пустить некоторые крупные фабрики — настолько упрочивает положение пролетариата, что бояться стихии мелкой буржуазии, даже возрастающей, нечего. Не того надо бояться, что мелкая буржуазия и мелкий капитал вырастет. Надо бояться того, что слишком долго продолжается состояние крайнего голода, нужды, недостатка продуктов, из которого вытекает уже полное обессиление пролетариата, невозможность для него противостоять стихии мелкобуржуазных колебаний и отчаяния. Это страшнее. При увеличении количества продуктов никакое развитие мелкой буржуазии не будет большим минусом, поскольку это даёт развитие крупной промышленности»... (см. т. XXVI, стр. 256).

Поймут ли когда-либо оппозиционеры, что паника насчёт диференциации и частного капитала в деревне есть обратная сторона неверия в возможность победоносного социалистического строительства в нашей стране.

Несколько слов о борьбе оппозиции против партийного аппарата и «режима» в партии.

К чему сводится на деле борьба оппозиции против партийного аппарата, представляющего руководящее ядро нашей партии? Едва ли нужно доказывать, что борьба оппозиции в этой области сводится, в конце концов, к попыткам дезорганизовать партийное руководство и разоружить партию в её борьбе за улучшение государственного аппарата, за изгнание бюрократизма из этого аппарата, за руководство государственным аппаратом.

К чему ведёт борьба оппозиции с «режимом» в партии? К тому, чтобы разложить железную дисциплину в партии, без которой немыслима диктатура пролетариата, к тому, чтобы расшатать, в конце концов, основы диктатуры пролетариата.

Партия права поэтому, утверждая, что политические и организационные ошибки оппозиции являются отражением напора непролетарских элементов на нашу партию, на диктатуру пролетариата.

Таковы, товарищи, политические и организационные ошибки оппозиционного блока.

IV

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Недавно на пленуме ЦК и ЦКК[91] Троцкий заявил, что принятие конференцией тезисов об оппозиционном блоке должно неминуемо повести к исключению лидеров оппозиции из партии. Я должен заявить, товарищи, что это заявление Троцкого лишено всякого основания, что оно является фальшивым. Я должен заявить, что принятие тезисов об оппозиционном блоке может иметь лишь одну цель: решительную борьбу с принципиальными ошибками оппозиции на предмет их полного преодоления.

Всем известно, что X съезд нашей партии принял резолюцию об анархо-синдикалистском уклоне[92]. А что такое анархо-синдикалистский уклон? Нельзя сказать, чтобы анархо-синдикалистский уклон был «лучше» социал-демократического уклона. Однако из факта принятия резолюции об анархо-синдикалистском уклоне никто еще до сих пор не делал вывода

о том, что члены «рабочей оппозиции» подлежат обязательному исключению из партии.

Троцкий не может не знать, что XIII съезд нашей партии объявил троцкизм «явно выраженным мелкобуржуазным уклоном». Однако никто еще до сих пор не считал, что принятие такой резолюции должно повести к обязательному исключению лидеров троцкистской оппозиции из партии.

Вот соответствующее место из резолюции XIII съезда:

«В лице нынешней «оппозиции» мы имеем перед собою не только попытку ревизии большевизма, не только прямой отход от ленинизма, но и **явно выраженный мелкобуржуазный уклон** *. Не подлежит никакому сомнению, что эта «оппозиция» объективно отражает напор мелкой буржуазии на позиции пролетарской партии и её политику». (Из резолюции XIII съезда.)

Пусть объяснит нам Троцкий, чем лучше мелкобуржуазный уклон уклона социал-демократического. Разве трудно понять, что социал-демократический уклон является разновидностью мелкобуржуазного уклона? Разве трудно понять, что, говоря о социал-демократическом уклоне, мы лишь уточняем то, что сказано у нас в резолюции XIII съезда? Мы вовсе не объявляем лидеров оппозиционного блока социал-демократами. Мы только говорим, что у оппозиционного блока наметился социал-демократический уклон, и предупреждаем, что еще не поздно отойти от этого уклона, к чему мы и призываем оппозиционный блок.

А вот что сказано о троцкизме в известной резолюции ЦК и ЦКК в январе 1925 года[93]:

---

* Курсив мой. **И. Ст.**

«По существу дела современный троцкизм есть фальсификация коммунизма в духе приближения к «европейским» образцам псевдо-марксизма, т. е., в конце концов, в духе «европейской» социал-демократии». (Из резолюции пленума ЦК и ЦКК 17 января 1925 года.)

Должен сказать, что обе эти резолюции написаны в основном рукой Зиновьева. Однако не только партия в целом, но даже Зиновьев — в частности, не делали из этого вывода о том, что лидеры троцкистской оппозиции должны быть исключены из партии.

Может быть, не лишне будет отметить отзыв Каменева о троцкизме, приравнивающего троцкизм к меньшевизму? Слушайте:

«Троцкизм был всегда наиболее благовидной, наиболее прикрытой, наиболее приспособленной к обману именно революционно настроенной части рабочих **формой меньшевизма**». (Сборник статей «За ленинизм». Л. Каменев, «Партия и троцкизм», стр. 51.)

Все эти факты известны Троцкому не меньше, чем любому из нас. Однако никто еще не ставил вопроса об исключении Троцкого и его единомышленников на основании резолюций, скажем, XIII съезда.

Вот почему я думаю, что заявление Троцкого на пленуме ЦК и ЦКК является неискренним, фальшивым.

Одобряя в основном тезисы об оппозиционном блоке, октябрьский пленум ЦК и ЦКК имел в виду не репрессии, а необходимость идейной борьбы с принципиальными ошибками оппозиции, от которых оппозиция всё еще не отказывается и за которые она намерена бороться и впредь в рамках устава, как она сообщает об этом в своём «заявлении» от 16 октября. Поступая

так, пленум ЦК и ЦКК исходил из того, что борьба с принципиальными ошибками оппозиции является единственным средством их преодоления, а преодоление этих ошибок — единственным путём действительного единства в нашей партии. Разбив оппозиционный блок и заставив его отказаться от фракционности, партия добилась этим необходимого минимума, без которого невозможно единство в партии. Это, конечно, не мало. Но этого недостаточно. Для того, чтобы добиться полного единства, необходимо сделать ещё шаг вперёд, добиваясь отказа оппозиционного блока от его принципиальных ошибок и ограждая таким образом партию и ленинизм от наскоков и попыток ревизии.

Это — первый вывод.

Отклонив принципиальную позицию оппозиционного блока и отбросив прочь попытки оппозиции к новой дискуссии, партийные массы сказали: сейчас не время для болтовни, пора взяться вплотную за дело социалистического строительства. Отсюда вывод: поменьше болтовни, побольше творческой положительной работы, вперёд за социалистическое строительство!

Это — второй вывод.

А третий вывод состоит в том, что в ходе внутрипартийной борьбы и в ходе отражения наскоков оппозиции партия сплотилась воедино, как никогда, **на основе** социалистических перспектив нашего строительства.

Это — третий вывод.

Партия, сплотившаяся **на основе** социалистических перспектив нашего строительства, — это тот самый рычаг, который так нужен теперь для того, чтобы двинуть вперёд социалистическое строительство в нашей стране.

Этот рычаг выковали мы в борьбе с оппозиционным блоком.

Борьба сплотила нашу партию вокруг её ЦК на основе социалистических перспектив нашего строительства. Конференция должна оформить это сплочение тем, что она, я надеюсь, единогласно примет тезисы, предложенные ей Центральным Комитетом.

Я не сомневаюсь, что конференция выполнит это своё дело с честью. (Бурные, продолжительные аплодисменты; все делегаты встают; овация.)

«Правда» №№ 256 и 257;
5 и 6 ноября 1926 г.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО ДОКЛАДУ «О СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ УКЛОНЕ В НАШЕЙ ПАРТИИ»

3 ноября 1926 г.

I

О НЕКОТОРЫХ ОБЩИХ ВОПРОСАХ

1. МАРКСИЗМ НЕ ДОГМА, А РУКОВОДСТВО К ДЕЙСТВИЮ

Товарищи! В своём докладе я говорил, что марксизм не догма, а руководство к действию, что известная формула Энгельса, данная в 40-х годах прошлого столетия, была правильна в своё время, но теперь она стала недостаточной. Я говорил, что она должна быть ввиду этого заменена формулой Ленина о том, что при новых условиях развития капитализма и классовой борьбы пролетариата победа социализма в отдельных странах вполне возможна и вероятна.

Мне возражали во время прений. Особенно постарался в этом отношении Зиновьев. Я вынужден поэтому вновь поставить этот вопрос и осветить его более подробно.

Я думаю, что Зиновьев не читал «Принципов коммунизма» Энгельса, а если читал,— не понял их, иначе он не стал бы возражать, иначе он учёл бы тот факт, что за старую формулу Энгельса цепляется теперь социал-демократия в своей борьбе с ленинизмом, иначе Зиновьев понял бы, что, идя по стопам социал-демократии, можно нарваться на некоторые опасности «перерождения».

Вот что говорит Энгельс в своих «Принципах коммунизма»[94], представляющих собой изложение отдельных положений в виде вопросов и ответов.

«Вопрос: Возможно ли произвести отмену частной собственности сразу?

Ответ: Нет, невозможно, точно так же, как нельзя сразу увеличить имеющиеся средства производства в таких пределах, какие необходимы для создания общественного производства. Поэтому **революция пролетариата***, которая, по всей вероятности, произойдёт, сумеет только постепенно преобразовать нынешнее общество и лишь после этого отменит частную собственность, когда уже будет создана необходимая для этого масса средств производства.

Вопрос: Каков будет ход этой революции?

Ответ: Прежде всего, она создаст демократический строй и тем самым, прямо или косвенно, политическое господство пролетариата».

Речь идёт здесь, очевидно, о свержении буржуазии и завоевании диктатуры пролетариата. Вы знаете, товарищи, что этот пункт у нас уже осуществлён, осуществлён с избытком. (Голоса: «Верно!». «Правильно!».)

Дальше:

«Демократия была бы совершенно бесполезна для пролетариата, если ею не воспользоваться немедленно, как средством для проведения широких мероприятий, непосредственно посягающих на частную собственность и обеспечивающих существование пролетариата. Главнейшие мероприятия эти, с необходимостью вытекающие из существующих ныне условий, суть следующие:

1) Ограничение частной собственности: прогрессивный налог, высокий налог на наследства, отмена наследования в боковых линиях (братьев, племянников и т. д.), принудительные займы и т. д.».

Вы знаете, что эти мероприятия осуществлены и осуществляются у нас с избытком.

* Курсив мой. **И. Ст.**

Дальше:

«2) Постепенная экспроприация земельных собственников, фабрикантов, владельцев железных дорог и морских судов, частью посредством конкуренции со стороны государственной промышленности, частью непосредственно путём выкупа ассигнатами».

Вы знаете, что эти мероприятия также проведены у нас еще в первые годы нашей революции.

Дальше:

«3) Конфискация имущества всех эмигрантов и бунтовщиков, восставших против большинства народа».

Вы знаете, что мы уже конфисковали и переконфисковали так, что дальше некуда итти. (Смех.)

Дальше:

«4) Организация труда или предоставление занятий пролетариям в национальных имениях, фабриках и мастерских, благодаря чему будет устранена конкуренция рабочих между собой, и фабриканты, поскольку они еще останутся, будут вынуждены платить такую же высокую плату, как и государство».

Известно, что на этом пути мы стоим, на этом пути мы одерживаем ряд побед, и в основном этот пункт уже осуществляется с успехом.

Дальше:

«5) Одинаковый принудительный труд для всех членов общества до полной отмены частной собственности. Образование промышленных армий, в особенности для сельского хозяйства».

Вы знаете, что мы пробовали этот путь в период военного коммунизма, в виде организации трудовых армий. Но на этом пути больших результатов не добились. Мы пошли потом к этой цели обходными путями, и нет оснований сомневаться в том, что добьёмся в этой области решающих успехов.

Далее:

«6) Централизация кредитной системы и торговли деньгами в руках государства посредством национального банка с государственным капиталом. Закрытие всяких частных банков и банкирских контор».

Это также, товарищи, как вам хорошо известно, в основном уже осуществлено у нас.

Далее:

«7) Увеличение числа национальных фабрик, мастерских, железных дорог и морских судов, обработка всех земель, остающихся невозделанными, и улучшение обработки возделанных уже земель соответственно тому, как увеличиваются капиталы и растёт число рабочих, которыми располагает нация».

Вы знаете, что и это дело осуществляется и идёт у нас вперёд, чему содействует всемерно и национализация земли, и национализация основных отраслей промышленности.

Дальше:

«8) Воспитание всех детей с того момента, как они могут обходиться без материнского ухода, в государственных учреждениях и на государственный счёт».

Это дело у нас осуществляется, но оно далеко еще не осуществлено, так как, разорённые войной и интервенцией, мы еще не в состоянии взять на попечение государства воспитание всех детей в стране.

Дальше:

«9) Сооружение больших дворцов в национальных владениях, в качестве общих жилищ для коммун граждан, которые будут заниматься промышленностью, сельским хозяйством и соединять преимущества городского и сельского образа жизни, не страдая от их односторонности и недостатков».

Речь идёт, очевидно, о жилищном вопросе в большом масштабе. Вы знаете, что это дело мы двигаем вперёд,

и ежели оно в основном еще не осуществлено и не скоро, пожалуй, будет осуществлено, то это потому, что, получив в наследство разорённую промышленность, мы не успели еще и не могли успеть накопить достаточные фонды для широкого жилищного строительства.

Дальше:

«10) Разрушение всех нездоровых и плохо построенных жилищ и кварталов в городах».

Этот пункт является составной частью предыдущего пункта,— поэтому сказанное насчёт предыдущего пункта должно быть отнесено и к этому пункту.

Дальше:

«11) Одинаковое право наследования для брачных и внебрачных детей».

Мне кажется, что это дело идёт у нас, так сказать, удовлетворительно.

Наконец, последний пункт:

«12) Концентрация всего транспортного дела в руках нации».

Вы знаете, что это дело уже осуществлено у нас полностью.

Такова, товарищи, программа пролетарской революции, данная Энгельсом в его «Принципах коммунизма».

Вы видите, товарищи, что девять десятых этой программы **уже** осуществлено нашей революцией.

Дальше:

«В о п р о с: **Может ли** эта революция (о которой говорилось выше. **И. Ст.**) произойти **в одной какой-нибудь стране?**

О т в е т: **Нет.** Крупная промышленность уже тем, что она создала мировой рынок, так связала между собой все народы земного шара, в особенности цивилизованные народы, что

каждый из них зависит от того, что происходит у другого. Затем крупная промышленность так уравняла общественное развитие во всех цивилизованных странах, что всюду буржуазия и пролетариат стали двумя решающими классами общества и борьба между ними — главной борьбой нашего времени. **Поэтому коммунистическая революция будет не только национальной, но произойдёт одновременно во всех цивилизованных странах, т. е., по крайней мере, в Англии, Америке, Франции и Германии»...*** (см. **Ф. Энгельс,** «Принципы коммунизма»).

Вот как обстоит дело, товарищи.

Энгельс говорил, что пролетарская революция с изложенной выше программой **не может** произойти в отдельной стране. А факты говорят, что в новых условиях классовой борьбы пролетариата, в условиях империализма мы **уже произвели** в основном такую революцию в отдельной стране, в нашей стране, осуществив девять десятых её программы.

Зиновьев может сказать, что мы ошиблись, осуществив эту программу, осуществив эти пункты. (Смех.) Очень может быть, что мы допустили некоторую «национальную ограниченность», осуществив эти пункты. (Смех.) Очень может быть. Но одно всё же ясно, что то, что считал Энгельс в 40-х годах прошлого столетия, в условиях домонополистического капитализма, неосуществимым и невозможным для одной страны, стало осуществимым и возможным в нашей стране, в условиях империализма.

Конечно, если бы Энгельс был жив, он не стал бы цепляться за старую формулу, а, наоборот, всемерно приветствовал бы нашу революцию, говоря: «К чорту все старые формулы, да здравствует победоносная революция в СССР!». (Аплодисменты.)

---

* Курсив везде мой. **И. Ст.**

Но не так думают господа из лагеря социал-демократов. Они цепляются за старую формулу Энгельса для того, чтобы, прикрывшись ею, облегчить себе борьбу против нашей революции, против большевиков. Это их дело, конечно. Плохо только, что Зиновьев старается подражать этим господам, становясь в данном случае на путь социал-демократии.

Приводя формулу Энгельса и развивая её подробно, я имел в виду три соображения:

во-первых, путём противопоставления формулы Ленина о возможности победы социализма в одной стране формуле Энгельса, являющейся наиболее крайним и резким выражением точки зрения марксистов старого периода, — создать максимальную ясность в вопросе;

во-вторых, разоблачить реформизм и антиреволюционализм социал-демократии, старающейся прикрыть свой оппортунизм ссылкой на старую формулу Энгельса;

в-третьих, показать, что Ленин был **первый**, который разрешил вопрос о победе социализма в одной стране.

Надо признать, товарищи, что именно Ленин, а не кто-либо другой, открыл истину о возможности победы социализма в одной стране. Нельзя отнять у Ленина то, что принадлежит ему по праву. Не надо бояться правды, надо иметь мужество сказать правду, надо иметь мужество сказать открыто, что Ленин был **первый** из марксистов, который по-новому поставил вопрос о победе социализма в одной стране и разрешил его в положительном смысле.

Я этим вовсе не хочу сказать, что Ленин, как мыслитель, был выше Энгельса или Маркса. Я хочу этим сказать только две вещи:

во-первых: нельзя требовать от Энгельса или Маркса, какими бы они ни были гениальными мыслителями, чтобы они предусмотрели в период домонополистического капитализма все возможности классовой борьбы пролетариата и пролетарской революции, открывшиеся спустя более чем полстолетие, в период развитого монополистического капитализма;

во-вторых: нет ничего удивительного в том, что Ленин, как гениальный ученик Энгельса и Маркса, сумел подметить новые возможности пролетарской революции в новых условиях развития капитализма и открыл, таким образом, истину о возможности победы социализма в одной стране.

Нужно уметь различать между буквой и сущностью марксизма, между отдельными положениями и методом марксизма. Ленину удалось открыть истину о победе социализма в одной стране потому, что он считал марксизм не догмой, а руководством к действию, он не был рабом буквы и умел схватывать главное, основное в марксизме.

Вот что говорит на этот счёт Ленин в своей брошюре «Детская болезнь «левизны» в коммунизме»:

> «Наша теория не догма, а **руководство к действию** — говорили Маркс и Энгельс, и величайшей ошибкой, величайшим преступлением таких «патентованных» марксистов, как Карл Каутский, Отто Бауэр и т. п., является то, что они этого не поняли, не сумели применить в самые важные моменты революции пролетариата» (см. т. XXV, стр. 211).

Вот путь, путь Маркса, Энгельса и Ленина, на котором мы стоим и на котором должны стоять и впредь, если мы хотим оставаться революционерами до конца.

Ленинизм отстоял себя как марксизм эпохи империализма и пролетарской революции потому, что он стоял

и продолжает стоять на этом пути. Отойти от этого пути — значит попасть в болото оппортунизма. Соскользнуть с этого пути — значит поплестись в хвосте за социал-демократией, что и произошло в данном случае с Зиновьевым.

Зиновьев говорил здесь, что впоследствии Маркс и Энгельс смягчили старую формулу Энгельса, допустив возможность того, что пролетарская революция может начаться и в отдельных странах. Он приводил цитату Энгельса о том, что «француз начнёт, а немец доделает»[95]. Всё это верно. Это известно теперь каждому совпартшкольцу. Но дело в том, что не об этом идёт теперь речь. Одно дело сказать: начинай революцию, тебя в ближайшее же время поддержит победоносная революция в других странах, причём, в случае такой победы в других странах, ты можешь рассчитывать на победу. Это одно дело. Другое дело сказать: начинай революцию и двигай её дальше, зная, что, если даже не подоспеет в ближайшее время победа революции в других странах, условия борьбы теперь, в период развитого империализма, таковы, что ты можешь всё же победить для того, чтобы разжечь потом революцию в других странах. Это другое дело.

И если я приводил старую формулу Энгельса, то не для того, чтобы пройти мимо факта о том, что Энгельс и Маркс впоследствии смягчили эту резкую и крайнюю формулу, а для того, чтобы:

а) создать ясность в вопросе путём противопоставления двух противоположных формул;

б) вскрыть оппортунизм социал-демократии, старающейся прикрыться старой формулой Энгельса;

в) показать, что Ленин был первый, который по-новому поставил вопрос о победе социализма в одной стране и разрешил его в положительном смысле.

Как видите, товарищи, я был прав, говоря, что Зиновьев не читал «Принципов коммунизма», а если и читал, то не понял их, трактуя старую формулу Энгельса по социал-демократически и скатившись, таким образом, на путь оппортунизма.

2. НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ЛЕНИНА О ДИКТАТУРЕ ПРОЛЕТАРИАТА

Я говорил, дальше, в своём докладе, что мы имеем более или менее аналогичный случай в вопросе о диктатуре пролетариата в обстановке развитого империализма. Я говорил, что в вопросе о диктатуре пролетариата, понимаемой как слом старого буржуазного государственного аппарата и постройка нового пролетарского аппарата, Маркс сделал в своё время (в 70-х годах XIX столетия) исключение для Англии и, пожалуй, для Америки, где милитаризм и бюрократизм были развиты тогда мало и где могла быть тогда возможность достижения политического господства пролетариата другими путями, «мирными» путями. Я говорил, что это исключение или ограничение, допущенное Марксом для Англии и Америки, будучи тогда правильным, стало, по мнению Ленина, неправильным и излишним в нынешних условиях развитого империализма, когда милитаризм и бюрократия расцвели в Англии и Америке так же, как и в других странах.

Позвольте, товарищи, сослаться на Маркса. Вот что писал Маркс в своём письме к Кугельману в апреле 1871 года:

«...Если ты заглянешь в последнюю главу моего «18-го Брюмера», ты увидишь, что следующей попыткой французской революции я объявляю: не передать из одних рук в другие бюрократически-военную машину, как бывало до сих пор, а **сломать** её..., и именно таково предварительное условие всякой действительной народной революции **на континенте** *. Как раз в этом и состоит попытка наших геройских парижских товарищей». (Цитирую по книге **Ленина** «Государство и революция», т. XXI, стр. 394.)

Так писал Маркс в 1871 году.

За эту цитату ухватились, как известно, все и всякие социал-демократы и первым долгом Каутский, утверждая, что насильственная революция пролетариата не является обязательным методом движения к социализму, что диктатура пролетариата не должна быть понята обязательно, как слом старого буржуазного государственного аппарата и постройка нового пролетарского аппарата, что мирный путь перехода от капитализма к социализму является тем самым путём, за который и должен бороться пролетариат.

Как реагировал на это обстоятельство тов. Ленин? Вот что он писал на этот счёт в своей книге «Государство и революция»:

«Интересно отметить особо два места в приведённом рассуждении Маркса. Во-первых, он ограничивает свой вывод континентом. Это было понятно в 1871-ом году, когда Англия была еще образцом страны чисто-капиталистической, но без военщины и в значительной степени без бюрократии. Поэтому Маркс исключал Англию, где революция, и даже народная революция, представлялась и была тогда возможной **без** предварительного условия разрушения «готовой государственной машины».

Теперь *, в 1917-ом году, в эпоху первой великой империалистской войны, **это ограничение Маркса отпадает** *. И Англия

* Курсив мой. **И. Ст.**

и Америка, крупнейшие и последние — во всём мире — представители англо-саксонской «свободы» в смысле отсутствия военщины и бюрократизма, скатились вполне в общеевропейское грязное, кровавое болото бюрократически-военных учреждений, всё себе подчиняющих, всё собой подавляющих. Теперь и в Англии и в Америке «предварительным условием всякой действительно народной революции» является **ломка, разрушение** «готовой» (изготовленной там в 1914—1917 годах до «европейского», общеимпериалистского, совершенства) «государственной машины»» (см. т. XXI, стр. 395).

Вы видите, что мы имеем тут случай, более или менее аналогичный тому случаю, о котором я докладывал в связи со старой формулой Энгельса о победе социализма.

Ограничение или исключение, допущенное Марксом для Англии и Америки, имело свои основания, пока не было развитого милитаризма и развитой бюрократии в этих странах. Это ограничение отпало, по мнению Ленина, в новых условиях монополистического капитализма, когда милитаризм и бюрократия развились в Англии и Америке не меньше, если не больше, чем в странах европейского континента.

Поэтому насильственная революция пролетариата, диктатура пролетариата, является неизбежным и обязательным условием движения к социализму во всех без исключения империалистических государствах.

Поэтому оппортунисты всех стран, цепляясь за допущенное Марксом условно ограничение и ратуя против диктатуры пролетариата, защищают не марксизм, а своё собственное оппортунистическое дело.

Ленин пришёл к этому выводу потому, что он умел различать между буквой марксизма и сущностью марксизма, он рассматривал марксизм не как догму, а как руководство к действию.

Было бы странно требовать, чтобы Маркс предусмотрел за несколько десятилетий все и всякие возможности развития капитализма и классовой борьбы в будущем. Но было бы ещё более странно удивляться тому, что Ленин подметил и обобщил эти возможности в новых условиях развития капитализма, когда эти возможности появились и развились в более чем достаточной степени.

Тут была реплика с места, кажется, Рязанова, о том, что ограничение, допущенное Марксом для Англии и Америки, неправильно не только для нынешних условий классовой борьбы, но оно было неправильно и для тех условий, когда Маркс допускал это ограничение. Я не согласен с Рязановым. Я думаю, что Рязанов ошибается. Во всяком случае, Ленин думает об этом иначе, заявляя совершенно определённо, что Маркс был прав, делая такое допущение для Англии и Америки 70-х годов.

Вот что пишет об этом тов. Ленин в своей брошюре «О продналоге»:

«Когда мы спорили в ЦИК с Бухариным, он заметил между прочим: в вопросе о высоких жалованьях специалистам **«мы»** «правее Ленина», ибо никакого отступления от принципов здесь не видим, памятуя слова Маркса, что при известных условиях рабочему классу всего целесообразнее было бы «откупиться от этой банды» (именно от банды капиталистов, т. е. **выкупить** у буржуазии землю, фабрики, заводы и прочие средства производства). Это чрезвычайно интересное замечание». «...**Вдумайтесь** в мысль Маркса. Дело шло об Англии 70 годов прошлого века, о кульминационном периоде до-монополистического капитализма, о стране, в которой тогда всего меньше было военщины и бюрократии, о стране, в которой тогда всего более было возможностей «мирной» победы социализма в смысле «выкупа» буржуазии рабочими. И Маркс говорил: при известных условиях рабочие

вовсе не откажутся от того, чтобы буржуазию выкупить. Маркс не связывал себе — и будущим деятелям социалистической революции — рук насчёт форм, приёмов, способов переворота, превосходно понимая, какая масса новых проблем тогда встанет, как изменится вся обстановка в ходе переворота, как **часто** и **сильно** будет она меняться в ходе переворота. Ну, а в Советской России **после** взятия власти пролетариатом, **после** подавления военного и саботажнического сопротивления эксплуататоров — неужели не очевидно, что **некоторые** условия сложились по типу тех, которые могли бы сложиться полвека тому назад в Англии, если бы она мирно стала тогда переходить к социализму? Подчинение капиталистов рабочим в Англии могло бы тогда быть обеспечено следующими обстоятельствами: (1) полнейшим преобладанием рабочих, пролетариев в населении, вследствие отсутствия крестьянства (в Англии в 70 годах были признаки, позволявшие надеяться на чрезвычайно быстрые успехи социализма среди сельских рабочих); (2) превосходной организованностью пролетариата в профессиональных союзах (Англия была тогда первою в мире страной в указанном отношении); (3) сравнительно высокой культурностью пролетариата, вышколенного вековым развитием политической свободы; (4) долгой привычкой великолепно организованных капиталистов Англии — тогда они были наилучше организованными капиталистами из всех стран мира (теперь это первенство перешло к Германии) — к решению компромиссом политических и экономических вопросов. Вот в силу каких обстоятельств могла тогда явиться мысль **о возможности мирного подчинения** * капиталистов Англии её рабочим... Маркс был глубочайше прав, когда учил рабочих важности сохранить организацию крупнейшего производства именно в интересах облегчения перехода к социализму и полной допустимости мысли о том, чтобы **хорошо заплатить капиталистам,** выкупить их, ежели (в виде **исключения:** Англия была тогда исключением) обстоятельства сложатся так, что **заставят** * капиталистов мирно подчиниться и культурно, организованно перейти к социализму на условии выкупа» (см. т. XXVI, стр. 327—329).

Очевидно, что прав здесь Ленин, а не Рязанов.

---

* Курсив мой. **И. Ст.**

3. О НЕРАВНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН

Я говорил в своём докладе, что Ленин открыл и обосновал закон неравномерности экономического и политического развития капиталистических стран, что, исходя из этого закона, исходя из факта развития и обострения неравномерности, Ленин пришёл к идее о возможности победы социализма в одной стране. Против этого положения возражали Троцкий и Зиновьев. Троцкий говорил, что это положение Ленина неправильно теоретически. А Зиновьев вместе с Троцким заявили, что раньше, в период домонополистического капитализма, неравномерности развития было больше, чем теперь, в период монополистического капитализма, что связывать идею о возможности победы социализма в одной стране с законом неравномерности капиталистического развития нельзя.

Что Троцкий возражает против известного теоретического положения Ленина о законе неравномерного развития, в этом нет ничего удивительного, ибо известно, что этот закон опрокидывает теорию Троцкого о перманентной революции.

Кроме того, Троцкий явным образом сбивается здесь на обывательскую точку зрения. Он смешивает здесь **экономическое неравенство** отдельных стран в прошлом — каковое неравенство не всегда вело, и не могло вести, к скачкообразности развития этих стран — **с неравномерностью экономического и политического развития** в период империализма, когда экономического неравенства между странами меньше, чем это было в прошлом, но неравномерности экономического и политического развития несравненно больше, чем прежде,

и проявляется она острее, чем раньше, причём неравномерность эта ведёт обязательно и неминуемо к скачкообразности развития, ведёт к тому, что отставшие в промышленном отношении страны в более или менее короткий срок перегоняют ушедшие вперёд страны, что не может не создать, таким образом, предпосылок для грандиозных империалистических войн и возможности победы социализма в одной стране.

Едва ли нужно доказывать, что такое смешение двух разнородных понятий не говорит, и не может говорить, о высоком «теоретическом» уровне Троцкого.

Но я не могу понять Зиновьева, который был ведь большевиком и нюхал кое-что от большевизма. Как можно утверждать, что неравномерности развития раньше было больше, чем теперь, в условиях монополистического капитализма, не рискуя попасть в болото ультраимпериализма и каутскианства? Как можно утверждать, что идея победы социализма в одной стране не связана с законом неравномерности развития? Разве не известно, что Ленин выводил эту идею именно из закона неравномерности развития? О чём говорят, например, следующие слова Ленина:

«Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. **Отсюда следует** *, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране» (см. т. XVIII, стр. 232).

---

* Курсив мой. **И. Ст.**

Из чего исходит закон неравномерности развития?

Он исходит из того, что:

1) капитализм старый, домонополистический, перерос и развился в капитализм монополистический, в империализм;

2) раздел мира на сферы влияния империалистических групп и держав уже закончен;

3) развитие мирового хозяйства протекает в обстановке отчаянной смертельной борьбы империалистических групп за рынки, за сырьё, за расширение старых сфер влияния;

4) это развитие происходит не равномерно, а скачкообразно, в порядке вытеснения с рынков забежавших вперёд держав и выдвижения вперёд новых;

5) такой порядок развития определяется возможностью для одних империалистических групп быстрейшим образом развивать технику, удешевлять товары и захватывать рынки в ущерб другим империалистическим группам;

6) периодические переделы уже поделённого мира становятся, таким образом, абсолютной необходимостью;

7) переделы эти могут происходить, таким образом, лишь насильственным путём, в порядке проверки могущества тех или иных империалистических групп силой;

8) это обстоятельство не может не вести к усиленным конфликтам и к грандиозным войнам между империалистическими группами;

9) такое положение неизбежно ведёт ко взаимному ослаблению империалистов и создаёт возможность прорыва империалистического фронта в отдельных странах;

10) возможность прорыва империалистического фронта в отдельных странах не может не создавать благоприятных условий для победы социализма в одной стране.

Чем определяется обострение неравномерности и решающее значение неравномерного развития в условиях империализма?

Двумя главными обстоятельствами:

во-первых, тем, что раздел мира между империалистическими группами закончен, «свободных» земель нет больше в природе и передел поделённого путём империалистических войн является абсолютной необходимостью для достижения экономического «равновесия»;

во-вторых, тем, что небывалое раньше колоссальное развитие техники, в широком смысле этого слова, облегчает одним империалистическим группам перегонять и опережать другие империалистические группы в борьбе за завоевание рынков, в борьбе за захват источников сырья и т. д.

Но эти обстоятельства развились и дошли до высшей точки лишь в период развитого империализма. Да иначе оно и не могло быть, ибо только в период империализма мог закончиться передел мира, а колоссальные технические возможности появились лишь в период развитого империализма.

Этим и нужно объяснить тот факт, что если раньше Англия могла стоять впереди всех государств в промышленном отношении, оставляя их позади в продолжение более чем сотни лет, то потом, в период монополистического капитализма, Германии понадобились каких-нибудь два десятка лет для того, чтобы начать опережать Англию, а Америке понадобилось и того меньше для того, чтобы перегнать европейские государства.

Как можно после этого утверждать, что неравномерности развития раньше было больше, чем теперь, что

идея возможности победы социализма в одной стране не связана с законом неравномерного развития капитализма в период империализма?

Разве не ясно, что только обыватели в теории могут смешивать экономическое неравенство промышленных стран в прошлом с законом неравномерности экономического и политического развития, получившим особую силу и остроту лишь в период развитого монополистического капитализма?

Разве не ясно, что только полное невежество в области ленинизма могло продиктовать Зиновьеву и его друзьям более чем странные возражения против известных положений Ленина, связанных с законом о неравномерности экономического и политического развития капиталистических стран?

II

КАМЕНЕВ ПРОЧИЩАЕТ ДОРОГУ ДЛЯ ТРОЦКОГО

В чём состоит основной смысл выступления Каменева на этой конференции? Если отвлечься от некоторых мелочей и обычной дипломатии Каменева, то смысл его выступления состоит в том, чтобы облегчить Троцкому защиту своей позиции, облегчить ему борьбу с ленинизмом в основном вопросе о возможности победы социализма в одной стране.

Для этой цели Каменев взял на себя «труд» доказать, что основная статья Ленина (1915 г.), трактующая о возможности победы социализма в одной стране, не касается будто бы России, что Ленин, говоря о такой возможности, имел в виду не Россию, а другие капиталистические страны. Каменев взял на себя этот сомни-

тельный «труд» для того, чтобы прочистить, таким образом, путь Троцкому, «схему» которого убивает, и не может не убивать, статья Ленина, написанная в 1915 году.

Грубо говоря, Каменев взял на себя роль, так сказать, дворника у Троцкого (смех), прочищающего ему дорогу. Конечно, печально видеть директора Института Ленина в роли дворника у Троцкого не потому, что труд дворника представляет что-либо плохое, а потому, что Каменев, человек, несомненно, квалифицированный, я думаю, мог бы заняться другим, более квалифицированным трудом. (Смех.) Но он взял на себя эту роль добровольно, на что он имел, конечно, полное право, и с этим ничего не поделаешь.

Посмотрим теперь, выполнил ли Каменев эту более чем странную роль.

Каменев заявил в своей речи, что основное положение Ленина в его статье от 1915 года, положение, которое определило всю линию нашей революции и нашего строительства, что это положение, говорящее о возможности победы социализма в одной стране, не касается и не может касаться России, что Ленин, говоря о возможности победы социализма в одной стране, имел в виду не Россию, а только другие капиталистические страны. Это невероятно и чудовищно, это очень походит на прямую клевету на тов. Ленина, но Каменеву, видимо, нет дела до того, что может подумать партия в связи с этой фальсификацией Ленина. Он заботится лишь об одном: прочистить дорогу Троцкому любой ценой.

Как же он пытается обосновать это странное утверждение?

Он говорит, что, спустя две недели после упомянутой статьи тов. Ленина, Ленин дал известные тезисы[96]

о характере предстоящей революции в России, где он сказал, что задача марксистов исчерпывается тем, чтобы добиться победы буржуазно-демократической революции в России, что, сказав это, Ленин будто бы исходил из того, что революция в России должна застрять на её буржуазной фазе, не перерастая в революцию социалистическую. Ну, а так как статья Ленина о возможности победы социализма в одной стране трактует не о буржуазной революции, а о революции социалистической, то ясно, что Ленин не мог иметь в виду России в этой статье.

Таким образом, по Каменеву выходит, что Ленин понимал размах русской революции, как левый буржуазный революционер или как реформист типа социал-демократов, по мнению которых революция буржуазная не должна перерасти в революцию социалистическую, по мнению которых между революцией буржуазной и революцией социалистической должен существовать длительный исторический интервал, длительный перерыв, промежуток, по крайней мере, в несколько десятков лет, в продолжение которого капитализм будет процветать, а пролетариат будет прозябать.

Выходит, что Ленин в 1915 году, когда он писал свою статью, не думал, не хотел и не добивался того, чтобы от победы буржуазной революции перейти **немедленно** к революции социалистической.

Вы скажете, что это невероятно и чудовищно. Да, это утверждение Каменева, действительно, невероятно и чудовищно. Но Каменева этим не смутишь.

Позвольте привести некоторые документы, говорящие о том, что Каменев грубо фальсифицирует тов. Ленина в этом вопросе.

Вот что писал о характере русской революции тов. Ленин еще в 1905 году, когда размах русской революции не был и не мог быть таким мощным, каким он стал впоследствии, в результате империалистической войны, к февралю 1917 года:

«От революции демократической мы **сейчас же*** начнём переходить и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнём переходить к социалистической революции» (см. т. VIII, стр. 186).

Эта цитата взята из статьи Ленина, вышедшей в свет в сентябре 1905 года.

Знает ли о существовании этой статьи Каменев? Я думаю, что директор Института Ленина должен знать о её существовании.

Выходит, таким образом, что победу буржуазно-демократической революции Ленин мыслил не как окончание борьбы пролетариата и революции вообще, а как первый этап и переходную ступень к революции социалистической.

Но, может быть, Ленин впоследствии изменил свой взгляд на характер и размах русской революции? Возьмём другой документ. Я имею в виду статью Ленина, вышедшую в свет в 1915 году, в ноябре месяце, спустя три месяца после выхода в свет основной статьи тов. Ленина о возможности победы социализма в одной стране. Вот что он говорит там:

«Пролетариат борется и будет беззаветно бороться за завоевание власти, за республику, за конфискацию земель, **то-есть** за привлечение крестьянства, за **исчерпание** его революционных сил, за участие «непролетарских народных масс» в освобождении

* Курсив мой. **И. Ст.**

буржуазной России от **военно-феодального** «империализма» (=царизма). И этим освобождением буржуазной России от царизма, от земельной власти помещиков пролетариат воспользуется **немедленно** * не для помощи зажиточным крестьянам в их борьбе с сельским рабочим, а — **для совершения социалистической революции** * в союзе с пролетариями Европы» (см. т. XVIII, стр. 318).

Вы видите, что как здесь, так и в предыдущей цитате, как в 1905 году, так и в 1915 году Ленин одинаково исходил из того, что революция буржуазная должна перерасти в России в революцию социалистическую, что победа буржуазно-демократической революции в России является первым этапом русской революции, необходимым для того, чтобы перейти **немедленно** ко второму её этапу, к революции социалистической.

Ну, а как быть с тезисами Ленина в 1915 году, на которые ссылался в своей речи Каменев и в которых говорится о задачах буржуазно-демократической революции в России? Не противоречат ли эти тезисы идее перерастания буржуазной революции в революцию социалистическую? Конечно, не противоречат. Наоборот, основой этих тезисов является именно идея перерастания буржуазной революции в революцию социалистическую, идея перерастания первого этапа русской революции во второй этап. Во-первых, Ленин вовсе не говорит в этих тезисах, что размах русской революции и задачи марксистов в России **исчерпываются** задачами свержения царя и помещиков, задачами буржуазно-демократической революции. Во-вторых, Ленин ограничивается в этих тезисах характеристикой задач буржуазно-демократической революции потому, что он считает эту революцию **первым** этапом и **ближайшей** задачей

* Курсив мой. **И. Ст.**

русских марксистов. В-третьих, Ленин исходит из того, что осуществление своих задач русские марксисты должны начать не со второго этапа (как это предлагал Троцкий по схеме «без царя, но правительство рабочее»), а с первого этапа, с этапа буржуазно-демократической революции.

Есть ли тут какое-либо противоречие, хотя бы тень противоречия с идеей перерастания буржуазной революции в революцию социалистическую? Ясно, что нет.

Выходит, что Каменев явным образом сфальсифицировал позицию Ленина.

Но мы имеем свидетелей против Каменева не только в лице документов, исходящих от Ленина. Мы имеем еще свидетелей в лице живых людей, вроде, например, Троцкого, вроде XIV конференции нашей партии и, наконец, как это ни странно, в лице самих Каменева и Зиновьева.

Известно, что статья Ленина о возможности победы социализма в одной стране была выпущена в свет в 1915 году. Известно, что Троцкий, полемизировавший тогда с тов. Лениным по вопросу о победе социализма в одной стране, тотчас же, т. е. в том же 1915 году, ответил на эту статью специальной критической статьёй. Что же сказал тогда Троцкий, в 1915 году, в своей критической статье? Как он расценил статью тов. Ленина? Понял ли он её так, что, говоря о победе социализма в одной стране, Ленин не имел в виду России, или как-либо иначе, скажем, так, как мы её понимаем теперь все? Вот цитата из этой статьи Троцкого:

«Единственное сколько-нибудь конкретное историческое соображение против лозунга Соединённых Штатов было формулировано в швейцарском «Социал-Демократе» (тогдашний

центральный орган большевиков, где и была напечатана вышеупомянутая статья Ленина. **И. Ст.**) в следующей фразе: «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма». Отсюда «Социал-Демократ» делал тот вывод, что возможна победа социализма в одной стране и что незачем поэтому диктатуру пролетариата в каждом отдельном государстве обусловливать созданием Соединённых Штатов Европы... Что ни одна страна не должна «дожидаться» других в своей борьбе — это элементарная мысль, которую полезно и необходимо повторять, дабы идея параллельного интернационального действия не подменялась идеей выжидательного интернационального бездействия. Не дожидаясь других, мы начинаем и продолжаем борьбу на национальной почве в полной уверенности, что наша инициатива даст толчок борьбе в других странах*, а если бы этого не произошло, то безнадёжно думать — так свидетельствуют и опыт истории и теоретические соображения, — что, например, **революционная Россия могла бы устоять перед лицом консервативной Европы** *, или социалистическая Германия могла бы остаться изолированной в капиталистическом мире» (см. соч. Троцкого, т. III, ч. 1, стр. 89—90).

Выходит, что Троцкий понял тогда статью Ленина не так, как её старается теперь «понять» Каменев, а так, как её понимал Ленин, как понимает её партия и как понимаем её мы все, иначе Троцкий не подкрепил бы себя в своей полемике с Лениным аргументом **от России.**

Выходит, что Троцкий свидетельствует тут, в этой цитате, против своего нынешнего союзника, против Каменева.

Почему же он не выступил, в таком случае, на этой конференции против Каменева? Почему Троцкий не заявил здесь открыто и честно, что Каменев явным образом искажает Ленина? Думает ли Троцкий, что его

* Курсив мой. **И. Ст.**

умолчание в данном случае можно квалифицировать как образец честной полемики? Да потому не выступил здесь Троцкий против Каменева, что он не хотел, видимо, впутаться в сомнительное «дело» прямого оклеветания Ленина,— он эту чёрную работу предоставил Каменеву.

А как смотрит на это дело партия, в лице её, напр., XIV конференции? Вот что говорится на этот счёт в резолюции XIV конференции, трактующей о возможности победы социализма в одной стране:

«Из «неравномерности экономического и политического развития, каковая неравномерность есть безусловный закон капитализма», тов. Ленин справедливо выводил две вещи: а) возможность «победы социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране» и б) возможность, что эти немногие, или даже одна страна, не обязательно будут странами самого развитого капитализма (см., в особенности, заметки о Суханове). **Опыт русской революции доказал***, что такая первая победа в одной стране не только возможна, но что при ряде благоприятных обстоятельств эта первая страна победоносной пролетарской революции может (при известной поддержке международного пролетариата) продержаться и упрочиться на долгий период, даже в том случае, когда эта поддержка не выливается в форме прямых пролетарских революций в других странах». (Из резолюции XIV партконференции «О задачах Коминтерна и РКП(б) в связи с расширенным пленумом ИККИ» [97].)

Выходит, что партия в целом, в лице её XIV конференции, свидетельствует против Каменева, против его утверждения о том, что Ленин в своей статье о победе социализма в одной стране не имел будто бы в виду России. Иначе конференция не сказала бы, что «опыт русской революции доказал» правильность известной статьи Ленина о победе социализма в одной стране.

---

* Курсив мой. **И. Ст.**

Выходит, что XIV конференция поняла статью тов. Ленина так же, как понимал её Ленин, как понимал её Троцкий и как понимаем её все мы.

А как отнеслись Каменев и Зиновьев к этой резолюции XIV конференции? Разве это не факт, что проект резолюции был выработан и принят **единогласно** комиссией, в состав которой входили Зиновьев и Каменев? Разве это не факт, что Каменев был председателем XIV конференции, принявшей **единогласно** упомянутую выше резолюцию, а Зиновьев — докладчиком по этой резолюции? Как могло случиться, что Каменев и Зиновьев голосовали за эту резолюцию, за все её пункты? Не ясно ли, что Каменев понимал тогда статью Ленина, цитата из которой прямо внесена в резолюцию XIV конференции, иначе, чем он старается теперь её «понять»? Какому Каменеву верить: тому ли, который, будучи председателем XIV конференции, голосовал за резолюцию XIV конференции, или тому, который выступает теперь, на XV конференции, в роли дворника при Троцком?

Выходит, что Каменев периода XIV конференции свидетельствует против Каменева периода XV конференции.

А почему молчит Зиновьев и не пытается поправить Каменева, явным образом фальсифицирующего и ленинскую статью 1915 года и резолюцию XIV конференции? Разве это не факт, что Зиновьев, а не кто-либо другой, защищал на XIV конференции резолюцию о победе социализма в одной стране?

Выходит, что не всё тут обстоит чисто у Зиновьева. (Голоса: «Совсем нечисто».) Где же тут честная полемика?

Выходит, что Каменеву и Зиновьеву теперь не до честной полемики.

А вывод? Вывод такой, что Каменев не сумел выполнить роли дворника при Троцком. Он не оправдал надежд Троцкого.

III

НЕВЕРОЯТНАЯ ПУТАНИЦА, ИЛИ ЗИНОВЬЕВ О РЕВОЛЮЦИОННОСТИ И ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМЕ

Перехожу к Зиновьеву. Если Каменев во всём своём выступлении старался прочистить дорогу Троцкому, то Зиновьев взял на себя задачу доказать, что лидеры оппозиции являются единственными революционерами и единственными интернационалистами во всём мире.

Разберём его «доводы».

Он берёт слова Бухарина о том, что при рассмотрении вопросов внутреннего порядка (строительство социализма) следует методологически отвлечься от вопросов внешнего порядка, он сличает, далее, это положение Бухарина с тезисами об оппозиционном блоке, где говорится о возможности победы социализма в нашей стране, и приходит к выводу, что Бухарин и ЦК, утвердивший в основном тезисы, забывают будто бы тем самым о международных задачах нашей революции, об интересах международной революции.

Правильно ли всё это? Всё это пустяки, товарищи. Секрет тут состоит в том, что Зиновьев слаб в вопросах методологии, путается в трёх соснах и выдаёт свою собственную путаницу за действительность. Бухарин говорит, что нельзя смешивать вопросы строительства

социализма с вопросами создания гарантии от интервенций в нашу страну, вопросы внутренние с вопросами внешними. Бухарин вовсе не говорит, что вопросы внутренние не связаны с вопросами внешними, с вопросами международными. Он говорит лишь то, что нельзя вопросы первого порядка путать с вопросами второго порядка. Это — основное и элементарное требование методологии. Кто же тут виноват, если Зиновьев не понимает элементарных вопросов методологии?

Мы исходим из того, что наша страна представляет два ряда противоречий: противоречий внутреннего порядка и противоречий внешнего порядка. Противоречия внутреннего порядка состоят, прежде всего, в борьбе социалистических и капиталистических элементов. Мы говорим, что эти противоречия мы можем преодолеть своими собственными силами, мы можем победить капиталистические элементы нашего хозяйства, вовлечь в социалистическое строительство основные массы крестьянства и построить социалистическое общество.

Противоречия внешнего порядка состоят в борьбе между страной социализма и капиталистическим окружением. Мы говорим, что разрешить эти противоречия собственными силами мы не можем, что для разрешения этих противоречий необходима победа социализма, по крайней мере, в нескольких странах. Именно поэтому мы и говорим, что победа социализма в одной стране является не самоцелью, а подспорьем, средством и орудием для победы пролетарской революции во всех странах.

Правильно ли всё это? Пусть докажет Зиновьев, что это неправильно.

Беда Зиновьева состоит в том, что он не видит разницы между этими двумя рядами противоречий, он путает их безбожно и выдаёт свою собственную путаницу за «подлинный» интернационализм, полагая, что кто отвлекается методологически от вопросов внешнего порядка при рассматривании вопросов внутреннего порядка, тот забывает об интересах международной революции.

Это очень смешно, но надо же понять, что это неубедительно.

Что касается тезисов, которые якобы упускают из виду международный момент нашей революции, то стóит прочесть эти тезисы, чтобы понять, что Зиновьев опять запутался. Вот что сказано в тезисах:

«Партия исходит из того, что наша революция является революцией социалистической, что Октябрьская революция представляет не только сигнал, толчок и исходный пункт социалистической революции на Западе, но она является вместе с тем, во-первых, базой дальнейшего развёртывания мирового революционного движения и, во-вторых, открывает собой переходный период от капитализма к социализму в СССР (диктатура пролетариата), на протяжении которого пролетариат, при правильной политике в отношении крестьянства, может и будет с успехом строить полное социалистическое общество, **если, конечно, мощь международного революционного движения, с одной стороны, и мощь пролетариата СССР, с другой, будут достаточно велики для того, чтобы оградить СССР от военной интервенции империализма»** *.

Вы видите, что международный момент учтён в тезисах целиком и полностью.

Дальше. Зиновьев, а вместе с ним и Троцкий приводят цитаты из сочинений Ленина о том, что **«полная**

* См. настоящий том, стр. 216—217. *Ред.*

победа социалистической революции немыслима в одной стране, а требует самого активного сотрудничества по меньшей мере нескольких передовых стран», — и странным образом приходят к тому выводу, что построение социализма в одной стране — дело непосильное для пролетариата нашей страны. Но это же путаница, товарищи! Разве партия когда-либо говорила, что **полная** победа, **окончательная** победа социализма в нашей стране возможна и посильна для пролетариата одной страны? Где это было и когда, — пусть укажут нам. Разве партия не говорит и не говорила всегда вместе с Лениным, что полная, окончательная победа социализма возможна лишь при победе социализма в нескольких странах? Разве партия не разъясняла десятки и сотни раз, что нельзя путать победу социализма в одной стране с полной, окончательной его победой?

Партия всегда исходила из того, что победа социализма в одной стране есть возможность построения социализма в этой стране, причём эта задача может быть разрешена силами одной страны, полная же победа социализма есть гарантия от интервенции и реставрации, причём эта задача может быть разрешена лишь при условии победы революции в нескольких странах. Как можно после всего этого путать безбожно одну задачу с другой задачей? Кто же тут виноват, что Зиновьев, а вместе с ним и Троцкий путают безбожно победу социализма в одной стране с полной, окончательной его победой? Прочли бы хоть известную резолюцию XIV конференции, где этот вопрос разъяснён с точностью, могущей удовлетворить даже совпартшкольца.

Зиновьев, а вместе с ним и Троцкий приводят ряд цитат из сочинений Ленина периода Брестского мира,

где говорится о том, что внешний враг может разгромить нашу революцию. Но разве трудно понять, что эти цитаты не имеют отношения к вопросу о возможности построения социализма в нашей стране? Тов. Ленин говорит, что мы не обеспечены от возможности интервенций, и это совершенно правильно. Но разве партия говорила когда-либо, что мы можем гарантировать нашу страну от опасности интервенций своими лишь собственными силами? Разве партия не утверждала и не продолжает утверждать, что гарантию от интервенции может дать нам лишь победа пролетарской революции в нескольких странах? Как можно **на этом основании** утверждать, что построение социализма в нашей стране непосильно пролетариату нашей страны? Не пора ли прекратить это сознательное смешивание вопросов внешних, вопросов прямой борьбы с мировой буржуазией, с вопросами строительства социализма в нашей стране, с вопросами победы над нашими внутренними капиталистическими элементами.

Дальше. Зиновьев приводит цитату из «Коммунистического Манифеста»: «Соединение усилий, по крайней мере цивилизованных стран, есть одно из первых условий освобождения пролетариата», сличает эту цитату с цитатой из одной рукописи тов. Ленина о том, что «для победы социализма нужны совместные усилия рабочих нескольких передовых стран»,— и приходит к тому выводу, что наша партия пошла якобы против этих общепринятых и безусловных положений, забыв об интернациональных условиях победы пролетарской революции. Ну, разве это не смешно, товарищи? Где и когда это было, чтобы наша партия недооценивала решающее значение интернациональных усилий

рабочего класса и интернациональных условий победы революции в нашей стране? А что такое Коминтерн, если не выражение объединения усилий пролетариев не только передовых стран, но и всех стран мира, как для революции мировой, так и для развития нашей революции? А кто взял на себя инициативу основания Коминтерна и кто является его передовым отрядом, как не наша партия? А что такое политика единого фронта профсоюзов, как не объединение усилий рабочих не только передовых стран, но и всех вообще стран? Кто может отрицать первостепенную роль нашей партии в деле проведения политики единого фронта профсоюзов во всём мире? Разве это не факт, что наша революция всегда поддерживала и продолжает поддерживать развитие революции во всех странах? Разве это не факт, что рабочие всех стран своим сочувствием нашей революции и своей борьбой против попыток интервенции поддерживали и продолжают поддерживать нашу революцию? Что это, как не объединение усилий рабочих всех стран для победы нашей революции? А борьба английских рабочих против Керзона в связи с известной нотой[98]? А поддержка английских углекопов со стороны рабочих СССР? Я мог бы, товарищи, привести ещё ряд известных фактов такого же порядка, если бы была в этом необходимость.

Где же тут забвение интернациональных задач нашей революции?

В чём же тут секрет? А секрет состоит тут в том, что Зиновьев пытается подменить вопросом о совместных усилиях пролетариев всех стран для победы социализма в нашей стране кардинальный вопрос о возможности

построения социализма в нашей стране без государственной поддержки европейского пролетариата, кардинальный вопрос о том, может ли устоять при современных международных условиях пролетарская власть в России перед лицом консервативной Европы.

Троцкий, нынешний учитель Зиновьева, говорит:

«Безнадёжно думать... что, напр., революционная Россия могла бы устоять перед лицом консервативной Европы» (Троцкий, т. III, ч. 1, стр. 90).

Троцкий, нынешний учитель Зиновьева, говорит:

«Без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить своё временное господство в длительную социалистическую диктатуру. В этом нельзя сомневаться ни минуты» (см. «Наша революция», стр. 278).

Следовательно, Зиновьев подменяет вопрос о победе социализма в нашей стране при условии победы пролетариата в Европе («государственная поддержка европ. пролетариата»), вопросом о совместных усилиях рабочих Европы и России.

Вот в чём вопрос и вот о чём идёт у нас спор.

Зиновьев, приводя цитаты из сочинений Ленина и из «Коммунистического Манифеста», пытается подменить один вопрос другим вопросом.

Вот в чём секрет упражнений Зиновьева насчёт «забвения» интернациональных задач нашей революции нашей партией.

Вот в чём секрет фокусов, путаницы и неразберихи у Зиновьева.

И вот эту невероятную путаницу, эту кашу и неразбериху в своей собственной голове Зиновьев

имеет «скромность» выдавать за «настоящую» революционность и «настоящий» интернационализм оппозиционного блока.

Не смешно ли всё это, товарищи?

Нет, чтобы быть интернациональным революционером в наше время, находясь в рядах нашей партии, надо укреплять всемерно и поддерживать всеми силами нашу партию, являющуюся вместе с тем передовым отрядом Коминтерна. А оппозиционеры её разрушают и развенчивают.

Чтобы быть интернационалистом в наше время, надо укреплять всемерно и поддерживать всеми силами Коммунистический Интернационал. А оппозиционеры его разлагают и разрушают, поддерживая и инструктируя всех и всяких Масловых и Сувариных.

Пора понять, что нельзя быть революционером и интернационалистом, находясь в состоянии войны с нашей партией, являющейся передовым отрядом Коммунистического Интернационала. (А п л о д и с м е н т ы.)

Пора понять, что, открыв войну против Коминтерна, они перестали быть революционерами и интернационалистами. (А п л о д и с м е н т ы.)

Пора понять, что оппозиционеры не революционеры и интернационалисты, а болтуны от революции и от интернационализма. (А п л о д и с м е н т ы.)

Пора понять, что они не революционеры дела, а революционеры крикливых фраз и кинематографической ленты. (С м е х, а п л о д и с м е н т ы.)

Пора понять, что они не революционеры дела, а кинореволюционеры. (С м е х, а п л о д и с м е н т ы.)

IV

ТРОЦКИЙ ФАЛЬСИФИЦИРУЕТ ЛЕНИНИЗМ

1. ФОКУСЫ ТРОЦКОГО, ИЛИ ВОПРОС О «ПЕРМАНЕНТНОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

Перехожу к выступлению Троцкого.

Троцкий заявил, что теория перманентной революции не имеет никакого отношения к обсуждаемому вопросу о характере и перспективах нашей революции.

Это очень странно, если не сказать больше. Как же так? Разве теория перманентной революции не является теорией движущих сил революции? Разве это не верно, что теория перманентной революции трактует, прежде всего, о движущих силах нашей революции? Ну, а что такое вопрос о характере и перспективах нашей революции, как не вопрос о движущих силах этой революции? Как можно говорить, что теория перманентной революции не имеет никакого отношения к обсуждаемому вопросу? Это неверно, товарищи. Это уловка, фокус. Это попытка спрятать концы в воду. Это попытка спрятаться. Напрасный труд! Не пытайтесь прятаться,— всё равно не спрячетесь!

Троцкий в другом месте своей речи старался «намекнуть», что он давно уже перестал придавать серьёзное значение теории перманентной революции. А Каменев в своей речи «дал понять», что Троцкий, пожалуй, непрочь отвернуться от теории перманентной революции, если он уже не отвернулся от неё.

Чудеса, да и только!

Давайте разберём вопрос: верно ли, что теория перманентной революции не имеет отношения к обсуждаемому вопросу, и если это неверно, можно ли поверить

Каменеву, что Троцкий не придаёт значения теории перманентной революции и почти что отказался от неё?

Обратимся к документам. Я имею в виду, прежде всего, *письмо Троцкого тов. Ольминскому в декабре* 1921 года, опубликованное в печати в 1925 году,— письмо, от которого Троцкий никогда не пытался отказаться и не отказался доныне ни прямо, ни косвенно, и которое ввиду этого остаётся в полной силе. Что же сказано в этом письме о перманентной революции? Слушайте:

«**Я вовсе не считаю, чтобы в несогласиях своих с большевиками я был во всём неправ.** Неправ я был — и коренным образом — в оценке меньшевистской фракции, переоценивая её революционные возможности и надеясь на то, что удастся изолировать в ней и свести на нет правое крыло. Эта фундаментальная ошибка вытекала, однако, из того, что **к обеим фракциям, и большевистской, и меньшевистской, я подходил** с точки зрения идей перманентной революции и диктатуры пролетариата, тогда как и большевики, и меньшевики стояли в тот период на точке зрения буржуазной революции и демократической республики. Я считал, что разногласия между обеими фракциями принципиально не так глубоки, и надеялся (надежду эту я высказывал не раз в письмах и на докладах), что самый ход революции приведёт обе фракции к позиции перманентной революции и завоевания власти рабочим классом, что отчасти и произошло в 1905 году. (Предисловие тов. Ленина к статье Каутского о движущих силах русской революции и вся линия газеты «Начало».)

Считаю, что моя оценка движущих сил революции была безусловно правильна, выводы же, какие я из неё делал в отношении обеих фракций, были безусловно неправильны. Только большевизм сосредоточил в своих рядах, благодаря своей непримиримой линии, действительно революционные элементы как старой интеллигенции, так и передового слоя рабочего класса. Только благодаря тому, что большевизму удалось создать эту революционно-сколоченную организацию, оказался возможным

столь быстрый поворот от революционно-демократической позиции к революционно-социалистической.

И сейчас я мог бы без труда разбить мои полемические статьи против меньшевиков и большевиков на две категории: одни,— посвящённые анализу внутренних сил революции, её перспективам (теоретический польский орган Розы Люксембург, «Neue Zeit»), и другие,— посвящённые оценке фракций русских социал-демократов, их борьбе и пр. Статьи первой категории я и сейчас мог бы дать без поправок, так как они вполне и целиком совпадают с позицией нашей партии, начиная с 1917 г. Статьи второй категории явно ошибочны и переиздавать их не стоило бы» (см. «Ленин о Троцком», 1925 г., с предисловием тов. Ольминского).

Что же из этого получается?

Выходит, что Троцкий ошибался в вопросах организационных, в вопросах же оценки нашей революции, в вопросе о перманентной революции он был и остался прав.

Правда, Троцкий не может не знать, что Ленин боролся против теории перманентной революции до конца своих дней. Но это его не смущает.

Выходит, далее, что обе фракции, и меньшевики, и большевики, должны были притти к теории перманентной революции, но на деле пришли к этой теории только большевики, ввиду наличия у них революционно-сколоченной организации рабочих и старой интеллигенции, и пришли они не сразу, а «начиная с 1917 года».

Выходит, наконец, что теория перманентной революции «вполне и целиком совпала с позицией нашей партии, начиная с 1917 года».

Судите теперь сами, похоже ли это на то, что Троцкий не придаёт большого значения теории перманентной революции? Нет, не похоже. Наоборот, ежели

теория перманентной революции действительно совпала, «начиная с 1917 года», с позицией партии, то из этого можно сделать только один вывод,— что Троцкий придавал и продолжает придавать этой теории решающее значение для всей нашей партии.

Но что значит «совпала»? Как могла совпасть теория перманентной революции Троцкого с позицией нашей партии, если доказано, что наша партия в лице Ленина вела всё время борьбу с этой самой теорией?

Одно из двух: либо наша партия не имела своей теории и вынуждена была потом, ходом вещей, принять теорию перманентной революции Троцкого, либо она имела свою теорию, но она, эта теория, была незаметным образом вытеснена теорией перманентной революции Троцкого, «начиная с 1917 года».

Это «недоумение» разъяснил нам потом Троцкий в своём «Предисловии» к книге «1905 год», написанном в 1922 году. Излагая сущность теории перманентной революции и давая анализ оценки нашей революции с точки зрения теории перманентной революции, Троцкий приходит к следующему выводу:

«Хотя и с перерывом в 12 лет, эта оценка подтвердилась целиком» (Троцкий, «1905», «Предисловие»).

Иначе говоря: теория перманентной революции, «сконструированная» Троцким в 1905 году, «подтвердилась целиком» в 1917 году, спустя 12 лет.

Но как она могла подтвердиться? А большевики,— куда же они девались? Неужели они шли на революцию без всякой своей теории, неужели они только и оказались способными сколотить революционную интеллигенцию, революционных рабочих? И затем, на почве

чего они сколотили рабочих, на основе каких принципов? Была же у большевиков какая-нибудь теория, оценка революции, оценка движущих сил революции? Неужели, кроме теории перманентной революции, никакой другой теории у нашей партии не существовало?

Судите сами: жили мы, большевики, и развивались без перспектив и без революционной теории; жили этак мы с 1903 года до 1917 года; а потом, «начиная с 1917 года», глотнули незаметно теорию перманентной революции и стали на ноги. Бесспорно, это — очень интересная сказка. Но как же это могло пройти незаметно, без борьбы, без встряски в партии? Как же это могло случиться так просто, ни с того, ни с сего? Ведь известно, что Ленин и его партия боролись с теорией перманентной революции с первых же дней её появления в свет.

Впрочем, это «недоумение» разъясняет нам Троцкий в другом документе. Я имею в виду «Примечание» к статье Троцкого «Наши разногласия», написанное в 1922 году.

Вот соответствующее место из этой статьи Троцкого:

«Если меньшевики, исходя из абстракции: **«наша революция буржуазна»,** приходят к идее приспособления всей тактики пролетариата к поведению либеральной буржуазии, вплоть до завоевания ею государственной власти,— то большевики, исходя из такой же голой абстракции: **«демократическая, а не социалистическая диктатура»,** приходят к идее буржуазно-демократического самоограничения пролетариата, в руках которого находится государственная власть. Правда, разница между ними в этом вопросе весьма значительна: в то время как антиреволюционные стороны меньшевизма сказываются во всей силе уже теперь, антиреволюционные черты большевизма грозят огромной опасностью только в случае революционной победы» (Троцкий, «1905», стр. 285).

Выходит, что не только меньшевизм имел свои антиреволюционные стороны, но и большевизм не был свободен от «антиреволюционных черт», которые грозили «огромной опасностью только в случае революционной победы».

Освободились ли потом большевики от «антиреволюционных черт» большевизма, и если да, то каким образом?

Это «недоумение» разъясняет нам Троцкий в «Примечании» к статье «Наши разногласия».

Слушайте:

«Этого, как известно, не случилось, так как под руководством тов. Ленина большевизм совершил (не без внутренней борьбы) своё идейное перевооружение в этом важнейшем вопросе весною 1917 г., т. е. до завоевания власти» (Троцкий, «1905», стр. 285).

Итак, «перевооружение» большевиков, «начиная с 1917 года», на основе теории перманентной революции, спасение большевиков, в связи с этим, от «антиреволюционных черт большевизма», наконец, тот факт, что теория перманентной революции «подтвердилась», таким образом, «целиком»,—таков вывод Троцкого.

А куда девались ленинизм, теория большевизма, большевистская оценка нашей революции, её движущих сил и т. д.? Они либо не «подтвердились целиком», либо вовсе не «подтвердились», либо рассеялись по воздуху, уступив место теории перманентной революции на предмет «перевооружения» партии.

Итак, жили-были на свете большевики, «сколачивали» они кое-как партию, «начиная» с 1903 года, но не имели революционной теории, блуждали-блуждали, «начиная» с 1903 года, и кое-как добрались до 1917 года, потом, заметив Троцкого с теорией перманентной

революции в руках, решили «перевооружиться» и, «перевооружившись», растеряли последние остатки ленинизма, ленинской теории революции, произведя, таким образом, «полное совпадение» теории перманентной революции с «позицией» нашей партии.

Это очень интересная сказка, товарищи. Это, если хотите, один из тех великолепных фокусов, какие можете встретить в цирке. Но у нас ведь не цирк, а конференция нашей партии. И мы ведь не нанимали Троцкого в цирковые артисты. К чему же эти фокусы?

Как расценивал тов. Ленин теорию перманентной революции Троцкого? Вот что он пишет об этой теории в одной из своих статей, высмеивая её как «оригинальную» и «прекрасную» теорию:

«Выяснить соотношение классов в предстоящей революции — главная задача революционной партии... Эту задачу неправильно решает в «Нашем Слове» Троцкий, повторяющий свою «оригинальную» теорию 1905-го года и не желающий подумать о том, в силу каких причин жизнь шла целых десять лет мимо этой прекрасной теории.

Оригинальная теория Троцкого берёт у большевиков призыв к решительной революционной борьбе пролетариата и к завоеванию им политической власти, а у меньшевиков — «отрицание» роли крестьянства»... Тем самым «Троцкий на деле помогает либеральным рабочим политикам России, которые под «отрицанием» роли крестьянства понимают **нежелание** поднимать крестьян на революцию!» (см. т. XVIII, стр. 317—318).

Выходит, что, по Ленину, теория перманентной революции является полуменьшевистской теорией, игнорирующей революционную роль крестьянства в русской революции.

Непонятно только, как могла «совпасть вполне и целиком» эта полуменьшевистская теория с позицией нашей партии, хотя бы «начиная с 1917 года».

А как расценивает наша партия теорию перманентной революции? Вот что сказано о ней в известной резолюции XIV партконференции:

«Составной частью троцкистской теории перманентной революции является утверждение, что «подлинный подъём социалистического хозяйства в России станет возможным **только после победы** пролетариата в важнейших странах Европы» (Троцкий, 1922 г.),— утверждение, обрекающее пролетариат СССР в нынешний период на фаталистическую пассивность. Против подобных «теорий» тов. Ленин писал: «До бесконечия шаблонным является у них довод, который они выучили наизусть во время развития западноевропейской социал-демократии, и который состоит в том, что мы не доросли до социализма, что у нас нет, как выражаются разные «учёные» господа из них, объективных экономических предпосылок для социализма» (Заметки о Суханове). (Резолюция XIV партконференции [99].)

Выходит, что теория перманентной революции является той же сухановщиной, которую клеймит тов. Ленин в своих записках «О нашей революции», как социал-демократизм.

Непонятно только, как могла «перевооружить» такая теория нашу большевистскую партию.

Каменев «дал понять» в своей речи, что Троцкий отворачивается от своей теории перманентной революции, приводя в подтверждение этого следующую, более чем двусмысленную цитату из последнего письма Троцкого оппозиционерам от сентября 1926 года:

«Мы исходим из того, что, как неопровержимо показал опыт, во всех сколько-нибудь принципиальных вопросах, где кто-либо из нас расходился с Лениным, правота была безусловно на стороне Владимира Ильича».

Но Каменев умолчал, что вслед за этим, в том же самом письме, Троцкий сделал следующее заявление, опрокидывающее предыдущее его заявление:

«Ленинградская оппозиция энергично выступила против теории социализма в одной стране, **как теоретического оправдания национальной ограниченности**» (см. письмо Троцкого, сентябрь 1926 г.— приложение к стенограмме заседаний ПБ ЦК ВКП(б) от 8 и 11 октября 1926 г.).

Какое значение может иметь первое, двусмысленное и ни к чему не обязывающее заявление Троцкого перед лицом второго его заявления, опрокидывающего первое?

Что такое теория перманентной революции? Отрицание ленинской «теории социализма в одной стране».

Что такое ленинская «теория социализма в одной стране»? Отрицание теории перманентной революции Троцкого.

Не ясно ли, что Каменев, приводя первую цитату из письма Троцкого и умалчивая о второй цитате, пытался запутать и обмануть нашу партию.

Но обмануть нашу партию не так-то легко.

2. ЖОНГЛИРОВАНИЕ ЦИТАТАМИ, ИЛИ ТРОЦКИЙ ФАЛЬСИФИЦИРУЕТ ЛЕНИНИЗМ

Обратили ли вы внимание, товарищи, что вся речь Троцкого пересыпана самыми разнообразными цитатами из сочинений Ленина? Читаешь эти цитаты, вырванные из разных статей Ленина, и не понимаешь, чего больше добивается Троцкий: того ли, чтобы подкрепить ими свою позицию, или того, чтобы «поймать» тов. Ленина в «противоречиях». Он привёл одну группу цитат из трудов Ленина, говорящих о том, что опасность интервенции может быть преодолена лишь в случае победы революции в нескольких странах, думая, очевидно, «разоблачить» этим партию. Но он не понял, или не хочет понять того, что эти цитаты говорят не против позиции партии, а за неё и против позиции

Троцкого, ибо удельный вес опасности извне расценивается партией в полном согласии с линией Ленина. Он привёл другую группу цитат, говорящих о том, что **полная победа** социализма невозможна без победы революции в нескольких странах, стараясь всячески жонглировать этими цитатами. Но он не понял, или не хочет понять того, что нельзя смешивать в одну кучу полную победу социализма (гарантия от интервенции) с победой социализма вообще (построение социалистического общества), не понимая, или не желая понять того, что эти цитаты из сочинений Ленина говорят не против партии, а за партию и против позиции Троцкого.

Но, приводя кучу всяких, не относящихся к делу, цитат, Троцкий не захотел, однако, остановиться на основной статье Ленина о возможности победы социализма в одной стране (1915 г.), полагая, видимо, что Каменев благополучно освободил его своим выступлением от этой статьи. Однако можно считать теперь окончательно доказанным, что Каменеву не удалось выполнить свою роль, и статья тов. Ленина остаётся во всей своей силе.

Троцкий привёл, далее, цитату из известной статьи тов. Ленина об отсутствии разногласий между ними по крестьянскому вопросу в области текущей политики. Но он забыл сказать, что эта статья Ленина не только не решает, но даже и не задевает вопроса о разногласиях между Троцким и Лениным по вопросу о крестьянстве, **в связи с возможностью построения полного социалистического общества в нашей стране.**

Этим, собственно, и объясняется, что операции Троцкого с цитатами превратились в пустое жонглирование цитатами.

Троцкий пытался доказать наличие «совпадения» своей позиции с позицией Ленина по вопросу о возможности построения социалистического общества в нашей стране, на основе внутренних сил нашей революции. Но как можно доказать недоказуемое?

Как совместить тезис Ленина о том, что «возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране»[100], с тезисом Троцкого о том, что «безнадёжно думать... что, например, революционная Россия могла бы устоять перед лицом консервативной Европы»?

Как совместить, далее, тезис Ленина о том, что «победивший пролетариат этой страны (одной страны. **И. Ст.**), экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы **против** остального, капиталистического мира»[101], с тезисом Троцкого о том, что «без прямой **государственной** * поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить своё временное господство в длительную социалистическую диктатуру»?

Как совместить, наконец, тезис Ленина о том, что «только соглашение с крестьянством может спасти социалистическую революцию в России, пока не наступила революция в других странах»[102], с тезисом Троцкого о том, что «противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране, с подавляющим большинством крестьянского населения, смогут найти своё разрешение только в международном масштабе, на арене мировой революции пролетариата»?

---

* Курсив мой. **И. Ст.**

И затем: чем, собственно, отличается позиция Троцкого в вопросе о победе социализма в нашей стране от позиции меньшевика О. Бауэра, состоящей в том, что:

«В России, где пролетариат составляет только незначительное меньшинство нации, он может утвердить своё господство только временно», что «он должен неизбежно вновь потерять его, как только крестьянская масса нации сделается достаточно зрелой в культурном отношении для того, чтобы самой взять власть в свои руки», что «только завоеванием политической власти со стороны пролетариата индустриального Запада можно обеспечить длительное господство индустриального социализма» в России?

Разве не ясно, что Троцкий ближе к Бауэру, чем к Ленину? И разве не верно, что позиция Троцкого есть позиция социал-демократического уклона, что Троцкий отрицает по сути дела социалистический характер нашей революции?

Троцкий пытался обосновать свой тезис о невозможности удержать пролетарскую власть перед лицом консервативной Европы рассуждением о том, что нынешняя Европа не является консервативной, что она более или менее либеральна и что если бы Европа была действительно консервативной, то пролетариат нашей страны не смог бы удержать власть. Но разве трудно понять, что Троцкий запутался тут целиком и окончательно? Как назвать, например, нынешнюю Италию, или Англию, или Францию, — консервативной или либеральной? Что представляет собой нынешняя Северная Америка, — консервативную или либеральную страну? И какое значение может иметь для целости и сохранности нашей республики это «тонкое» и смехотворное

подчёркивание разницы между консервативной и «либеральной» Европой? Разве республиканская Франция и демократическая Америка не так же интервенировали нашу страну в период Колчака и Деникина, как монархическая и консервативная Англия?

Троцкий особенно много места уделил вопросу о середняке. Он привёл цитату из сочинений Ленина периода 1906 года, где Ленин предсказывает возможность отхода части середняков, после победы **буржуазной** революции, на сторону контрреволюции, стараясь, видимо, доказать этим, что эта цитата «совпадает» с позицией Троцкого по вопросу о крестьянстве после победы **социалистической** революции. Нетрудно понять, что Троцкий сравнивает тут вещи несравнимые. Троцкий склонен рассматривать среднее крестьянство как «вещь в себе», как нечто постоянное и раз навсегда данное. Но большевики никогда не смотрели так на среднее крестьянство.

Троцкий, видимо, забыл, что у большевиков имеются три плана в отношении основной массы крестьянства: один план — рассчитанный на период буржуазной революции, другой план — рассчитанный на период пролетарской революции, и третий план — рассчитанный на период после упрочения Советской власти.

В первый период большевики говорили: вместе со всем крестьянством, против царя и помещиков, при нейтрализации либеральной буржуазии, за буржуазно-демократическую революцию.

Во второй период большевики говорили: вместе с беднейшим крестьянством, против буржуазии и кулаков, при нейтрализации среднего крестьянства, за социалистическую революцию. А что значит нейтрализация

среднего крестьянства? Это значит — держать его под политическим наблюдением пролетариата, не доверять ему и принимать все меры к тому, чтобы оно не вырвалось из рук.

В третий период, в тот период, который мы переживаем теперь, большевики говорят: вместе с беднотой, при прочном союзе с середняком, против капиталистических элементов нашего хозяйства в городе и деревне, за победу социалистического строительства.

Кто смешивает эти три плана, три разные линии, отражающие три различных периода нашей революции, тот ничего не понимает в большевизме.

Ленин был совершенно прав, говоря, что после победы **буржуазной** революции часть середняков уйдёт в контрреволюцию. Оно так и случилось в период, например, «Уфимского правительства»[103], когда часть середняков в Поволжье ушла в контрреволюцию, к кулакам, а большая часть середняков колебалась между революцией и контрреволюцией. Да иначе и не могло быть. Середняк на то и середняк, чтобы он выжидал и колебался: «чья возьмёт, кто его знает, уж лучше выждать». Только после первых серьёзных побед над внутренней контрреволюцией и, особенно, после упрочения Советской власти, середняк стал определённо поворачивать в сторону Советской власти, решив, очевидно, что без власти нельзя, большевистская власть сильна и работа с этой властью является единственным выходом. В этот именно период и сказал тов. Ленин вещие слова о том, что «мы вошли в такую стадию социалистического строительства, когда надо выработать конкретно, детально, проверенные на опыте работы в деревне, основные правила и указания, которыми мы должны руководиться для того, чтобы по отношению к среднему крестьянину

стать на почву прочного союза» (речь на VIII съезде партии, т. XXIV, стр. 114).

Вот как обстоит дело с вопросом о середняках.

Ошибка Троцкого состоит в том, что он подходит к вопросу о среднем крестьянстве метафизически, рассматривает среднее крестьянство как «вещь в себе» и запутывает тем самым вопрос, искажая и фальсифицируя ленинизм.

Наконец, дело вовсе не в том, что у пролетариата могут быть и будут еще противоречия и конфликты с известной частью середняков. Разногласие между партией и оппозицией состоит вовсе не в этом. Разногласие тут состоит в том, что партия считает эти противоречия и возможные конфликты **вполне преодолимыми** на основе собственных сил нашей революции, тогда как Троцкий и оппозиция считают, что эти противоречия и конфликты могут быть преодолены «**только** в международном масштабе, на арене мировой революции пролетариата».

Троцкий, жонглируя цитатами, пытается упрятать эти разногласия куда-то в угол. Но я уже говорил, что обмануть нашу партию не удастся.

А вывод? Вывод такой, что надо быть диалектиком, а не фокусником. Поучились бы вы, уважаемые оппозиционеры, диалектике у тов. Ленина, почитали бы его произведения,— пригодилось бы. (А п л о д и с м е н т ы, с м е х.)

3. «МЕЛОЧИ» И КУРЬЁЗЫ

Троцкий упрекал меня, как автора тезисов, в связи с тем, что там говорится о революции «самой по себе», как революции социалистической. Троцкий находит, что такое обращение с революцией является метафизикой. Я никак не могу согласиться с этим.

Почему говорится в тезисах о революции «самой по себе», как революции социалистической? Потому, что этим подчёркивается вся разница в оценке нашей революции между взглядами нашей партии и взглядами оппозиции.

В чём состоит эта разница? В том, что партия рассматривает нашу революцию как революцию социалистическую, как революцию, представляющую некую самостоятельную силу, способную идти на борьбу против капиталистического мира, тогда как оппозиция рассматривает нашу революцию как бесплатное приложение к будущей, еще не победившей пролетарской революции на Западе, как «придаточное приложение» к будущей революции на Западе, как нечто, не имеющее никакой самостоятельной силы. Стòит только сравнить оценку Лениным пролетарской диктатуры в нашей стране с оценкой оппозиционного блока, чтобы понять всю пропасть между ними. В то время как Ленин расценивает пролетарскую диктатуру как инициативнейшую силу, которая, организовав социалистическое хозяйство, должна пойти потом на прямую поддержку мирового пролетариата, на борьбу с капиталистическим миром, оппозиция, наоборот, рассматривает пролетарскую диктатуру в нашей стране как пассивную силу, живущую под страхом немедленной потери власти «перед лицом консервативной Европы».

Разве не ясно, что слово «метафизика» пущено в ход для того, чтобы прикрыть им наготу социал-демократической оценки нашей революции со стороны оппозиции?

Троцкий говорил, далее, о том, что я заменил неточную и неправильную формулировку вопроса о победе социализма в одной стране, данную в моей

книжке «Об основах ленинизма» в 1924 году, другой формулировкой, более точной и правильной. Троцкий, видимо, не доволен этим. Почему, на каком основании, — он так и не сказал. Что может быть плохого в том, что я исправил неточную формулировку, заменив её точной? Я вовсе не считаю себя безгрешным. Я думаю, что партия может только выиграть, если ошибка, допущенная тем или иным товарищем, признаётся им и исправляется потом. Что хочет, собственно, сказать Троцкий, подчёркивая этот факт? Может быть, он хочет последовать хорошему примеру и заняться, наконец, исправлением своих многочисленных ошибок? (Аплодисменты, смех.) Что же, я готов ему помочь в этом деле, если тут нужна моя помощь, готов его подтолкнуть и помочь ему. (Аплодисменты, смех.) Но Троцкий преследует, видимо, какую-то другую цель. Если это верно, то я должен сказать, что его попытка есть попытка с негодными средствами.

Троцкий уверял в своей речи, что он не такой уж плохой коммунист, как его изображают представители большинства партии. Он привёл целый ряд цитат из своих статей, говорящих о том, что он, Троцкий, признавал и продолжает признавать «социалистический характер» нашей работы, что он не отрицает «социалистического характера» нашей государственной промышленности и т. д. и т. п. Экая, подумаешь, новость! Этого еще нехватало, чтобы Троцкий отрицал социалистический характер нашей работы, нашей госпромышленности и т. д. Эти факты признаются теперь всеми, вплоть до нью-йоркской биржи, вплоть до наших нэпманов, не говоря уже об О. Бауэре. Теперь все видят, и враги и друзья, что мы строим промышленность не так, как

строят её капиталисты, что мы вносим в развитие нашей хозяйственной и политической жизни некие новые элементы, не имеющие ничего общего с капитализмом.

Нет, уважаемые оппозиционеры, не в этом теперь дело.

Дело обстоит теперь более серьёзно, чем это может показаться оппозиционному блоку.

Дело идёт теперь не о социалистическом характере нашей промышленности, а о том, чтобы построить социалистическое хозяйство в целом, несмотря на капиталистическое окружение, несмотря на наличие врагов, внутренних и внешних, ждущих гибели пролетарской диктатуры. Дело идёт о том, чтобы добиться полного торжества ленинизма в нашей партии.

Дело теперь не в мелочах и курьёзах. Мелочами и курьёзами теперь не отговориться от партии. Партия требует теперь большего от оппозиции.

Либо вы проявите мужество и сумеете открыто и честно отказаться от своих принципиальных ошибок, либо вы этого не сделаете, и тогда получайте от партии заслуженную квалификацию вашей позиции, как позиции социал-демократического уклона.

Одно из двух.

От оппозиционеров зависит сделать выбор. (Голоса: «Правильно!». Аплодисменты.)

V

ПРАКТИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА ОППОЗИЦИИ. ТРЕБОВАНИЯ ПАРТИИ

От жонглирования цитатами лидеры оппозиции пробовали перейти к разногласиям практического характера. Троцкий и Каменев так же, как и Зиновьев, пытались формулировать эти разногласия, утверждая

вместе с тем, что важны не теоретические разногласия, а разногласия практические. Я должен, однако, сказать, что ни одна из формулировок наших разногласий, данных оппозицией на этой конференции, не отличается ни объективностью, ни полнотой.

Вы хотите знать, в чём наши практические разногласия, вы хотите знать, чего от вас требует партия?

Слушайте:

1) Партия не может больше терпеть и не будет терпеть, чтобы вы каждый раз, когда вы остаётесь в меньшинстве, выходили на улицу, объявляли кризис в партии и трепали партию. Этого партия больше терпеть не будет. (Голоса: «Правильно!». Аплодисменты.)

2) Партия не может и не будет терпеть того, чтобы вы, потеряв надежду получить большинство в нашей партии, подбирали и накапливали всякие недовольные элементы, как материал для новой партии. Этого не может и не будет терпеть партия. (Аплодисменты.)

3) Партия не может и не будет терпеть того, чтобы вы, шельмуя партийный руководящий аппарат и ломая режим в партии, ломая железную дисциплину в партии, объединяли и оформляли все и всякие осуждённые партией течения в новую партию, под флагом свободы фракций. Партия этого терпеть не будет. (Аплодисменты.)

4) Мы знаем, что у нас имеются большие трудности на путях строительства социализма. Мы видим эти трудности и имеем возможность преодолевать их. Мы приветствовали бы всякую помощь со стороны оппозиции в деле преодоления этих трудностей. Но партия

не может и не будет терпеть того, чтобы вы делали попытки использовать эти трудности для ухудшения нашего положения, для нападения на партию, для атак против партии. (Аплодисменты.)

5) Партия понимает больше, чем все оппозиции, взятые вместе, что продвижение индустриализации и построение социализма возможны лишь при неуклонном подъёме материального и культурного положения рабочего класса. Партия принимает и будет принимать все меры к тому, чтобы материальное и культурное положение рабочего класса улучшалось неуклонно. Но партия не может и не будет терпеть того, чтобы оппозиция выходила на улицу с демагогическими заявлениями о немедленном подъёме заработной платы на 30—40%, зная наверняка, что промышленность не может выдержать такого подъёма зарплаты в данную минуту, зная наверняка, что подобные демагогические выступления имеют своей целью не улучшение положения рабочего класса, а культивирование недовольства среди отсталых слоёв трудящихся и организацию недовольства против партии, против авангарда рабочего класса. Партия не может и не будет терпеть этого. (Голоса: «Правильно!». Аплодисменты.)

6) Партия не может и не будет терпеть того, чтобы оппозиция продолжала и впредь подрывать основы смычки рабочих и крестьян, основы союза рабочих и крестьян, пропагандируя идею повышения отпускных цен и усиления налогового нажима на крестьянство, пытаясь «сконструировать» отношения между пролетариатом и крестьянством не как отношения экономического **сотрудничества**, а как отношения **эксплуатации** крестьянства пролетарским государством

Партия не может и не будет этого терпеть. (Аплодисменты.)

7) Партия не может и не будет терпеть того, чтобы оппозиционеры продолжали и впредь сеять идейную сумятицу в партии, преувеличивать наши трудности, культивировать пораженческие настроения, проповедывать идею невозможности построения социализма в нашей стране и подрывать тем самым основы ленинизма. Партия не может и не будет терпеть этого. (Голоса: «Правильно!». Аплодисменты.)

8) Партия не может и не будет терпеть, — хотя это не только её дело, но дело всех секций Коминтерна, — чтобы вы продолжали и впредь тормошить Коминтерн, разлагать его секции и развенчивать руководство Коминтерна. Партия не может и не будет терпеть этого. (Аплодисменты.)

Вот в чём состоят наши практические разногласия.

Вот в чём суть политической и практической платформы оппозиционного блока, и вот против чего борется теперь наша партия.

Троцкий, излагая в своей речи некоторые пункты этой платформы и старательно скрывая другие пункты, спрашивал: что же тут социал-демократического? Странный вопрос! А я спрашиваю: что же тут коммунистического, в этой платформе оппозиционного блока? Что же тут не социал-демократического? Разве не ясно, что практическая платформа оппозиционного блока проходит по линии отхода от ленинизма, по линии приближения к социал-демократии?

Вы хотели знать, чего требует от вас партия, уважаемые оппозиционеры, — теперь вы знаете, чего она от вас требует.

Либо вы выполните эти условия, являющиеся вместе с тем условиями полного единства в нашей партии, либо вы этого не сделаете,—и тогда партия, побив вас вчера, начнёт добивать вас завтра. (Аплодисменты.)

VI

ИТОГ

Каковы итоги, результаты нашей внутрипартийной борьбы?

У меня имеется документ от сентября 1926 года, подписанный Троцким. Этот документ замечателен в том отношении, что там имеется некая попытка предвосхитить итоги внутрипартийной борьбы, имеется некий прогноз и некая обрисовка перспектив нашей внутрипартийной борьбы. В этом документе сказано:

«Объединённая оппозиция показала и апреле и в июле, и покажет в октябре, что единство её взглядов только укрепляется под влиянием грубой и нелойяльной травли, и партия поймёт, что только на основе взглядов объединённой оппозиции есть выход из нынешнего жестокого кризиса» (см. письмо Троцкого оппозиционерам, сентябрь 1926 г. — приложение к стенограмме заседаний Политбюро от 8 и 11 октября 1926 г.).

Вы видите, что это почти что предсказание. (Голос: «Именно — почти что».) Это почти что пророчество чисто марксистского типа, предвидение на целых два месяца. (Смех.)

Конечно, тут имеются некоторые преувеличения. (Смех.) Тут говорится, например, о нынешнем жестоком кризисе нашей партии. Но мы, слава богу, живы и здоровы и кризиса даже не приметили. Есть, конечно, некий кризис, но не кризис партии, а кризис некоей

фракции, называемой фракцией оппозиционного блока. Но нельзя же выдавать кризис маленькой фракции за кризис миллионной партии.

В документе Троцкого говорится дальше, что оппозиционный блок укрепляется и будет еще укрепляться в будущем. Я думаю, что тут тоже есть некоторое преувеличение. (Смех.) Нельзя отрицать тот факт, что оппозиционный блок разлагается, что от него откалываются лучшие элементы оппозиции, что он задыхается во внутренних противоречиях. Разве это не факт, что тов. Крупская, например, отходит от оппозиционного блока? (Бурные аплодисменты.) Случайно ли это?

В документе Троцкого говорится, наконец, что только на основе взглядов объединённой оппозиции есть выход из нынешнего кризиса. Я думаю, что тут тоже имеется у Троцкого некоторое преувеличение. (Смех.) Оппозиционеры не могут не знать, что партия объединилась и сплотилась воедино не на основе взглядов оппозиционного блока, а в борьбе с этими взглядами и против этих взглядов, на основе социалистических перспектив нашего строительства. Преувеличение в документе Троцкого — явное.

Но ежели отвлечься от всех этих преувеличений, допущенных Троцким в его документе, то от прогноза, как будто ничего, собственно, и не остаётся, товарищи. (Общий смех.)

Как видите, итог получается обратный тому итогу, который обрисовал нам Троцкий в своём прогнозе.

Я кончаю, товарищи.

Зиновьев хвастал одно время, что он умеет прикладывать ухо к земле (смех), и когда он прикладывает

его к земле, то он слышит шаги истории. Очень может быть, что это так и есть на самом деле. Но одно всё-таки надо признать, что Зиновьев, умеющий прикладывать ухо к земле и слышать шаги истории, не слышит иногда некоторых «мелочей». Может быть, оппозиция и умеет, действительно, прикладывать уши к земле и слышать такие великолепные вещи, как шаги истории. Но нельзя не признать, что, умея слышать великолепные вещи, она не сумела услышать ту «мелочь», что партия давно уже повернулась спиной к оппозиции, а оппозиция осталась на мели. Этого они не услышали. (Голоса: «Правильно!».)

Что же из этого следует? А то, что у оппозиции, очевидно, уши не в порядке. (Смех.)

Отсюда мой совет: уважаемые оппозиционеры, лечите свои уши! (Бурные, продолжительные аплодисменты. Конференция, стоя, провожает тов. Сталина.)

«Правда» № 262,
12 ноября 1926 г.

О ПЕРСПЕКТИВАХ РЕВОЛЮЦИИ В КИТАЕ

Речь в китайской комиссии ИККИ 30 ноября 1926 г.

Товарищи! Раньше чем перейти к вопросу, считаю нужным заявить, что у меня нет исчерпывающих материалов по китайскому вопросу, необходимых для того, чтобы развернуть полную картину революции в Китае. Поэтому я вынужден ограничиться некоторыми общими замечаниями принципиального характера, имеющими прямое отношение к вопросу об основном направлении китайской революции.

У меня имеются тезисы Петрова, тезисы Мифа, два доклада Тан Пин-сяна и замечания Рафеса по китайскому вопросу. Я думаю, что все эти документы, несмотря на их достоинства, страдают тем громадным недостатком, что они обходят целый ряд коренных вопросов революции в Китае. Я думаю, что прежде всего необходимо обратить внимание на эти недочёты. Поэтому мои замечания будут иметь вместе с тем критический характер.

I

ХАРАКТЕР РЕВОЛЮЦИИ В КИТАЕ

Ленин говорил, что китайцы будут иметь в скором времени свой 1905 год. Некоторые товарищи поняли это так, что у китайцев должно повториться точь-в-точь

то же самое, что имело место у нас в России в 1905 году. Это неверно, товарищи. Ленин вовсе не говорил, что китайская революция будет копией революции 1905 года в России. Ленин говорил лишь о том, что у китайцев будет **свой** 1905 год. Это значит, что, кроме общих черт революции 1905 года, китайская революция будет иметь ещё свои специфические особенности, которые должны наложить свой особый отпечаток на революцию в Китае.

Что это за особенности?

Первая особенность состоит в том, что китайская революция, будучи революцией буржуазно-демократической, является вместе с тем национально-освободительной революцией, направленной своим остриём против господства чужеземного империализма в Китае. Этим она отличается, прежде всего, от революции в России в 1905 году. Дело в том, что господство империализма в Китае проявляется не только в его военном могуществе, но прежде всего в том, что основные нити промышленности в Китае, железные дороги, фабрики и заводы, копи, банки и т. д. находятся в распоряжении или под контролем чужеземных империалистов. Но из этого следует, что вопросы борьбы с чужеземным империализмом и их китайскими агентами не могут не играть серьёзной роли в китайской революции. Тем самым китайская революция непосредственно смыкается с революциями пролетариев всех стран против империализма.

Вторая особенность китайской революции состоит в том, что крупная национальная буржуазия до последней степени слаба в Китае, что она несравненно слабее русской буржуазии периода 1905 года. Это и понятно. Ежели основные нити промышленности сосредоточены

в руках чужеземных империалистов, то крупная национальная буржуазия в Китае не может не быть слабой и отсталой. В этом отношении замечание Мифа насчёт слабости национальной буржуазии в Китае, как одного из характерных фактов китайской революции, является совершенно правильным. Но из этого следует, что роль инициатора и руководителя китайской революции, роль вождя китайского крестьянства должна неминуемо попасть в руки китайского пролетариата и его партии.

Не следует также забывать о третьей особенности китайской революции, состоящей в том, что рядом с Китаем существует и развивается Советский Союз, революционный опыт которого и помощь которого не может не облегчить борьбы китайского пролетариата против империализма и против феодально-средневековых пережитков в Китае.

Таковы основные особенности китайской революции, определяющие её характер и её направление.

II

ИМПЕРИАЛИЗМ И ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В КИТАЕ

Первый недостаток представленных тезисов состоит в том, что они обходят или недооценивают вопрос об империалистической интервенции в Китае. Если вчитаться в тезисы, то можно подумать, что в Китае в настоящий момент нет, собственно говоря, империалистической интервенции, а есть лишь борьба северян с южанами или одной группы генералов против другой группы генералов. При этом под интервенцией склонны понимать такое состояние, когда имеется факт ввода

чужеземных войск на китайскую территорию, а если нет такого факта, то нет и интервенции.

Это глубочайшая ошибка, товарищи. Интервенция вовсе не исчерпывается вводом войск, и ввод войск вовсе не составляет основной особенности интервенции. При современных условиях революционного движения в капиталистических странах, когда прямой ввод чужеземных войск может вызвать ряд протестов и конфликтов, интервенция имеет более гибкий характер и более замаскированную форму. При современных условиях империализм предпочитает интервенировать путём организации гражданской войны внутри зависимой страны, путём финансирования контрреволюционных сил против революции, путём моральной и финансовой поддержки своих китайских агентов против революции. Борьбу Деникина и Колчака, Юденича и Врангеля против революции в России империалисты были склонны изображать как борьбу исключительно внутреннюю. Но мы все знали, и не только мы, но и весь мир знал, что за спиной этих контрреволюционных русских генералов стояли империалисты Англии и Америки, Франции и Японии, без поддержки которых серьёзная гражданская война в России была бы совершенно невозможна. То же самое надо сказать и о Китае. Борьба У Пей-фу и Сун Чуан-фана, Чжан Цзо-лина и Чжан Цзун-чана против революции в Китае была бы просто невозможна, если бы этих контрреволюционных генералов не вдохновляли империалисты всех стран, если бы они не снабжали их финансами, оружием, инструкторами, «советниками» и т. д.

В чём состоит сила кантонских войск? В том, что у них есть идея, пафос, вдохновляющие их в борьбе

за освобождение от империализма, в том, что они несут освобождение Китаю. В чём состоит сила контрреволюционных генералов в Китае? В том, что у них стоят за спиной империалисты всех стран, владельцы всех и всяких железных дорог, концессий, фабрик и заводов, банков и торговых контор в Китае.

Поэтому дело не только, или даже не столько в вводе чужеземных войск, а в той поддержке, которую оказывают империалисты всех стран контрреволюции в Китае. Интервенция чужими руками — в этом теперь корень империалистической интервенции.

Поэтому империалистическая интервенция в Китае есть несомненный факт, против которого и направлена своим остриём китайская революция.

Поэтому, кто обходит или недооценивает факт империалистической интервенции в Китае, тот обходит или недооценивает самое главное и самое основное в Китае.

Говорят, что японские империалисты проявляют некоторые признаки «расположения» к кантонцам и к китайской революции вообще. Говорят, что американские империалисты не отстают в этом отношении от японских. Это самообман, товарищи. Надо уметь отличать сущность политики империалистов, в том числе и японо-американских, от её маскировки. Ленин нередко говорил, что революционеров трудно взять дубьём, кулаком, но их иногда очень легко берут лаской. Эту истину, сказанную Лениным, никогда не следует забывать, товарищи. Во всяком случае ясно, что японо-американские империалисты довольно хорошо раскусили значение этой истины. Поэтому надо строго различать между лаской и похвалой по адресу кантонцев и тем

фактом, что наиболее щедрые на ласки империалисты наиболее цепко держатся за «свои» концессии и железные дороги в Китае, от которых они ни за что не согласны отказаться.

III
РЕВОЛЮЦИОННАЯ АРМИЯ В КИТАЕ

Второе замечание в связи с представленными тезисами касается вопроса о революционной армии в Китае. Дело в том, что вопрос об армии обойдён или недооценивается в тезисах. (Голос с места: «Правильно!».) В этом их второй недостаток. Продвижение кантонцев на север обычно рассматривают не как развёртывание китайской революции, а как борьбу кантонских генералов против У Пей-фу и Сун Чуан-фана, как борьбу за первенство одних генералов в отношении других генералов. Это глубочайшая ошибка, товарищи. Революционные армии в Китае являются важнейшим фактором борьбы китайских рабочих и крестьян за своё освобождение. Разве это случайность, что до мая или до июня этого года обстановка в Китае расценивалась как господство реакции, наступившей после поражения армий Фын Юй-сяна, а потом, летом этого года, стоило продвинуться на север победоносным войскам кантонцев и занять Хубэй, чтобы картина изменилась в корне в пользу революции? Нет, это не случайность. Ибо продвижение кантонцев означает удар по империализму, удар по его агентам в Китае и свободу собраний, свободу стачек, свободу печати, свободу организации для всех революционных элементов в Китае вообще, для рабочих в особенности. Вот в чём

особенность и важнейшее значение революционной армии в Китае.

Раньше, в XVIII и XIX столетиях, революции начинались так, что обычно восставал народ, большей частью безоружный или плохо вооружённый, и сталкивался он с армией старого режима, каковую армию он старался разложить или, по крайней мере, частично перетянуть на свою сторону. Это типичная форма революционных взрывов в прошлом. То же самое имело место у нас в России в 1905 году. В Китае дела пошли иначе. В Китае не безоружный народ стоит против войск старого правительства, а вооружённый народ в лице его революционной армии. В Китае вооружённая революция борется против вооружённой контрреволюции. В этом одна из особенностей и одно из преимуществ китайской революции. В этом же кроется особое значение революционной армии в Китае.

Вот почему недооценка революционной армии является недопустимым недочётом представленных тезисов.

Но из этого следует, что коммунисты Китая должны обратить особое внимание на работу в армии.

Во-первых, коммунисты Китая должны всемерно усилить политическую работу в армии и добиться того, чтобы армия стала действительным и образцовым носителем идеи китайской революции. Это особенно необходимо потому, что к кантонцам пристают теперь все и всякие генералы, не имеющие ничего общего с Гоминданом, пристают к ним, как к силе, которая сокрушает врагов китайского народа, и, приставая к кантонцам, вносят в армию разложение. Нейтрализовать таких «союзников» или сделать их настоящими

гоминдановцами можно лишь путём усиления политической работы и путём организации революционного контроля над ними. Без этого армия может попасть в тягчайшее положение.

Во-вторых, китайские революционеры, в том числе и коммунисты, должны взяться вплотную за изучение военного дела. Они не должны смотреть на военное дело как на второстепенное, ибо военное дело в Китае является теперь важнейшим фактором китайской революции. Китайские революционеры, а, значит и коммунисты, должны изучить военное дело для того, чтобы постепенно продвигаться вперёд и занять в революционной армии те или иные руководящие посты. В этом гарантия того, что революционная армия в Китае пойдёт по правильной дороге, прямо к цели. Без этого шатания и колебания в армии могут стать неизбежностью.

IV

ХАРАКТЕР БУДУЩЕЙ ВЛАСТИ В КИТАЕ

Третье замечание касается того, что в тезисах не учтён, или учтён недостаточно, вопрос о характере будущей революционной власти в Китае. К этому вопросу близко подошёл Миф в своих тезисах, и в этом его заслуга. Но, подойдя близко, он чего-то испугался и не решился довести дело до конца. Миф думает, что будущая революционная власть в Китае будет властью революционной мелкой буржуазии при руководстве пролетариата. Что это значит? Меньшевики и эсеры во время февральской революции в 1917 году тоже были мелкобуржуазными партиями и в известной мере революционными. Значит ли это, что будущая революционная

власть в Китае будет эсеро-меньшевистской властью? Нет, не значит. Почему? Потому, что эсеро-меньшевистская власть была властью по сути дела империалистической, тогда как будущая революционная власть в Китае не может не быть властью антиимпериалистической. Тут разница коренная.

Правительство Макдональда было даже «рабочей» властью, но оно было вместе с тем империалистическим правительством, ибо оно базировалось на сохранении империалистической власти Англии, скажем, в Индии и Египте. У будущей революционной власти в Китае будет то преимущество перед правительством Макдональда, что она будет властью антиимпериалистической.

Дело не только в буржуазно-демократическом характере кантонской власти, являющейся зачатком будущей всекитайской революционной власти, но дело, прежде всего, в том, что эта власть является и не может не являться властью антиимпериалистической, что каждое продвижение этой власти вперёд означает удар по мировому империализму,—стало быть, удар в пользу мирового революционного движения.

Ленин был прав, когда он говорил, что если раньше национально-освободительное движение, до наступления эпохи мировой революции, являлось частью общедемократического движения, то теперь, после победы советской революции в России и наступления эпохи мировой революции, национально-освободительное движение является частью мировой пролетарской революции.

Этой особенности не учёл Миф.

Я думаю, что будущая революционная власть в Китае будет в общем напоминать по своему характеру

такую власть, о которой у нас говорилось в 1905 году, т. е. что-нибудь вроде демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, с той, однако, разницей, что это будет власть антиимпериалистическая по преимуществу.

Это будет власть переходная к некапиталистическому, или, точнее, к социалистическому развитию Китая.

Вот в каком направлении должна пойти революция в Китае.

Этот путь развития революции облегчается тремя обстоятельствами:

во-первых, тем, что революция в Китае, как революция национально-освободительная, будет направлена своим остриём против империализма и его агентов в Китае;

во-вторых, тем, что крупная национальная буржуазия в Китае слаба, слабее, чем национальная буржуазия в России периода 1905 года, что облегчает дело гегемонии пролетариата, дело руководства пролетарской партии в отношении китайского крестьянства;

в-третьих, тем, что революция в Китае будет развиваться при обстоятельствах, дающих возможность использовать опыт и помощь победившей революции в Советском Союзе.

Победит ли этот путь наверняка и безусловно,— это зависит от многих обстоятельств. Одно во всяком случае ясно, что борьба за этот именно путь развития китайской революции является основной задачей китайских коммунистов.

Отсюда вытекает задача коммунистов Китая в вопросе об отношении к Гоминдану и к будущей революционной власти в Китае. Говорят, что китайские

коммунисты должны выйти из Гоминдана. Это неверно, товарищи. Выход китайских коммунистов из Гоминдана в настоящее время был бы глубочайшей ошибкой. Весь ход китайской революции, её характер, её перспективы с несомненностью говорят о том, что китайские коммунисты должны остаться в Гоминдане и усилить там свою работу.

Но может ли китайская компартия участвовать в будущей революционной власти? Не только может, но и должна участвовать. Ход революции в Китае, её характер, её перспективы красноречиво говорят о том, что китайская компартия должна участвовать в будущей революционной власти Китая.

В этом — одна из необходимых гарантий того, чтобы гегемония китайского пролетариата была осуществлена на деле.

V

КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В КИТАЕ

Четвёртое замечание касается вопроса о крестьянстве в Китае. Миф думает, что надо немедленно дать лозунг об образовании Советов, а именно — крестьянских Советов в китайской деревне. Я думаю, что это ошибка. Миф забегает вперёд. Нельзя строить Советы в деревне, обходя промышленные центры Китая. Между тем, вопрос об организации Советов в промышленных центрах Китая не стоит сейчас на очереди. Кроме того, надо иметь в виду, что Советы нельзя рассматривать вне связи с окружающей обстановкой. Советы, в данном случае крестьянские Советы, можно было бы организовать лишь в том случае, если бы Китай переживал период максимального подъёма крестьянского движения, ломающего

старое и творящего новую власть, в расчёте, что промышленные центры Китая уже прорвали плотину и вступили в фазу образования власти Советов. Можно ли сказать, что китайское крестьянство и вообще китайская революция уже вступили в эту фазу? Нет, нельзя. Поэтому, говорить о Советах теперь, значит забегать вперёд. Поэтому вопрос надо поставить теперь не о Советах, а об образовании крестьянских комитетов. Я имею в виду выбранные от крестьян крестьянские комитеты, которые способны формулировать основные требования крестьянства и которые примут все меры к тому, чтобы притти к осуществлению этих требований революционным порядком. Эти крестьянские комитеты должны послужить тем стержнем, вокруг которого будет развязываться революция в деревне.

Я знаю, что среди гоминдановцев и даже среди китайских коммунистов имеются люди, которые не считают возможным развязывание революции в деревне, боясь, что втягивание крестьянства в революцию подорвёт единый антиимпериалистический фронт. Это глубочайшее заблуждение, товарищи. Антиимпериалистический фронт в Китае будет тем сильнее и могущественней, чем скорее и основательней втянется китайское крестьянство в революцию. Авторы тезисов, особенно же Тан Пин-сян и Рафес, совершенно правы, утверждая, что немедленное удовлетворение ряда наиболее назревших крестьянских требований является необходимейшим условием победы китайской революции. Я думаю, что пора сломать ту инертность и тот «нейтралитет» в отношении крестьянства, которые замечаются в действиях известных элементов Гоминдана. Я думаю, что как коммунистическая партия Китая, так

и Гоминдан, а значит и кантонская власть, должны немедля перейти от слов к делу и поставить вопрос об удовлетворении теперь же наиболее жизненных требований крестьянства.

Каковы должны быть перспективы в этом отношении и до каких пределов можно и нужно дойти — это зависит от хода революции. Я думаю, что дело надо, в конце концов, вести к национализации земли. Во всяком случае, мы не можем зарекаться от такого лозунга, как лозунг национализации земли.

Каковы те пути и дорожки, по которым должны итти китайские революционеры для того, чтобы поднять многомиллионное крестьянство Китая на революцию?

Я думаю, что при данных условиях можно говорить лишь о трёх путях.

Первый путь — это путь образования крестьянских комитетов и проникновения в эти комитеты китайских революционеров для воздействия на крестьянство. (Голос с места: «А крестьянские союзы?».) Я думаю, что крестьянские союзы будут группироваться вокруг крестьянских комитетов, или крестьянские союзы будут превращаться в крестьянские комитеты, облечённые той или иной властью, необходимой для осуществления крестьянских требований. Об этом пути я уже говорил выше. Но этот путь недостаточен. Было бы смешно думать, что у Китая хватит революционеров на это дело. В Китае около 400 миллионов населения. Из них около 350 миллионов китайцев. Из них более чем $^9/_{10}$ — крестьян. Думать, что несколько десятков тысяч китайских революционеров могут исчерпать этот океан крестьянства,— значит заблуждаться. Значит, нужно иметь ещё другие пути.

Второй путь — это путь воздействия на крестьянство через аппарат новой народно-революционной власти. Несомненно, что в новых освобождённых провинциях будет создаваться новая власть по типу кантонской власти. Несомненно, что эта власть и аппарат этой власти, если она хочет действительно двигать революцию вперёд, должна заняться удовлетворением наиболее наболевших требований крестьянства. И вот задача коммунистов и вообще революционеров Китая состоит в том, чтобы проникать в аппарат новой власти, сближать этот аппарат с крестьянскими массами и помогать крестьянским массам через этот аппарат удовлетворить свои насущные требования путём ли отобрания помещичьих земель или путём снижения налогов и арендной платы, — смотря по обстоятельствам.

Третий путь состоит в воздействии на крестьянство через революционную армию. Я уже говорил о важнейшем значении революционной армии в китайской революции. Революционная армия Китая является той силой, которая первой проникает в новые провинции, которая первой проходит по самой гуще крестьянства и по которой судит, прежде всего, крестьянин о новой власти, об её плохих или хороших качествах. От поведения революционной армии, от её отношения к крестьянству и к помещикам, от её готовности помочь крестьянам — зависит, прежде всего, отношение крестьянства к новой власти, к Гоминдану и вообще к революции в Китае. Если иметь в виду, что к революционной армии Китая примазалось немало сомнительных элементов, что эти элементы могут изменить физиономию армии в худшую сторону, то можно понять, какое большое значение имеет в глазах крестьянства политическая

физиономия армии и её, так сказать, крестьянская политика. Поэтому коммунисты Китая и вообще революционеры Китая должны принять все меры к тому, чтобы нейтрализовать антикрестьянские элементы армии, сохранить за армией её революционный дух и вести дело к тому, чтобы армия помогала крестьянам и подымала их на революцию.

Говорят, что революционную армию встречают в Китае с распростёртыми объятиями, но потом, после того как армия оседает, наступает некоторое разочарование. То же самое было и у нас в Советском Союзе во время гражданской войны. Объясняется это тем, что армия, освобождая новые провинции и оседая там, вынуждена кормиться так или иначе за счёт окружающего населения. Нам, советским революционерам, удавалось обычно компенсировать эти минусы тем, что мы старались помогать через армию крестьянам против помещичьих элементов. Необходимо, чтобы китайские революционеры также научились компенсировать эти минусы проведением правильной крестьянской политики через армию.

VI

ПРОЛЕТАРИАТ И ГЕГЕМОНИЯ ПРОЛЕТАРИАТА В КИТАЕ

Пятое замечание касается вопроса о китайском пролетариате. Я думаю, что в тезисах недостаточно подчёркивается роль и значение рабочего класса Китая. Рафес спрашивает: на кого должны ориентироваться китайские коммунисты — на левых или на центр Гоминдана? Странный вопрос. Я думаю, что китайские

коммунисты должны ориентироваться прежде всего на пролетариат и ориентировать деятелей освободительного движения в Китае на революцию. Только тогда будет поставлен вопрос правильно. Я знаю, что есть среди китайских коммунистов товарищи, которые считают забастовки рабочих за улучшение их материального и правового положения нежелательными и отговаривают рабочих от забастовок. (Голос: «Это было в Кантоне и Шанхае».) Это большая ошибка, товарищи. Это серьёзнейшая недооценка роли и удельного веса пролетариата Китая. Это должно быть отмечено в тезисах, как явление безусловно отрицательное. Было бы большой ошибкой, если бы китайские коммунисты не использовали нынешней благоприятной обстановки для того, чтобы помочь рабочим улучшить своё материальное и правовое положение, хотя бы через забастовки. Для чего же тогда революция в Китае? Не может быть руководящей силой пролетариат, сынов которого секут и истязают агенты империализма во время забастовок. Нужно во что бы то ни стало уничтожить это средневековое зло для того, чтобы поднять среди пролетариев Китая чувство силы и чувство своего достоинства и сделать их способными к руководству революционным движением. Без этого нечего и думать о победе революции в Китае. Поэтому экономические и правовые требования рабочего класса Китая, идущие по линии серьёзного улучшения их положения, должны найти в тезисах подобающее место. (Миф: «Об этом сказано в тезисах».) Да, об этом сказано в тезисах, но, к сожалению, эти требования выставлены недостаточно выпукло.

VII

ВОПРОС О МОЛОДЁЖИ В КИТАЕ

Шестое замечание касается вопроса о молодёжи в Китае. Странно, что в тезисах не учтён этот вопрос. А между тем вопрос о молодёжи имеет теперь в Китае чрезвычайно важное значение. В докладах Тан Пин-сяна говорится об этом вопросе, но, к сожалению, недостаточно выпукло. Вопрос о молодёжи имеет теперь в Китае первостепенное значение. Учащаяся молодёжь (революционные студенты), рабочая молодёжь, крестьянская молодёжь, — всё это такая сила, которая могла бы двинуть революцию семимильными шагами, если её подчинить идейному и политическому влиянию Гоминдана *. Надо иметь в виду, что никто не переживает империалистического гнёта так глубоко и живо и никто не чувствует необходимости борьбы с этим гнётом так остро и болезненно, как молодёжь в Китае. Это обстоятельство должно быть всемерно учтено китайской компартией и китайскими революционерами в смысле всемерного усиления работы среди молодёжи. Молодёжь должна найти своё место в тезисах по китайскому вопросу.

---

* **Примечание.** В тогдашних условиях такая политика была правильна, так как Гоминдан представлял тогда блок коммунистов и более или менее левых гоминдановцев, проводивший антиимпериалистическую революционную политику. Впоследствии эта политика была отменена, как не соответствующая больше интересам китайской революции, так как Гоминдан отошёл от революции и в дальнейшем превратился в центр борьбы против революции, а коммунисты вышли из Гоминдана, порвав с ним.

VIII
НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Я хотел бы отметить некоторые выводы — по линии борьбы с империализмом в Китае и по линии крестьянского вопроса.

Несомненно, что китайская компартия не может теперь ограничиться требованием уничтожения неравных договоров. За это требование стоит теперь даже такой контрреволюционер, как Чжан Суе-лян. Очевидно, что китайская компартия должна пойти дальше.

Надо поставить, далее, перед собой в качестве перспективы вопрос о национализации железных дорог. Это необходимо, и к этому надо вести дело.

Надо, далее, иметь в виду перспективу национализации наиболее важных фабрик и заводов. При этом прежде всего встаёт вопрос о национализации тех предприятий, владельцы которых отличаются особой враждебностью и особой агрессивностью в отношении китайского народа. Нужно затем двинуть вперёд крестьянский вопрос, связав его с перспективой революции в Китае. Я думаю, что дело надо вести, в конце концов, к конфискации помещичьих земель в пользу крестьян и национализации земли.

Остальное понятно само собой.

Вот и все замечания, которые я хотел сделать, товарищи.

Журнал «Коммунистический Интернационал» № 13(71), 10 декабря 1926 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Имеется в виду глубокий экономический и политический кризис в Германии осенью 1923 года. В стране развернулось мощное революционное движение, начался массовый переход рабочих от социал-демократии к коммунистической партии. В Саксонии и Тюрингии образовались рабочие правительства, на очередь дня ставился вопрос о немедленной организации пролетарских Советов и взятии власти коммунистами. В Гамбурге произошло вооружённое восстание рабочих. Революционное движение в Германии потерпело поражение, после чего в стране усилилась буржуазная реакция. — *2.*

2 Речь идёт о национально-освободительных войнах в Марокко и Сирии (1925—1926 гг.) против французского империализма. Эти войны стоили Франции свыше миллиарда франков. — *2.*

3 Имеется в виду враждебная партии большевиков группа «левых коммунистов». (О «левых коммунистах» см. «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 206—209 и В. И. Ленин. Сочинения, изд. 3-е, т. XXII, стр. 297—303, 306—310, 313—346, 505—528.). — *3.*

4 Общерусская партийная конференция 1908 года — V конференция РСДРП — состоялась 3—9 января 1909 года (21—27 декабря 1908 года) в Париже. На конференции

Ленин, большевики вели борьбу на два фронта: против меньшевиков-ликвидаторов и против отзовистов — «ликвидаторов слева». По предложению Ленина конференция решительно осудила ликвидаторство меньшевиков и отзовистов и наметила тактическую линию большевиков в период реакции (см. «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1941, стр. 125—132, «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 129—131). — ***8.***

5 Данное «Предисловие» являлось вводной частью работы «К вопросам ленинизма», написанной И. В. Сталиным в январе 1926 года вместо предисловия к сборнику «Вопросы ленинизма». Сборник вышел из печати в феврале 1926 года. — ***11.***

6 См. И. В. Сталин. Сочинения, т. 6, стр. 69—188. — ***11.***

7 См. И. В. Сталин. Сочинения, т. 6, стр. 358—401. — ***11.***

8 См. И. В. Сталин. Сочинения, т. 7, стр. 90—132. — ***11.***

9 См. И. В. Сталин. Сочинения, т. 7, стр. 156—211. — ***11.***

10 См. И. В. Сталин. Сочинения, т. 6, стр. 71. — ***13.***

11 См. В. И. Ленин. Сочинения, изд. 3-е, т. XIX, стр. 67—175. — ***14.***

12 См. В. И. Ленин. Сочинения, изд. 3-е, т. XXI, стр. 365—455. — ***14.***

13 См. В. И. Ленин. Сочинения, изд. 3-е, т. XXIII, стр. 331—412. — ***14.***

14 См. В. И. Ленин. Сочинения, изд. 3-е, т. XXV, стр. 165—250. — ***14.***

15 См. И. В. Сталин. Сочинения, т. 6, стр. 123. — ***16.***

16 См. И. В. Сталин. Сочинения, т. 6, стр. 103—104. — ***18.***

17 См. И. В. Сталин. Сочинения, т. 6, стр. 378. — ***19.***

18 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. «Первое обращение Центрального Комитета к Союзу Коммунистов» (Сочинения, т. VIII, 1931, стр. 479—489). — *19.*

19 См. И. В. Сталин. Сочинения, т. 6, стр. 363. — *28.*

20 См. И. В. Сталин. Сочинения, т. 6, стр. 178—179. — *35.*

21 II конгресс Коммунистического Интернационала происходил с 19 июля по 7 августа 1920 года. И. В. Сталин цитирует слова из речи В. И. Ленина «О роли коммунистической партии». — *37.*

22 См. В. И. Ленин. Сочинения, изд. 3-е, т. XXVI, стр. 137—138. — *41.*

23 Цектран — Центральный комитет объединённого профессионального союза работников железнодорожного и водного транспорта. Создан в сентябре 1920 года. В 1920 году и начале 1921 года руководство Цектраном находилось в руках троцкистов, проводивших в профсоюзной работе методы голого принуждения и командования. Первый Всероссийский объединённый съезд работников железнодорожного и водного транспорта, происходивший в марте 1921 года, изгнал троцкистов из руководства Цектраном, избрал новый Центральный комитет союза и наметил новые методы профсоюзной работы. — *53.*

24 См. В. И. Ленин. Сочинения, изд. 3-е, т. XXVI, стр. 61—81. — *54.*

25 Тезисы II конгресса Коминтерна «О роли коммунистической партии в пролетарской революции» были приняты как резолюция конгресса (резолюцию см. В. И. Ленин. Сочинения, изд. 3-е, т. XXV, стр. 560—566). — *58.*

26 См. И. В. Сталин. Сочинения, т. 6, стр. 106. — *60.*

27 См. брошюру: И. В. Сталин. «О Ленине и ленинизме», 1924, стр. 60. — *61.*

28 См. В. И. Ленин. Сочинения, изд. 3-е, т. XXVII, стр. 391—397. — *62*.

29 Резолюцию XIV партийной конференции «О задачах Коминтерна и РКП(б) в связи с расширенным пленумом ИККИ» см. «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. II, 1941, стр. 25—31. — *63*.

30 См. И. В. Сталин. Сочинения, т. 7, стр. 110, 119. — *63*.

31 См. И. В. Сталин. Сочинения, т. 7, стр. 111, 116. — *64*.

32 См. И. В. Сталин. Сочинения, т. 7, стр. 118—119. — *64*.

33 См. И. В. Сталин. Сочинения, т. 7, стр. 261—391. — *64*.

34 Речь идёт о пленуме Центрального Комитета РКП(б), происходившем 23—30 апреля 1925 года. Пленум утвердил резолюции, принятые XIV конференцией РКП(б), в том числе и резолюцию «О задачах Коминтерна и РКП(б) в связи с расширенным пленумом ИККИ», в которой дана установка партии по вопросу о победе социализма в СССР (см. «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. II, 1941, стр. 25—31). — *65*.

35 См. «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. II, 1941, стр. 29, 28. — *71*.

36 Имеется в виду XIV конференция РКП(б), происходившая 27—29 апреля 1925 года. — *72*.

37 Ответ Московского комитета РКП(б) на письмо XXII Ленинградской губпартконференции, являвшееся фракционной вылазкой сторонников Зиновьева — Каменева, был опубликован в «Правде» № 291, 20 декабря 1925 года. — *72*.

38 См. «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. II, 1941, стр. 50. — *75*.

39 См. И. В. Сталин. Сочинения, т. 6, стр. 132—133, 135—137. — ***77.***

40 См. В. И. Ленин. Сочинения, изд. 3-е, т. XXVII, стр. 391.— ***81.***

41 См. «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. II, 1941, стр. 50—51. — ***82.***

42 См. В. И. Ленин. Сочинения, изд. 3-е, т. XXVI, стр. 317—352. — ***85.***

43 «Философия эпохи» — название антипартийной статьи Зиновьева, написанной в 1925 году. Критику этой статьи см. И. В. Сталин. Сочинения, т. 7, стр. 375—378. — ***89.***

44 См. «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. II, 1941, стр. 50. — ***90.***

45 Имеется в виду речь И. В. Сталина «К вопросу о пролетариате и крестьянстве», произнесённая 27 января 1925 года на XIII губернской конференции московской организации РКП(б) при обсуждении вопроса о работе в деревне (см. И. В. Сталин. Сочинения, т. 7, стр. 25—33). — ***91.***

46 См. «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. II, 1941, стр. 47—53. — ***96.***

47 В журнале «Большевик» № 3 от 15 февраля 1926 года напечатана работа И. В. Сталина «К вопросам ленинизма» (см. настоящий том, стр. 13—90).

«Большевик» — двухнедельный теоретический и политический журнал ЦК ВКП(б) — начал выходить в апреле 1924 года. — ***98.***

48 VI расширенный пленум Исполкома Коминтерна происходил с 17 февраля по 15 марта 1926 года в Москве. Пленум обсудил отчёты Исполкома Коминтерна и коммунистической партии Великобритании и доклады: о ближайших задачах коммунистов в профессиональном движении, об итогах II организационного совещания и доклады двенадцати комиссий, работавших на пленуме. Особое внимание

пленум уделил вопросу о задачах коммунистов в борьбе за революционное единство международного профессионального движения на основе тактики единого фронта. И. В. Сталин был избран членом президиума, членом политической, восточной, французской комиссий и председателем германской комиссии пленума. — ***100.***

49 Под «23-м годом» подразумевается глубокий революционный кризис в Германии осенью 1923 года. — ***100.***

50 **«Бюллетен Коммюнист»** («Bulletin Communiste») — двухнедельная газета, орган правого крыла коммунистической партии Франции; издавалась в Париже. Первый номер газеты вышел в октябре 1925 года. Газета закрылась после выхода её пятнадцатого номера (в январе 1926 г.), в котором и была опубликована антипартийная декларация правого крыла французской компартии. — ***103.***

51 Пленум ЦК ВКП(б) происходил 6—9 апреля 1926 года. 9 апреля на утреннем заседании пленума И. В. Сталин выступил с речью по докладу «О хозяйственном положении и хозяйственной политике», а на вечернем заседании — с докладом о плане работы Политбюро и пленума ЦК ВКП(б) на 1926 год. (Решения пленума см. «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. II, 1941, стр. 91—102.). — ***116.***

52 Имеется в виду резолюция «Об организации хлебозаготовительного аппарата в кампанию 1926/27 года», принятая пленумом ЦК ВКП(б) 9 апреля 1926 года (резолюцию см. «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. II, 1941, стр. 97—100). — ***134.***

53 Неполный текст данного письма был напечатан в сборнике: И. Сталин, «Марксизм и национально-колониальный вопрос». М., 1934, стр. 172—173. — ***143.***

54 Всеобщая забастовка в Англии происходила с 3 по 12 мая 1926 года. В забастовке участвовало свыше пяти миллионов

организованных рабочих всех важнейших отраслей промышленности и транспорта. — *155.*

55 Имеется в виду вооружённый переворот, совершённый Пилсудским 12—13 мая 1926 года. В результате переворота был установлен режим диктатуры Пилсудского и его клики, осуществлявших постепенно фашизацию страны. — *155.*

56 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. «Избранные письма», 1947, стр. 105. — *161.*

57 После получения известия о всеобщей забастовке в Англии Президиум ВЦСПС на заседании 5 мая 1926 года с участием представителей Центральных комитетов профессиональных союзов постановил призвать всех членов профсоюзов в СССР отчислить одну четвёртую часть дневного заработка для поддержки бастующих рабочих Англии и в тот же день перевёл Генсовету английских тред-юнионов 250 тысяч рублей. 7 мая ВЦСПС перевёл Генсовету ещё 2 миллиона рублей, собранных рабочими СССР. 9 мая Генсовет сообщил ВЦСПС свой отказ принять эти деньги и всякую другую помощь рабочих СССР. — *162.*

58 Речь идёт о тезисах «Очередные проблемы международного коммунистического движения», принятых 15 марта 1926 года VI расширенным пленумом Исполкома Коминтерна (см. «VI расширенный пленум Исполкома Коминтерна. Тезисы и резолюции». Гиз, 1926, стр. 4—39). — *166.*

59 Сеймовые фракции — группировки в польском сейме, нижней палате польского буржуазного парламента, главном законодательном органе Польши. Состав депутатов сейма в 1926 году распадался больше чем на 30 фракций, представлявших интересы различных классов и промежуточных слоёв польского общества. — *169.*

60 Имеется в виду статья Эрнста Тельмана «О тактике польской компартии», напечатанная в «Правде» № 123, 30 мая 1926 года. — *172.*

[61] Англо-Русский комитет единства был создан по инициативе ВЦСПС на англо-советской профсоюзной конференции, состоявшейся 6—8 апреля 1925 года в Лондоне. В состав Англо-Русского комитета входили председатели и секретари ВЦСПС и Генсовета английского конгресса тред-юнионов и, кроме того, по три члена от каждой из этих организаций. Комитет прекратил своё существование осенью 1927 года из-за предательской политики реакционных лидеров английских тред-юнионов. — ***176.***

[62] Объединённый пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) происходил 14—23 июля 1926 года. Пленум обсудил сообщение Политбюро о решениях, принятых им в связи с английской всеобщей забастовкой и событиями в Польше и Китае, и доклады: об итогах перевыборов Советов, по делу Лашевича и др. и о единстве партии, о жилищном строительстве, о хлебозаготовительной кампании. На пленуме И. В. Сталин выступал с речами по сообщению Политбюро о решениях, принятых им в связи с событиями в Англии, Польше и Китае, по докладу Президиума ЦКК ВКП(б) по делу Лашевича и др. и о единстве партии и по другим вопросам. Пленум одобрил деятельность Политбюро ЦК и делегации ВКП(б) в ИККИ по международному вопросу и принял ряд решений по важнейшим вопросам общегосударственного и хозяйственного строительства, внутрипартийной жизни и положения рабочих. Пленум исключил Зиновьева из членов Политбюро ЦК. (Резолюции пленума см. «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. II, 1941, стр. 103—121.). — ***176.***

[63] Имеется в виду Амстердамский Интернационал профсоюзов, созданный в июле 1919 года на международном конгрессе в Амстердаме. В Интернационал вошли реформистские профсоюзы большинства стран Западной Европы и Американская федерация труда. Амстердамский Интернационал проводил реформистскую политику, открыто сотрудничая с буржуазией в Международном бюро труда и в различных комиссиях Лиги наций, боролся против единого фронта в рабочем движении и враждебно относился к Советскому Союзу, в резуль-

тате чего влияние его в рабочем движении падало. Во время второй мировой войны Амстердамский Интернационал фактически прекратил свою деятельность. В связи с созданием Всемирной федерации профсоюзов Амстердамский Интернационал в декабре 1945 года ликвидирован. — ***177.***

64 Зассенбах и Удегест — секретари Амстердамского Интернационала реформистских профсоюзов, лидеры правого крыла Интернационала. — ***177.***

65 См. В. И. Ленин. Сочинения, изд. 3-е, т. XX, стр. 182. — ***179.***

66 См. В. И. Ленин. Сочинения, изд. 3-е, т. XX, стр. 253. — ***179.***

67 «Рабочая оппозиция» — антипартийная анархо-синдикалистская группа, существовала в РКП(б), возглавлялась Шляпниковым, Медведевым и др. Группа оформилась во второй половине 1920 года и вела борьбу против ленинской линии партии. X съезд РКП(б) осудил «рабочую оппозицию» и признал пропаганду идей анархо-синдикалистского уклона несовместимой с принадлежностью к коммунистической партии. Впоследствии остатки разбитой «рабочей оппозиции» сомкнулись с контрреволюционным троцкизмом. — ***181.***

68 **«Социалистический Вестник»** — журнал, орган меньшевиков-белоэмигрантов; основан Мартовым в феврале 1921 года. До марта 1933 года издавался в Берлине, с мая 1933 года по июнь 1940 года — в Париже, в настоящее время издаётся в Америке. «Социалистический Вестник» является рупором самых реакционных империалистических кругов. — ***185.***

69 Конференция представителей Британской федерации горняков и Союза горнорабочих СССР состоялась в Берлине 7 июля 1926 года. Конференция обсудила вопрос о продолжении кампании помощи английским горнякам, боровшимся против локаута. Конференция приняла декларацию «К рабочим всего мира» с призывом оказать энергичную поддержку английским горнякам и признала необходимым скорейший

созыв Англо-Русского комитета единства. Для поддержания взаимной связи и осуществления единства революционных действий Союза горнорабочих СССР и международной федерации горняков конференция признала целесообразным создать англо-советский комитет горнорабочих. — *188.*

70 Декларация ВЦСПС — обращение «Ко всему международному пролетариату» по поводу предательства реформистскими лидерами Рабочей партии и Генсовета тред-юнионов Англии всеобщей забастовки английских рабочих. Декларация принята IV пленумом ВЦСПС 7 июня 1926 года. Опубликована в газете «Правда» № 130, 8 июня 1926 г. — *194.*

71 Герои «чёрной пятницы» — реакционные лидеры английских профсоюзов: железнодорожников (Томас), горнорабочих (Ходжес) и транспортников (Вильямс), которые сорвали забастовку железнодорожников и транспортников, намеченную в целях поддержки бастующих углекопов на 15 апреля 1921 года. День срыва забастовки—пятница 15 апреля 1921 года—назван английскими рабочими «чёрной пятницей». —*202.*

72 **«Дейли Уоркер»** («The Daily Worker») — газета, центральный орган Рабочей (коммунистической) партии США. С января 1922 года по январь 1927 года газета издавалась в Чикаго, а после — в Нью-Йорке; сначала под названием «Уоркер», а с января 1924 года — «Дейли Уоркер». — *204.*

73 **«Нью Лидер»** («The New Leader») — еженедельная газета, орган так называемой социалистической партии Америки, начала издаваться в январе 1924 года. — *204.*

74 См. В. И. Ленин. Сочинения, изд. 3-е, т. XXVII, стр. 392. — *207.*

75 Тезисы «Об оппозиционном блоке в ВКП(б)» написаны И. В. Сталиным по поручению Политбюро ЦК ВКП(б) между 21 и 25 октября 1926 года. Одобренные Политбюро, тезисы

26 октября были обсуждены и приняты объединённым пленумом ЦК и ЦКК ВКП(б). 3 ноября тезисы были единогласно приняты XV Всесоюзной партийной конференцией, как решение конференции, и в тот же день утверждены объединённым пленумом ЦК и ЦКК ВКП(б) (см. «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. II, 1941, стр. 148—155). — ***214.***

76 В. И. Ленин. «План и конспекты брошюры «О продовольственном налоге»» (см. Сочинения, изд. 3-е, т. XXVI, стр. 310—316). — ***218.***

77 «Демократические централисты» — антипартийная группа во главе с Сапроновым и Осинским, существовала в РКП(б). Группа возникла в период военного коммунизма. Группа децистов отрицала руководящую роль партии в Советах; выступала против единоначалия и личной ответственности директоров в промышленности, против ленинской линии в организационных вопросах, требовала свободы фракций и группировок в партии. IX и X съезды партии осудили децистов, как антипартийную группу. В 1927 году группа «демократических централистов» вместе с активными деятелями троцкистской оппозиции была исключена из партии XV съездом ВКП(б). — ***221.***

78 «Ликвидаторы суваринского толка» — сторонники троцкиста Бориса Суварина — бывшего члена ЦК коммунистической партии Франции. В 1926 году VII расширенным пленумом ИККИ Суварин исключён из рядов Коммунистического Интернационала за контрреволюционную пропаганду против Советского Союза и Коммунистического Интернационала. — ***221.***

79 XV конференция ВКП(б) происходила 26 октября — 3 ноября 1926 года. Конференция обсудила вопросы: о международном положении, о хозяйственном положении страны и задачах партии, итоги работы и очередные задачи профсоюзов, об оппозиции и внутрипартийном положении. Конференция одобрила политику ЦК и единодушно приняла тезисы

доклада И. В. Сталина «Об оппозиционном блоке в ВКП(б)», характеризующие троцкистско-зиновьевский оппозиционный блок как социал-демократический уклон в рядах большевистской партии, как вспомогательный отряд II Интернационала в международном рабочем движении. Конференция оформила и увенчала дело вооружения партии идеей победы социалистического строительства в нашей стране и призвала к решительной борьбе за единство партии, за разоблачение троцкистско-зиновьевского блока. — ***234.***

80 Имеется в виду пленум ЦК ВКП(б), происходивший 6—9 апреля 1926 года. — ***235.***

81 Имеется в виду объединённый пленум ЦК и ЦКК ВКП(б), происходивший 14—23 июля 1926 года. — ***236.***

82 Имеется в виду резолюция «Об итогах дискуссии и о мелкобуржуазном уклоне в партии», принятая XIII конференцией РКП(б), подтверждённая XIII съездом РКП(б) и приобщённая к постановлениям съезда (см. «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1941, стр. 540—545). — ***237.***

83 В. И. Ленин. «О продовольственном налоге», глава «О современной экономике России» (см. Сочинения, изд. 3-е, т. XXVI, стр. 321—330). — ***251.***

84 См. В. И. Ленин. Сочинения, изд. 3-е, т. XXI, стр. 395. — ***251.***

85 **«Наше Слово»** — меньшевистско-троцкистская газета, выходила в Париже с января 1915 года по сентябрь 1916 года. — ***255.***

86 См. «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. II, 1941, стр. 29. — ***266.***

87 См. «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. II, 1941, стр. 29. — ***267.***

88 См. «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. II, 1941, стр. 29—30. — ***267.***

89 См. В. И. Ленин. Сочинения, изд. 3-е, т. XX, стр. 87—90. — ***283.***

90 См. В. И. Ленин. Сочинения, изд. 3-е, т. XXVI, стр. 247.— ***290.***

91 Имеется в виду объединённый пленум ЦК и ЦКК ВКП(б), происходивший 23 и 26 октября 1926 года. Пленум обсудил вопрос о пополнении состава ЦК в связи со смертью Ф. Э. Дзержинского, вопросы для внесения на обсуждение XV Всесоюзной партийной конференции, сообщение Политбюро ЦК и ЦКК в связи с постановлением Политбюро от 4 октября о фракционной деятельности троцкистско-зиновьевского оппозиционного блока после июльского объединённого пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) и тезисы И. В. Сталина «Об оппозиционном блоке в ВКП(б)». 26 октября на пленуме выступил И. В. Сталин в защиту тезисов. — ***293.***

92 См. «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1941, стр. 366—368. — ***293.***

93 Имеется в виду резолюция, принятая на совместном заседании пленумов ЦК и ЦКК РКП(б) 17 января 1925 года по сообщению И. В. Сталина о резолюциях местных партийных организаций в связи с выступлением Троцкого (см. «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1941, стр. 636—641; И. В. Сталин. Сочинения, т. 7, стр. 6—10). — ***294.***

94 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. «Манифест Коммунистической Партии». Приложения, 1939, стр. 75—97. — ***299.***

95 Цитируются слова Ленина из доклада «О деятельности Совета Народных Комиссаров» на III Всероссийском съезде Советов (см. В. И. Ленин. Сочинения, изд. 3-е, т. XXII, стр. 218). См. так же письмо Энгельса к Полю Лафаргу от

2 июня 1894 года (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXIX, стр. 311). — ***306.***

96 Имеется в виду статья В. И. Ленина «Несколько тезисов» (см. Сочинения, изд. 3-е, т. XVIII, стр. 311—313). — ***317.***

97 См. «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. II, 1941, стр. 27—28. — ***323.***

98 Речь идёт о ноте английского министра иностранных дел Керзона от 8 мая 1923 года, содержавшей угрозу новой интервенции против СССР. — ***330.***

99 См. «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. II, 1941, стр. 29—30. — ***340.***

100 См. В. И. Ленин. Сочинения, изд. 3-е, т. XVIII, стр. 232.— ***343.***

101 См. В. И. Ленин. Сочинения, изд. 3-е, т. XVIII, стр. 232—233. — ***343.***

102 См. В. И. Ленин. Сочинения, изд. 3-е, т. XXVI, стр. 238. — ***343.***

103 «Уфимское правительство» — контрреволюционная организация, называвшая себя «Всероссийское временное правительство» (Директория). Образовано 23 сентября 1918 года в Уфе на совещании представителей белогвардейских «правительств», меньшевиков, эсеров и иностранных интервентов; существовало до 18 ноября 1918 года. — ***346.***

БИОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

(январь — ноябрь 1926)

1 января. И. В. Сталин руководит работой пленума ЦК ВКП(б) и выступает по организационным вопросам.

И. В. Сталин на заседании пленума ЦК ВКП(б) избирается членом Политбюро, Оргбюро, Секретариата ЦК и утверждается генеральным секретарём ЦК ВКП(б).

Пленум ЦК ВКП(б) постановил продолжить И. В. Сталину полномочия делегата ВКП(б) в Исполнительном Комитете Коммунистического Интернационала (ИККИ).

5 января. И. В. Сталин сообщает в Ленинград В. М. Молотову, Н. М. Швернику, С. М. Кирову и другим постановление ЦК ВКП(б) от 5 января 1926 года, разоблачающее фракционную деятельность Ленинградского губкома ВКП(б).

8 января. И. В. Сталин руководит заседанием делегации ВКП(б) в ИККИ.

16 января. И. В. Сталин беседует с представителями делегации коммунистической партии США, прибывшей на VI расширенный пленум ИККИ.

19 января. И. В. Сталин беседует со слушателями Института красной профессуры.

22 января. И. В. Сталин выступает на заседании Президиума ИККИ с речами по вопросу «О борьбе с правыми и «ультралевыми» уклонами».

25 января. И. В. Сталин закончил работу над произведением «К вопросам ленинизма», которое вышло из печати отдельной брошюрой 6 февраля и напечатано в журнале «Большевик» № 3, 15 февраля 1926 г.

5 февраля. И. В. Сталин беседует с представителями делегации коммунистической партии Китая, прибывшей на VI расширенный пленум ИККИ.

6—8 февраля. И. В. Сталин избирается чрезвычайными партийными конференциями Володарского, Московско-Нарвского и др. районов Ленинграда первым делегатом на XXIII чрезвычайную Ленинградскую губернскую конференцию ВКП(б).

9 февраля. И. В. Сталин отвечает на письмо Болтнева И. Ф., Ефремова В. И. и Ивлева В. И. по вопросу «О крестьянстве, как союзнике рабочего класса».

10 февраля. В «Ленинградской Правде» № 33 напечатана VI глава из произведения И. В. Сталина «К вопросам ленинизма» — «Вопрос о победе социализма в одной стране».

И. В. Сталин отвечает на письмо председателя комитета незаможных селян Бобринецкого

района УССР Покоева Т. М. по вопросу «О возможности построения социализма в нашей стране».

12 февраля. И. В. Сталин избирается XXIII чрезвычайной Ленинградской губернской конференцией ВКП(б) членом Ленинградского губкома партии.

17 февраля — 15 марта. И. В. Сталин участвует в работах VI расширенного пленума ИККИ.

17 февраля. И. В. Сталин на первом заседании VI расширенного пленума ИККИ избирается членом Президиума пленума ИККИ и членом политической, восточной, французской комиссий пленума.

19 февраля. И. В. Сталин пишет письмо членам делегации ВКП(б) в ИККИ, в котором разоблачает Зиновьева, извратившего во вступительной речи при открытии VI расширенного пленума ИККИ решения XIV съезда ВКП(б).

И. В. Сталин беседует с представителями делегаций коммунистических партий Германии и Франции, прибывших на VI расширенный пленум ИККИ.

20 февраля. И. В. Сталин на заседании VI расширенного пленума ИККИ избирается председателем германской комиссии пленума.

21 февраля. И. В. Сталин на заседании Бюро делегации ВКП(б) на VI расширенном пленуме ИККИ выступает с сообщением о недовольстве немецкой делегации выступлением Зиновьева на VI расширенном пленуме ИККИ.

23 февраля. Написанный И. В. Сталиным некролог памяти Г. И. Котовского опубликован в газете «Коммунист» № 43 — органе ЦК и Харьковского окружкома КП(б)У.

И. В. Сталин присутствует на торжественном заседании в Большом театре, посвящённом восьмой годовщине Красной Армии.

27 февраля. Вышел из печати сборник произведений И. В. Сталина «Вопросы ленинизма».

3 марта. И. В. Сталин выступает на заседании Бюро делегации ВКП(б) на VI расширенном пленуме ИККИ по вопросу об идейной борьбе против «ультралевых» в коммунистической партии Германии.

6 марта. И. В. Сталин выступает на заседании французской комиссии VI расширенного пленума ИККИ с речью о положении в коммунистической партии Франции.

И. В. Сталин на заседании Бюро делегации ВКП(б) на VI расширенном пленуме ИККИ выступает против предложения Зиновьева о привлечении к работе в ИККИ сторонников «новой оппозиции».

7 марта. Приветствие И. В. Сталина работницам и трудящимся женщинам всего мира в связи с шестнадцатой годовщиной Международного коммунистического женского дня опубликовано в газете «Правда» № 55.

8 марта. И. В. Сталин на заседании германской комиссии VI расширенного пленума ИККИ выступает с речью по вопросу о борьбе с «ультралевыми» в коммунистической партии Германии.

15 марта. И. В. Сталин выступает на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) с речами: о плане работы Оргбюро ЦК на март — август 1926 года и о выборах в Советы.

16 марта. И. В. Сталин беседует с представителями делегаций коммунистических партий Германии и Франции, прибывших на VI расширенный пленум ИККИ.

17 марта. И. В. Сталин на заседании ИККИ избирается членом Президиума ИККИ.

И. В. Сталин беседует с представителями делегации коммунистической партии Германии, прибывшей на VI расширенный пленум ИККИ.

23 марта. Приветствие И. В. Сталина VII съезду ВЛКСМ опубликовано в газетах «Правда» и «Комсомольская Правда» №№ 66.

8 апреля. Политбюро ЦК ВКП(б) назначает И. В. Сталина членом комиссии Политбюро по редактированию тезисов «О хозяйственном положении и хозяйственной политике» для внесения их на обсуждение апрельского пленума ЦК ВКП(б).

5 апреля. И. В. Сталин на заседании комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) выступает в защиту тезисов «О хозяйственном положении и хозяйственной политике».

6—9 апреля. И. В. Сталин руководит работой пленума ЦК ВКП(б).

9 апреля. И. В. Сталин на утреннем заседании пленума ЦК ВКП(б) выступает с речью по докладу «О хозяйственном положении и хозяйственной политике».

И. В. Сталин на вечернем заседании пленума ЦК ВКП(б) выступает с докладом «О плане работы Политбюро и пленума ЦК на 1926 год».

12 апреля. И. В. Сталин на пленуме Ленинградского губкома ВКП(б) выступает с докладом об итогах работы апрельского пленума ЦК ВКП(б).

13 апреля. И. В. Сталин на активе ленинградской организации ВКП(б) выступает с докладом «О хозяйственном положении Советского Союза и политике партии».

20 апреля. И. В. Сталин беседует с делегацией фабрики им. Сталина (ст. Болшево Московской губернии), приглашающей его на празднование 1 Мая.

21 апреля. И. В. Сталин отвечает на письмо Клары Цеткин по вопросу о Международной организации помощи борцам революции (МОПР).

Вышла из печати брошюра И. В. Сталина «О хозяйственном положении Советского Союза».

25 апреля. В газете «Правда» № 95 опубликовано за подписями секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина и председателя ЦКК ВКП(б) В. В. Куйбышева обращение ко всем парторганизациям, партийным контрольным комиссиям, членам партии, работающим в хозяйственных, кооперативных, торговых, банковских и др. учреждениях о борьбе за режим экономии.

26 апреля. И. В. Сталин пишет письмо Л. М. Кагановичу и другим членам Политбюро ЦК КП(б)У.

30 апреля. И. В. Сталин пишет письмо членам ЦК ВКП(б), в котором разоблачает фракционную деятельность Зиновьева.

1 мая. И. В. Сталин присутствует на параде войск московского гарнизона и на демонстрации трудящихся Москвы на Красной площади.

5 мая. И. В. Сталин беседует с работниками печати.

7 мая. И. В. Сталин на заседании Бюро делегации ВКП(б) в ИККИ выступает по поводу статьи Мануильского Д. З. «О меньшевизме наизнанку и социал-фашизме», напечатанной в журнале «Коммунистический Интернационал» № 4 (53) за апрель 1926 г.

8 мая. И. В. Сталин пишет письмо членам делегации ВКП(б) в ИККИ, в котором разоблачает фракционную деятельность Зиновьева в Коминтерне.

11 мая. И. В. Сталин сообщает в Париж и Берлин представителям ВЦСПС об отказе Генсовета английских тред-юнионов принять денежную помощь от рабочих СССР для бастующих горняков Англии.

15 мая. И. В. Сталин пишет второе письмо членам делегации ВКП(б) в ИККИ, в котором разоблачает фракционную деятельность Зиновьева в Коминтерне.

16 мая. И. В. Сталин и В. М. Молотов беседуют в ЦК ВКП(б) с работниками печати.

И. В. Сталин беседует с руководящими работниками ЦК ВЛКСМ и Коммунистического Интернационала Молодёжи (КИМ).

1 июня. И. В. Сталин приезжает в Тифлис.

2 июня. И. В. Сталин осматривает Земо-Авчальскую гидроэлектрическую станцию (ЗАГЭС). После осмотра станции записывает в книге почётных посетителей на грузинском языке: «Да здравствует наше строительство и рабочие, техники, инженеры, работающие на нём». Запись опубликована в газетах «Заря Востока» № 1191, 3 июня и «Правда» № 133, 12 июня 1926 г.

3 июня. И. В. Сталин пишет письмо В. М. Молотову, в котором разоблачает раскольническую, капитулянтскую политику Троцкого и Зиновьева и определяет основную линию ЦК ВКП(б) в области международной политики.

И. В. Сталин присутствует на спектакле Тифлисского театра государственной оперы. В антракте И. В. Сталин беседует с композитором М. Баланчивадзе по поводу его оперы «Тамар Цбиери» и грузинской оперной музыки и отмечает влияние произведений русских композиторов, в частности Чайковского, на грузинских композиторов.

8 июня. И. В. Сталин на собрании рабочих главных железнодорожных мастерских в Тифлисе выступает с докладом «Об английской забастовке и событиях в Польше» и с ответом на приветствия рабочих этих мастерских. Доклад и ответ опубликованы в газетах «Заря Востока» № 1197, 10 июня и «Правда» № 136, 16 июня 1926 г.

13 июня. Ответ И. В. Сталина рабочим Баку, приглашавшим его приехать в Баку, опубликован в газете «Бакинский Рабочий» № 135.

Июнь. И. В. Сталин избран действительным членом Коммунистической Академии.

4 июля.	И. В. Сталин выезжает с Кавказа в Москву.
8 июля.	Приветствие И. В. Сталина газете «Рабочая Правда» — органу ЦК и Тифлисского комитета КП(б) Грузии, Совета профессиональных союзов Грузии и Тифлисского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов — в связи с выпуском её тысячного номера, опубликовано в этом же номере газеты.
14—23 июля.	И. В. Сталин руководит работой объединённого пленума ЦК и ЦКК ВКП(б).
14 июля.	И. В. Сталин на объединённом пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) выступает по вопросу о заработной плате.
15 июля.	И. В. Сталин на объединённом пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) выступает с речью по сообщению Политбюро о решениях, принятых им в связи с событиями в Англии, Польше и Китае.
22 июля 1 ч. ночи.	И. В. Сталин в почётном карауле у гроба Ф. Э. Дзержинского в Доме Союзов.
	Написанный И. В. Сталиным некролог о Ф. Э. Дзержинском опубликован в газете «Правда» № 166.
	И. В. Сталин на утреннем заседании объединённого пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) выступает с речью по докладу Президиума ЦКК ВКП(б) по делу Лашевича и др. и о единстве партии.
17 ч. 30 м.	И. В. Сталин участвует в выносе гроба с телом Ф. Э. Дзержинского из Дома Союзов.

24 июля. И. В. Сталин беседует с работниками ВЧК—ОГПУ в связи со смертью Ф. Э. Дзержинского.

27 июля. И. В. Сталин беседует с представителями коммунистической партии Польши.

28 июля. И. В. Сталин беседует с представителем английской Рабочей партии, прибывшим в СССР.

И. В. Сталин беседует с представителем коммунистической партии Финляндии.

6 августа. И. В. Сталин пишет ответ на письмо представителя коммунистической партии Индии.

7 августа. И. В. Сталин на заседании Президиума ИККИ выступает с речью «Об Англо-Русском комитете».

13 августа. И. В. Сталин пишет письмо членам ЦК и ЦКК ВКП(б), в котором разоблачает антипартийное поведение Троцкого и Зиновьева на июльском объединённом пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б).

21 сентября. И. В. Сталин пишет телеграмму в редакцию центрального органа Рабочей партии Америки «Дейли Уоркер».

8 октября. И. В. Сталин пишет письмо Сленкову по поводу его статьи, напечатанной в газете «Правда» 8 октября 1926 г.

11 октября. И. В. Сталин на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) выступает с речью «О мерах смягчения внутрипартийной борьбы».

19 октября. И. В. Сталин на расширенном пленуме Ленинградского губкома ВКП(б) избирается делегатом на XV Всесоюзную конференцию ВКП(б).

Между 21 и 25 октября. По поручению Политбюро ЦК ВКП(б) И. В. Сталин пишет тезисы «Об оппозиционном блоке в ВКП(б)».

22 октября. Президиум ИККИ назначает И. В. Сталина докладчиком по русскому вопросу на VII расширенном пленуме ИККИ.

23 октября. Объединённый пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) назначает И. В. Сталина докладчиком на XV Всесоюзной конференции ВКП(б) по вопросу «Об оппозиции и внутрипартийном положении».

25 октября. Политбюро ЦК ВКП(б) одобрило тезисы И. В. Сталина «Об оппозиционном блоке в ВКП(б)» для внесения их на рассмотрение октябрьского объединённого пленума ЦК и ЦКК ВКП(б).

26 октября. В газетах «Правда» и «Известия» №№ 247 опубликованы тезисы И. В. Сталина «Об оппозиционном блоке в ВКП(б)».

И. В. Сталин на заседании объединённого пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) выступает с речью в защиту тезисов «Об оппозиционном блоке в ВКП(б)». Пленум утверждает тезисы для внесения их на рассмотрение XV Всесоюзной конференции ВКП(б).

26 октября — 3 ноября. И. В. Сталин руководит работой XV Всесоюзной конференции ВКП(б).

1 ноября. И. В. Сталин на заседании XV Всесоюзной конференции ВКП(б) выступает с докладом «Об оппозиции и внутрипартийном положении». Доклад опубликован в газетах «Правда» и «Известия» №№ 256, 257; 5 и 6 ноября 1926 г.

3 ноября. И. В. Сталин на заседании XV Всесоюзной конференции ВКП(б) выступает с заключительным словом по докладу «Об оппозиции и внутрипартийном положении». Заключительное слово опубликовано в газетах «Правда» и «Известия» №№ 262, 12 ноября 1926 г.

6 ноября. И. В. Сталин пишет ответ редакции «Ленинградской Правды», в котором отказывается дать согласие на опубликование своей беседы с профессором Иэльского университета (Америка) Джером Дэвис, опубликованной в извращённом виде в газете «Нью-Йорк Америкен».

7 ноября. И. В. Сталин присутствует на параде войск московского гарнизона и демонстрации трудящихся Москвы на Красной площади.

15 ноября. Вышла из печати брошюра И. В. Сталина «О социал-демократическом уклоне в нашей партии» — доклад и заключительное слово по докладу И. В. Сталина на XV Всесоюзной конференции ВКП(б).

20 ноября. И. В. Сталин сообщает на заседании Президиума Исполкома Коминтерна план своего доклада на VII расширенном пленуме ИККИ «О внутрипартийном положении в ВКП(б)».

22 ноября — 16 декабря. И. В. Сталин участвует в работах VII расширенного пленума ИККИ.

22 ноября. И. В. Сталин на первом заседании VII расширенного пленума ИККИ избирается членом Президиума и членом политической комиссии пленума.

29—30 ноября. И. В. Сталин руководит заседанием Бюро делегации ВКП(б) на VII расширенном пленуме ИККИ.

30 ноября. И. В. Сталин выступает на заседании китайской комиссии VII расширенного пленума ИККИ с речью «О перспективах революции в Китае».

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие V

О БОРЬБЕ С ПРАВЫМИ И «УЛЬТРАЛЕВЫМИ» УКЛОНАМИ. *Две речи на заседании Президиума ИККИ 22 января 1926 г.* . . . . 1—10

I 1

II 5

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ СБОРНИКА «ВОПРОСЫ ЛЕНИНИЗМА» 11

К ВОПРОСАМ ЛЕНИНИЗМА . . . . 13—90

I. Определение ленинизма 13

II. Главное в ленинизме 15

III. Вопрос о «перманентной» революции . . 18

IV. Пролетарская революция и диктатура пролетариата 21

V. Партия и рабочий класс в системе диктатуры пролетариата 31

VI. Вопрос о победе социализма в одной стране 60

VII. Борьба за победу социалистического строительства 75

О КРЕСТЬЯНСТВЕ, КАК СОЮЗНИКЕ РАБОЧЕГО КЛАССА. *Ответ тт. Болтневу П. Ф., Ефремову В. П., Пелеву В. П.* 91

О ВОЗМОЖНОСТИ ПОСТРОЕНИЯ СОЦИАЛИЗМА В НАШЕЙ СТРАНЕ. *Ответ тов. Покоеву* 95

О ТОВ. КОТОВСКОМ 99

РЕЧЬ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ КОМИССИИ VI РАСШИРЕННОГО ПЛЕНУМА ИККИ *6 марта 1926 г.* 100

К МЕЖДУНАРОДНОМУ КОММУНИСТИЧЕСКОМУ ЖЕНСКОМУ ДНЮ 108

РЕЧЬ В ГЕРМАНСКОЙ КОМИССИИ VI РАСШИРЕННОГО ПЛЕНУМА ИККИ *8 марта 1926 г.* 109

О ХОЗЯЙСТВЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА И ПОЛИТИКЕ ПАРТИИ. *Доклад активу ленинградской организации о работе пленума ЦК ВКП(б) 13 апреля 1926 г.* . . . . 116—148

I. Два периода нэпа 117

II. Курс на индустриализацию 119

III. Вопросы социалистического накопления . 122

IV. Правильное использование накопления. Режим экономии 129

V. Надо создать кадры строителей индустрии 138

VI. Надо поднять активность рабочего класса 140

VII. Надо укреплять союз рабочих и крестьян 141

VIII. Надо проводить внутрипартийную демократию 144

IX. Надо охранять единство партии 145

X. Выводы 147

ТОВ. КАГАНОВИЧУ И ДРУГИМ ЧЛЕНАМ ПБ ЦК КП(б)У. 149

ОБ АНГЛИЙСКОЙ ЗАБАСТОВКЕ И СОБЫТИЯХ В ПОЛЬШЕ. *Доклад на собрании рабочих главных железнодорожных мастерских в Тифлисе 8 июня 1926 г.* 155—172

Почему возникла в Англии забастовка? 155

Почему провалилась общая забастовка в Англии? 160

Уроки общей забастовки 164

Некоторые выводы 166

О последних событиях в Польше 168

ОТВЕТ НА ПРИВЕТСТВИЯ РАБОЧИХ ГЛАВНЫХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ МАСТЕРСКИХ В ТИФЛИСЕ *8 июня 1926 г.* 173

ОБ АНГЛО-РУССКОМ КОМИТЕТЕ ЕДИНСТВА. *Речь на объединённом пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 15 июля 1926 г.* 176

Ф. ДЗЕРЖИНСКИЙ. *(На смерть Ф. Дзержинского)* . 192

ОБ АНГЛО-РУССКОМ КОМИТЕТЕ. *Речь на заседании Президиума ИККИ 7 августа 1926 г.* 194

В РЕДАКЦИЮ ЦЕНТРАЛЬНОГО ОРГАНА РАБОЧЕЙ ПАРТИИ АМЕРИКИ — «ДЕЙЛИ УОРКЕР» 204

ПИСЬМО СЛЕПКОВУ 206

О МЕРАХ СМЯГЧЕНИЯ ВНУТРИПАРТИЙНОЙ БОРЬБЫ. *Речь на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 11 октября 1926 г.* 209

ОБ ОППОЗИЦИОННОМ БЛОКЕ В ВКП(б). *Тезисы к XV Всесоюзной конференции ВКП(б), принятые конференцией и утверждённые ЦК ВКП(б)* . . 214—233

I. Переход «новой оппозиции» к троцкизму в основном вопросе о характере и перспективах нашей революции 216

II. Практическая платформа оппозиционного блока 221

III. «Революционные» слова и оппортунистические дела оппозиционного блока 228

IV. Выводы 232

О СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ УКЛОНЕ В НАШЕЙ ПАРТИИ. *Доклад на XV Всесоюзной конференции ВКП(б) 1 ноября 1926 г.* . . . . 234—297

I. Этапы развития оппозиционного блока . . 234—245

1. Первый этап 235
2. Второй этап 236
3. Третий этап 238
4. Четвёртый этап 239

5. Ленин и вопрос о блоке в партии 240
6. Процесс разложения оппозиционного блока . . . 242
7. На что рассчитывает оппозиционный блок? . . 244

II. Основная ошибка оппозиционного блока . . 245—286

1. Предварительные замечания 247
2. Ленинизм или троцкизм? 251
3. Резолюция XIV конференции РКП(б) 266
4. Переход «новой оппозиции» к троцкизму 269
5. Отписка Троцкого. Смилга. Радек 274
6. Решающее значение вопроса о перспективах нашего строительства 279
7. Политические перспективы оппозиционного блока 282

III. Политические и организационные ошибки оппозиционного блока 286

IV. Некоторые выводы 293

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО ДОКЛАДУ «О СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ УКЛОНЕ В НАШЕЙ ПАРТИИ» *3 ноября 1926 г.* . . . . 298—356

I. О некоторых общих вопросах . . . . 298—316

1. Марксизм не догма, а руководство к действию 298
2. Некоторые замечания Ленина о диктатуре пролетариата 307
3. О неравномерности развития капиталистических стран 312

II. Каменев прочищает дорогу для Троцкого 316

III. Невероятная путаница, или Зиновьев о революционности и интернационализме 325

IV. Троцкий фальсифицирует ленинизм . . . . 333—350

1. Фокусы Троцкого, или вопрос о «перманентной революции» 333
2. Жонглирование цитатами, или Троцкий фальсифицирует ленинизм 341
3. «Мелочи» и курьёзы 347

V. Практическая платформа оппозиции. Требования партии 350

VI. Итог 354

О ПЕРСПЕКТИВАХ РЕВОЛЮЦИИ В КИТАЕ. *Речь в китайской комиссии ИККИ 30 ноября 1926 г.* . . 357—374

I. Характер революции в Китае 357

II. Империализм и империалистическая интервенция в Китае 359

III. Революционная армия в Китае 362

IV. Характер будущей власти в Китае 364

V. Крестьянский вопрос в Китае 367

VI. Пролетариат и гегемония пролетариата в Китае 371

VII. Вопрос о молодёжи в Китае 373

VIII. Некоторые выводы 374

Примечания 375

Биографическая хроника (январь — ноябрь 1926) . . 389

Тираж 100 тыс. экз. (616—715 тыс.)
Подписано к печати с матриц
7/VI 1953 г.
Объём 26 печ. л.
Заказ № 227.
Цена 6 руб.

*

Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Союзполиграфпрома Главиздата
Министерства культуры СССР.
Москва, Валовая, 28.

ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВСЕСОЮЗНОЙ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
(БОЛЬШЕВИКОВ)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ МАРКСА — ЭНГЕЛЬСА — ЛЕНИНА при ЦК ВКП(б)

И. В. СТАЛИН

СОЧИНЕНИЯ

☆

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

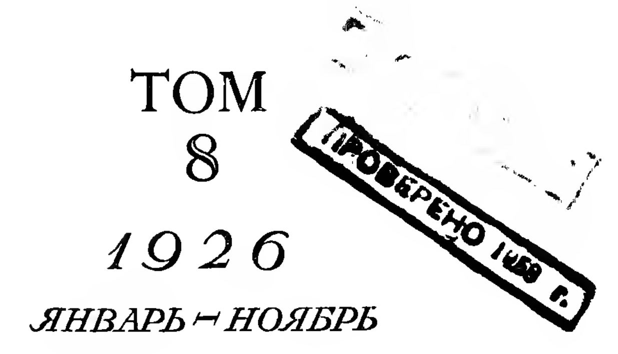
Москва · 1953

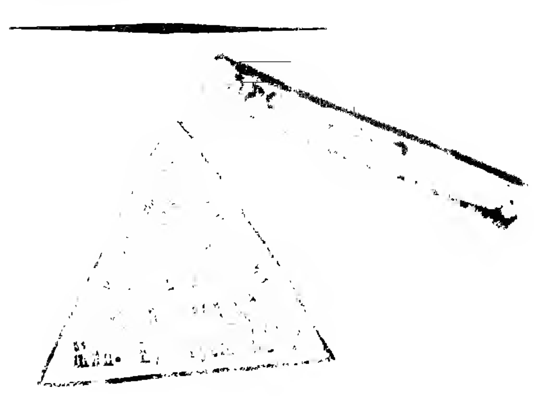
И.В. СТАЛИН

ТОМ 8

1926

ЯНВАРЬ — НОЯБРЬ

1926

ЯНВАРЬ – НОЯБРЬ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Восьмой том Сочинений И. В. Сталина содержит произведения, написанные с января по ноябрь 1926 года.

1926 год был первым годом развёрнутой борьбы большевистской партии за проведение в жизнь генеральной установки партии и Советской власти на социалистическую индустриализацию страны.

В работах «К вопросам ленинизма» и «О хозяйственном положении Советского Союза и политике партии» И. В. Сталин разоблачает враждебные извращения основ ленинизма зиновьевско-каменевской группой, отстаивает решения XIV съезда ВКП(б), вскрывает попытки «новой оппозиции» заразить партию неверием в дело победы социализма в СССР.

В докладе на XV конференции ВКП(б) «О социал-демократическом уклоне в нашей партии» и заключительном слове по докладу И. В. Сталин защищает идейное и организационное единство большевистской партии и изобличает капитулянтскую идеологию и подрывную, раскольническую работу троцкистско-зиновьевского блока.

В этих произведениях И. В. Сталина развивается ленинское учение о возможности победы социализма в отдельных странах, обосновывается возможность, необходимость и международное значение построения социалистического общества в СССР в условиях капиталистического окружения; намечаются практические

задачи партии по социалистическому строительству, определяются конкретные пути и методы проведения в жизнь генеральной установки партии на социалистическую индустриализацию страны.

В произведениях: «Об английской забастовке и событиях в Польше», «Об Англо-Русском комитете единства», «О борьбе с правыми и «ультралевыми» уклонами», «Речь в германской комиссии VI расширенного пленума ИККИ» и в других работах И. В. Сталин подчёркивает необходимость настойчивой и последовательной борьбы за единство рабочего класса, против империалистической реакции, против опасности новых империалистических войн; разоблачает троцкистскую авантюристическую теорию перепрыгивания через не изжившее себя движение, указывает пути и методы идейной и организационной борьбы против оппортунизма в зарубежных коммунистических партиях.

В речи «О перспективах революции в Китае» И. В. Сталин раскрывает особенности китайской революции, её характер и направление.

В восьмой том входят впервые публикуемые документы: «О крестьянстве, как союзнике рабочего класса», «О возможности построения социализма в нашей стране», «Речь во французской комиссии VI расширенного пленума ИККИ», речь «Об Англо-Русском комитете», «Письмо Слепкову», «О мерах смягчения внутрипартийной борьбы», письмо И. В. Сталина «В редакцию центрального органа Рабочей партии Америки — «Дейли Уоркер»». Полностью публикуется письмо И. В. Сталина «Тов. Кагановичу и другим членам ПБ ЦК КП(б)У».

Институт Маркса — Энгельса — Ленина
при ЦК ВКП(б)